

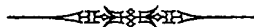
Проф. В. И. РѢЗАНОВЪ.

ИЗЪ РАЗЫСКАНІЙ

О СОЧИНЕНІЯХЪ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

Выпускъ II.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1916.

Періодъ русской литературы, охватывающій конецъ XVIII и начало XIX вѣка, до сихъ поръ еще сравнительно мало затронутъ научнымъ анализомъ. Въ основѣ нашихъ представленій объ этой эпохѣ часто лежатъ, главнымъ образомъ сохранившіеся по традиціи, устной или письменной, взгляды современниковъ, ихъ отзывы, впечатлѣнія. Отзывы эти еще мало провѣрены научной критикой, хотя извѣстно, что взгляды и оцѣнка современниковъ могутъ грѣшить и односторонностью и пристрастіемъ,—порою прямо невѣрностью, и во всякомъ случаѣ совершенно чужды исторической перспективы, которая одна только и въ состояніи дать возможность оцѣнить явленія по дѣйствительному ихъ достоинству, представить ихъ въ настоящемъ видѣ и освѣщеніи. А между тѣмъ конецъ XVIII вѣка и начало XIX — эпоха важнѣйшая въ исторіи русской литературы: это — послѣдніе годы нашего литературнаго, такъ сказать, ученичества, кануны, подготовившіи расцвѣтъ самобытности въ поэзіи Пушкина, Гоголя и позднѣйшихъ нашихъ писателей. Жуковский былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей того времени.

Покойный академикъ А. Н. Веселовскій выразился, что благодаря біографіямъ Плетнева и Зейдлица—современниковъ и друзей Жуковского—личность послѣдняго представляютъ себѣ въ идеальномъ, нѣсколько *иконописномъ* образѣ¹⁾. Этотъ же образъ встрѣчаемъ и въ книгѣ Загарина („В. А. Жуковский и его произведенія“. М. 1883 г.), отзывающейся тономъ панегирика: „Образъ, написанный широкими полосами свѣта, говоритъ А. Н. Веселовскій²⁾);—идеализація часто напоминаетъ старую монету, на которой видны одни контуры и исчезли

¹⁾ А. Н. Веселовскій, В. А. Жуковский. Поэзія чувства и „сердечнаго воображенія“. С.-Пб. 1904 г. Предисл., V.

²⁾ Тамъ же.

мелкіе штрихи“. Наступила пора дать *реальную характеристику* писателя, обращая вниманіе и на мелкія черты, которыя, по выраженію А. Н. Веселовскаго, важны какъ трепещущія жизнью, объясняющія многое въ Жуковскомъ—человѣкѣ и поэтѣ; блестящая книга А. Н. Веселовскаго и представляетъ собой въ высокой степени замѣчательный, по необыкновенной мощи концепціи, опытъ такой характеристики личности и творчества нашего поэта.

Вопросъ однако же отнюдь не исчерпанъ: онъ теперь только правильно поставленъ. Большой писатель требуетъ тѣмъ болѣе внимательнаго, детальнаго изслѣдованія.

Приступая къ продолженію своихъ этюдовъ, первые 19 §§ которыхъ вышли отдѣльною книгою (Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, С.-Пб. 1906 г.), брошу взглядъ на пройденный мною доселѣ путь.

Задача моихъ разысканій—анализъ сочиненій Жуковскаго сравнительно и въ связи съ изученіемъ фактовъ современной ему литературы, какъ той среды, въ которой и подъ воздѣйствіями которой развивалась и протекала его писательская дѣятельность. Чтобы имѣть подъ собой твердую почву при рѣшеніи вопроса о ходѣ этого развитія, необходимо прежде всего тщательное изученіе начальнаго періода, какъ отправнаго пункта. О ребяческихъ годахъ Жуковскаго судили по воспоминаніямъ подружки его дѣтства А. П. Зонтагъ; Тихонравовъ¹⁾, на основаніи отзыва А. П. Елагиной, что въ этихъ воспоминаніяхъ заключается „*правда и очень много поэзии (Wahrheit und viel Dichtung)*“, отнесся почти пренебрежительно къ этому источнику свѣдѣній о дѣтствѣ Жуковскаго; обнародованныя автобіографическія замѣтки и дневники Жуковскаго²⁾ даютъ теперь возможность критической провѣрки сообщаемыхъ у Зонтагъ фактовъ и извлеченія изъ воспоминаній ея той *Wahrheit*, которая можетъ служить пригоднымъ матеріаломъ для освѣщенія этой поры начатковъ, зарожденія литературной дѣятельности Жуковскаго. Я и пытался сдѣлать это въ первой главѣ моихъ разысканій; изслѣдованіе привело меня къ выводу, что на поэтическихъ попыткахъ дѣтскихъ лѣтъ нашего писателя отразилось вліяніе какъ стараго псевдоклассическаго, такъ и новаго, шедшаго ему на смѣну литературнаго теченія.

Время ученія Жуковскаго въ Московскомъ Университетскомъ

¹⁾ Соч. III, ч. 1, стр. 388—389.

²⁾ И. А. Бычковъ, Дневники Жуковскаго. С.-Пб. 1903 г.

Благородномъ Пансіонѣ составляетъ безспорно важнѣйшую въ его жизни эпоху, на изученіи которой съ особеннымъ вниманіемъ долженъ остановиться изслѣдователь. На сочиненія нашего писателя, относящіяся къ этому періоду, смотрѣли, какъ на своего рода *программу* его литературной дѣятельности: „Въ раннихъ произведеніяхъ Жуковскаго, не чуждыхъ недостатковъ, свойственныхъ всѣмъ начинающимъ поэтамъ,—говорилъ въ своихъ лекціяхъ И. Н. Ждановъ,—мы впервые встрѣчаемся съ тѣмъ настроеніемъ нашего поэта, которое господствуетъ во всей его дальнѣйшей литературной дѣятельности,—съ настроеніемъ задумчивымъ, меланхолическимъ; мало того, всѣ темы, даже поэтическіе образы, съ которыми мы встрѣчаемся въ поэзіи Жуковскаго въ пору полного ея развитія, мы находимъ и въ дѣтскихъ его произведеніяхъ“¹⁾. Отсюда—важность изслѣдованія происхожденія, въ начальный періодъ, элементовъ и мотивовъ въ творествѣ писателя, который самъ сознавался: „У меня все чужое, и однако же все мое“; необходимо освѣтить процессъ, какимъ чужое, заимствованное, навѣянное, претворялось нашимъ поэтомъ въ его поэтическую собственность.

Попытку детального изученія произведеній пансіонскаго періода жизни Жуковскаго, въ связи съ окружавшею его литературною атмосферой, теченіями и отдѣльными фактами литературы русской и западно-европейской, я и дѣлаю въ дальнѣйшихъ главахъ своихъ „Разысканій“. Обнаруживается, что писательство Жуковскаго въ Пансіонѣ зависѣло отъ внушавшихся ему школьныхъ правилъ, теоретическихъ положеній, отъ вліянія преподавателей, руководившихъ и направлявшихъ опыты питомцевъ Пансіона—учебнаго заведенія съ укоренившимся и преобладавшимъ литературнымъ направленіемъ; многія изъ пансіонскихъ сочиненій Жуковскаго были не болѣе какъ классными упражненіями на данную преподавателемъ тему. Школьникъ-Жуковский долженъ былъ отдать обильную дань корифеямъ предшествовавшаго періода литературы—Ломоносову, Державину: подъ вліяніемъ преподавателя словесности въ пансіонѣ М. Н. Баккаревича, горячаго поклонника Ломоносова и Державина, и Жуковский и его товарищи заимствовали у нихъ образы, выраженія, порою цѣлыя мѣста, стремились усвоить ихъ „монументальный“ стиль.

Вліяніе того же Баккаревича, поклонника также и Карамзина,

¹⁾ В. А. Жуковский по лекціямъ И. Н. Жданова, читан. студ. И.-Ф. Института въ 1886/7, изд. г. С.-Пб. Изданіе студентовъ (литограф.), стр. 18—19.

обусловило увлеченіе Жуковскаго новымъ литературнымъ теченіемъ, „карамзинскимъ“, въ ряды котораго и сталъ нашъ поэтъ; сентиментально-меланхолическое настроеніе, проникающее пансіонскія сочиненія Жуковскаго, имѣеть главнѣйшимъ образомъ литературно происхожденіе. Вниманіе, какое удѣляла тогдашняя журнальная литература элегіи Грея *In a country church-yard*, вызвало „Сельское кладбище“ Жуковскаго—переводъ-передѣлку въ духъ тогдашнихъ русскихъ литературныхъ произведеній на меланхолическія темы. Нашъ поэтъ покамѣстъ усваивалъ и твердилъ уроки своей литературной школы, и опередилъ другихъ представителей „карамзинскаго“ литературнаго направленія пока лишь въ области версификаціи, сообщивъ своему стиху большую мягкость и благозвучіе.

Черезъ посредство А. А. Прокоповича - Антонскаго Жуковский пришелъ въ соприкосновеніе съ морально-педагогическими идеями, развивавшимися въ кружкѣ Новикова и Шварца. Сближеніе съ семьей И. П. Тургенева, И. В. Лопухинымъ и нѣк. др. бывшими членами „Дружескаго Ученаго Общества“ и „Компаніи Типографической“ обусловило вліяніе на Жуковскаго идеалистическаго міросозерцанія этой части московскаго общества. А. Н. Веселовскій въ своей юбилейной рѣчи о Жуковскомъ говорилъ: „Въ исторіи человѣческаго сознанія есть эпохи, когда при упадкѣ общественности, личная жизнь получаетъ особую цѣнность, и требованія разсудка уступаютъ вождельніямъ сердца. Сентиментальныя эпохи—эпохи общественнаго затишья, ожиданья или реакціи; широкія цѣли дѣятельности заказаны или еще не раскрылись, прогрессъ ограниченъ предѣлами личности. Идеаломъ каждаго становится развитіе въ себѣ „человѣка“, присущихъ ему нравственныхъ началъ; для этого не надо общества... Въмѣсто общества—семья,.. рядомъ съ семьей тѣсный кружокъ друзей, взаимно связанныхъ одной задачей, поддерживающихъ другъ друга въ стремленіи къ общей цѣли. Чувство, любовь, дружба, вѣра, поэзія—вотъ что воспитываетъ“¹⁾... Эти тенденціи, которыми была проникнута окружавшая молодость Жуковскаго среда, трудно формулировать удачно, чѣмъ это сдѣлано въ приведенной цитатѣ; тенденціи эти проникаютъ произведенія Жуковскаго этой поры,—и не только его произведенія, но и сочиненія ближайшихъ къ нему лицъ, образовавшихъ кружокъ Дружескаго Литературнаго Общества, цѣлью котораго ста-

¹⁾ А. Н. Веселовскій, В. А. Жуковскій, Изв. отд. русс. яз. и слов. Акад. Н., т. VII (1902), кн. 2, стр. III.

вилось: „служба добродѣтели и истинѣ“, найти и развить въ себѣ „лестный талантъ трогать и убѣждать другихъ словесностью“.

Обозрѣніе литературной дѣятельности молодыхъ членовъ этого кружка обнаруживаетъ множество точекъ соприкосновенія между Жуковскимъ и его друзьями. Взаимодѣйствіе было полное. Всѣ вмѣстѣ они дѣлали одно общее дѣло, примыкая къ господствовавшимъ тогда въ литературѣ теченіямъ, увлекаясь ими, продолжая и развивая ихъ. Программа была намѣчена, нужно было ее выполнить, прежде чѣмъ стать твердо на собственные ноги. Сочиненія этой группы нашихъ литераторовъ (Андрея Тургенева, Мерзлякова, Кайсаровыхъ, С. Родзянки и др.) теряются главнымъ образомъ на страницахъ давно забытыхъ старыхъ нашихъ журналовъ, въ родѣ „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени“, „Иппокрены“, на страницахъ сборниковъ какъ „Утренняя Заря“ и т. под.; нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій появились и отдѣльно, но давно стали библіографической рѣдкостью. Чтобы собрать ихъ, понадобилось немало поисковъ въ большихъ библіотекахъ. Обозрѣвая эти произведенія, я старался уяснить ихъ связи съ окружающею средой, опредѣлить ихъ источники,—хотя возможность къ этому представлялась далеко не всегда, главнымъ образомъ потому, что крайне трудно имѣть подъ руками коллекцію нужныхъ старыхъ изданій.

Въ своихъ разысканіяхъ я вынужденъ былъ ограничиться одними лишь печатными матеріалами. Рукописныя данныя, заключающіяся въ архивѣ братьевъ Тургеневыхъ (хранится въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Императорской Академіи Наукъ) и использованныя академикомъ В. М. Истринымъ въ любопытной монографіи „Дружеское Литературное общество 1801 г.“¹⁾, вносятъ такого рода разъясненія и дополненія: Дружеское Литературное Общество возникло, по мысли Андрея Тургенева и Мерзлякова, съ цѣлью стройнѣе организовать молодой Тургеневскій кружокъ и путемъ составленія и примѣненія устава, при взаимномъ контролѣ, регламентировать опредѣленными формами дѣятельность его членовъ; однако общество, какъ такая организація, просуществовала очень недолго—всего нѣсколько мѣсяцевъ: при наличности глубокой внутренней органической связи между членами кружка пріятелей внѣшнее выраженіе этой связи, въ формѣ

¹⁾ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1910 г. № 8; срв. Архивъ бр. Тургеневыхъ, изд. Отдѣл. Русск. яз. и Слов. Имп. Академіи Н., вып. 2-й (С.-Пб. 1911 г.); Письма и дневникъ А. И. Тургенева геттингенскаго періода, съ введ. и прим. В. М. Истрина. Младшій Тургеневскій кружокъ и А. И. Тургеневъ, гл. IV, стр. 100 и слѣд.

общества, налагавшее извѣстныхъ стѣсненія обязательности, оказалось излишнимъ, для нѣкоторыхъ членовъ обременительнымъ и скучнымъ; вслѣдъ за возникновеніемъ общества, какъ обязательной организаціи, обнаружилось недовольство этою затѣей, оно скоро перестало существовать, и о немъ забыли, въ воспоминаніяхъ его участниковъ рисовался или весь періодъ существованія Тургеневскаго кружка или время, непосредственно предшествовавшее возникновенію общества съ уставомъ, написаннымъ Мерзляковымъ.

Литературная дѣятельность одного изъ главнѣйшихъ членовъ кружка, А. О. Мерзлякова, развивалась вначалѣ въ двухъ направленіяхъ: риторическомъ ломоносовско-державинскомъ (парадные оды) и меланхолическо-сентиментальномъ (пѣсни, баллады); появленіе балладъ въ русской литературѣ конца XVIII—начала XIX вѣка было вызвано вліяніемъ сборниковъ англійскихъ и нѣмецкихъ балладъ.

Въ напечатанныхъ въ свое время твореніяхъ другого главы Дружескаго Литературнаго Общества, Андрея Тургенева, нашли для себя выраженіе сентиментально-меланхолическіе мотивы, подъ вліяніемъ Макферсона, Грея, Юнга, Маттиссона. Подготавливаемое академикомъ Истринымъ, на основаніи матеріаловъ Тургеневскаго архива, изданіе сочиненій, переписки и дневниковъ Андрея Тургенева дастъ полное и яркое освѣщеніе этой выдающейся личности.

Произведенія прочихъ членовъ дружескаго литературнаго общества частью примыкають къ старому риторическому направленію, частью обрабатываютъ меланхолическіе мотивы литературнаго происхожденія.

Что касается относящихся къ этому періоду сочиненій Жуковскаго, то обрабатывавшіеся имъ меланхолическіе мотивы, его „некроманія“, представляется мнѣ не болѣе какъ отраженіемъ едва ли не исключительно литературныхъ вѣяній, увлеченія тогдашней своеобразной литературной модой расписывать кладбища и гробницы: учитель Жуковскаго Баккаревичъ пишетъ „Надгробный памятникъ“, Андрей Тургеневъ въ своей элегіи тоже забрелъ на кладбище, и длинный рядъ другихъ авторовъ разгуливали въ своихъ писаніяхъ по кладбищамъ,—вслѣдъ за Греемъ, Югомъ, Маттиссономъ и проч.

Тихонравовъ, въ своей капитальной статьѣ по поводу книги Загарина, назвалъ юношескіе переводы Жуковскаго въ прозѣ замѣчательными въ литературномъ и даже біографическомъ отношеніи. Какъ мало, однако, на нихъ обращалось вниманія, доказывается прежде всего тѣмъ, что переводы эти не переиздавались въ собраніяхъ сочи-

неній Жуковскаго, какъ бы игнорировались, и теперь тексты ихъ представляютъ собой библиографическую рѣдкость, вмѣстѣ съ рядомъ другихъ подобныхъ же книжекъ, образовавшихъ извѣстное теченіе въ нашей переводной беллетристикѣ того времени. Обратившись къ вопросу о первыхъ переводахъ Жуковскаго въ прозѣ (гл. XVI—XIX) и стремясь выяснитъ причины и поводы, по которымъ нашъ поэтъ избиралъ для перевода то или другое сочиненіе, мнѣ пришлось заняться разсмотрѣніемъ существовавшихъ тогда теченій въ нашей переводной литературѣ, потокъ которыхъ увлекалъ и Жуковскаго; по моимъ наблюденіямъ, переводы Жуковскаго изъ Коцебу были обусловлены увлеченіемъ, съ какимъ относились къ произведеніямъ этого писателя современники вообще и члены Дружескаго Литературнаго Общества въ частности; сдѣланный Жуковскимъ выборъ Флоріана для перевода объясняется вліяніемъ современнаго ему теченія въ русской переводной беллетристикѣ и симпатичными Жуковскому морально-сентиментальными тенденціями Флоріана.

Для оцѣнки качествъ и особенностей переводовъ Жуковскаго понадобилось сличеніе ихъ съ оригиналами. Выяснилось, что нашъ переводчикъ допускалъ отступленія отъ подлинника, при чемъ отступленія эти объясняются тогдашними его литературными вкусами, выработывавшимися въ окружавшей его средѣ, и находятся въ согласіи съ распространеннымъ тогда взглядомъ на задачи и обязанности переводчика.

Предметомъ послѣдующихъ главъ моихъ разысканій будетъ прежде всего объясненіе сдѣланныхъ въ это же время Жуковскимъ попытокъ оригинальнаго творчества въ прозѣ („Вадимъ Новгородскій“ и др.).

XX.

Среди занятій переводами Жуковскій предпринимаетъ относительно самостоятельный опытъ повѣствованія. Примѣръ Флоріана увлекаетъ его, и онъ замышляетъ такую же quasi-историческую „поэму“ въ прозѣ, какъ только что переведенный имъ „Вильгельмъ Тель“: въ XII книжкѣ карамзинскаго Вѣстника Европы за 1803 г. явилось начало („книга первая“—продолженія, впрочемъ, не послѣдовало) „исторической“ повѣсти *Вадимъ Новгородскій*. Это была одна изъ ряда наблюдавшихся въ то время попытокъ вступить въ состязаніе съ иноземными образчиками литературы этого рода.

Обработкѣ историческихъ сюжетовъ въ формѣ романа, повѣсти, за границей предавались въ это время съ увлеченіемъ; à l'aurore

même de notre siècle, m-me de Genlis et toute la tourbe de ses rivales, avec une intrépidité admirable et bien digne d'un meilleur objet, entassent à l'envi les *Jeanne de France* sur les *Mathilde* et les *Stanislav de Pologne* sur les *Charpentier de Saardam*, говорить исторію ¹⁾). Героємъ избиралась какаѣ-нибудь личность, извѣстная въ исторіи или по легендарному преданію; при разработкѣ же сюжета исторія служила этимъ авторамъ не болѣе, какъ un voile ingénieux, un prétexte à couvrir leurs ridicules et plates inventions; il leur suffit, pour se croire le droit d'investir le plus invraisemblable roman du titre d'historique, qu'il y ait dans ce roman un personnage ou un événement dont parle l'histoire ²⁾... Авторъ въ заглавіи ставилъ: „историческій романъ“, а затѣмъ спокойно предавался aux caprices les plus déréglés de la plus extravagante fantaisie ³⁾. Вальтеръ Скоттъ съ своимъ историческимъ чутьемъ, живымъ пониманіемъ прошлаго и мастерствомъ рассказывать, далъ настоящій историческій романъ ⁴⁾; ранѣе, въ теченіе почти двухъ вѣковъ, отъ Кальпренеда до m-me Жанлисъ, движенія впередъ въ этой области не было, и у Флоріана—та же фантастика вмѣсто исторіи ⁵⁾).

На русской почвѣ наблюдаемъ то же самое, вплоть до Капитанской Дочки Пушкина.

„Историческіе“ романы и повѣсти были хорошо извѣстны въ Россіи и въ оригиналахъ и въ переводахъ. Отмѣчу рядъ такихъ переводовъ, относящихся къ занимающей насъ эпохѣ—концу XVIII и началу XIX вв.:

Гонзальвъ Кордуанскій, или возвращенная Гренада; твор. Флоріана; перев. (Григорій) Ш(иповскій). С.-Пб. 1793 ⁶⁾);

Эльфредъ или Альфредъ Великій, соч. Арнода („Сокращенности“ 1794 г. № 4) ⁷⁾);

Велизарій, соч. Мармонтеля; 1796, изд. 4-ое ⁸⁾);

¹⁾ *L. Maigran*, Le Roman historique à l'époque romantique, P. 1898, p. III.

²⁾ Тамъ же, стр. 22, со ссылкой на *Chassang*, Histoire du roman et de ses rapports avec l'histoire, 1862.

³⁾ Тамъ же, стр. 23.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 77.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 28, 25.

⁶⁾ *В. В. Сиповскій*, Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти (матеріалы по библиографіи и пр.), С.-Пб. 1903, № 1415.

⁷⁾ Тамъ же, № 1649.

⁸⁾ Тамъ же, № 1764.

Аделаида Бургундская, истор. пов., пер. съ нѣм. (Г. Каменева). Ипокрена, 1800, VII 1);

Инки, или разрушеніе Перуанской имперіи; соч. Мармонтеля, пер. М. Сушкова. М. 1801 2);

Вильгельмъ Тель, или освобожденная Швейцарія, соч. Флоріана, М. 1802 3);

Герцогиня де ла Вальеръ, съ тремя портретами: герцогини де ла Вальеръ, Людовика XIV и г-жи де Монтеспанъ; соч. г-жи Жанялисъ. М. 1804 4);

Королева Ильдегерда, повѣсть г. Коцебу. М. 1801 5);

Біанка де-ла-Порта, истинный анекдотъ изъ италіанской исторіи. М. 1802 6);

Паденіе Капуи, соч. Мейснера. М. 1803 7);

Ромуль, соч. Августа Лафонтена. М. 1803 8);

Брутъ, или освобожденный Римъ; соч. Авг. Лафонтена. М. 1805 9), и др.

По примѣру иностранныхъ подобнаго рода обработокъ историческихъ сюжетовъ, наши писатели обратились за матеріаломъ для своихъ повѣствованій къ древне-русской старинѣ. Какъ относились въ этихъ случаяхъ авторы къ своей задачѣ, къ своимъ источникамъ, можно иллюстрировать, между прочимъ, тѣмъ profession de foi, какое высказалъ стихотворецъ, претендовавшій создать національный русскій историческій эпосъ,—М. М. Херасковъ въ предисловіи къ своей Россіадѣ: „Повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я на исторической истинѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ... Но да памятуютъ мои читатели, что какъ въ эпической поэмы вѣрности исторической, такъ и въ дѣяніяхъ поэмы искать невозможно. Многое отметилъ я, переню-

1) Тамъ же, № 1990.

2) А. Шторхъ и Ф. Адельунгъ, Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи съ 1801 по 1806 г., ч. I, С.-Пб. 1810, № 1176.

3) Тамъ же, № 1186. О романахъ Флоріана см. выше, въ главѣ XVIII моихъ размысканій о соч. Жуковского, отд. отд. стр. 316 и сл.

4) Тамъ же, № 1255.

5) Тамъ же, № 1277. О ней см. выше въ главѣ XVIII моихъ размысканій, отд. отд. стр. 307 и слѣд.

6) Тамъ же, № 1301.

7) Тамъ же, № 1307.

8) Тамъ же, № 1308.

9) Тамъ же, № 1320.

силъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ, созидалъ“ ¹⁾).

Херасковъ дѣйствительно собиралъ историческіе источники, каковыми и воспользовался въ своей поэмѣ съ тою свободой, о которой заявляетъ въ приведенныхъ словахъ предисловія ²⁾).

Съ еще большей свободой отнесся онъ къ своему источнику въ тенденціозной „стихотворной повѣсти“ *Царь или спасенный Новгородъ* (М. 1800), гдѣ изображаются сплошь вымышленныя событія, „когда Великій Новгородъ при бояринѣ Гостомыслѣ возмутился“ ³⁾).

Для уясненія манеры послѣдующихъ авторовъ, бравшихся за сюжеты изъ русской старины, остановлюсь на анализѣ нѣсколькихъ примѣровъ.

В. Т. Нарѣжный въ молодые свои годы, будучи студентомъ московскаго университета, написалъ небольшую историческую поэму *Брега Алты* ⁴⁾), въ которой описываетъ послѣднюю часть войны Ярослава съ Святополкомъ-братоубійцей. Въ основѣ стихотворенія лежитъ извѣстный лѣтописный разсказъ (подъ 1019 годомъ), съ которымъ Нарѣжный могъ познакомиться по изданіямъ XVIII вѣка:

Въ лѣто 6527 прииде Святополкъ съ Печенѣги въ силѣ тяжцѣ, и Ярославъ собравъ множество вой, изыде противу ему на Олто, и ста на мѣстѣ, идѣже убиша Бориса, и вдѣвъ рудѣ на небо, рече: „Кровь брата моего вопіеть къ тобѣ, Владыко; мсти отъ крове праведнаго сего, якоже мстилъ еси кровь Авелеву, и положилъ еси на Каинѣ стованіе и трясеніе“. И помолился пойдоша противу собѣ, и покрыша поле Олтеское обои отъ множества вой; бѣ же пятокъ тогда. Выходящу солнцу ступишась обои, и бысть сѣча зла, такова не бывала на Руси: за руки емлючися сѣчухусь, и ступишась трижды, яко по удолюемъ крови текущи; къ вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ побѣже. И бѣжащу ему, нападе нань бѣсъ, и расслабѣша кости его, и не можаше сѣдѣти, и носяхуть и въ носилѣхъ... Яро-

¹⁾ Россіяда, ироническая поэма, историческое предисловіе, стр. XIII (пользуюсь изданіемъ М. 1807).

²⁾ Объ отношеніи Хераскова къ его историческимъ источникамъ см. *Г. З. Кунцевичъ*, *Исторія о Казанскомъ царствѣ*, С.-Пб. 1905, стр. 574—588.

³⁾ Объ этомъ произведеніи Хераскова см. *И. И. Замотинъ*, *Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ*, Воронежъ, 1900, стр. 52 и слѣд.

⁴⁾ Приятное и полезное препровожденіе времени, часть XVIII (М. 1798 г.), стр. 281—287.

славъ же сѣде въ Кіевѣ, утеръ пота съ дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ ¹⁾).

Въ лѣтописи по Никонову списку въ этомъ разсказѣ послѣ словъ: „по удолиемъ крови текущій“ прибавлено: „Мнози же вѣрнии видяху Ангелы помогающа Ярославу“ ²⁾), — украшеніе въ стилѣ древне-русскихъ воинскихъ повѣстей, въ которыхъ помощь и заступленіе небесной силы — эпизодъ весьма распространенный въ боевыхъ описаніяхъ ³⁾).

Нарѣзанный обработалъ свой матеріалъ въ „монументальномъ“ стилѣ XVIII вѣка. Поэма начинается описаніемъ утра и мѣстности, гдѣ должно разыгратъ изображаемое событіе:

Взошелъ пресвѣтлый Царь небесъ,
И ризою своей багряной
Покрывъ поля и дальній лѣсъ,
И Алты брегъ злато-песчаной...

Затѣмъ авторъ вспоминаетъ о побѣдѣ, недавно одержанной въ этой же мѣстности Владиміромъ надъ печенѣгами (повидимому, разумѣя переяславское единоборство), и изображаетъ прибытіе Святополка; слова лѣтописи: „Приде Святополкъ съ печенѣги въ силѣ тяжцѣ“ развиваются въ цѣлую картину:

Но кто—какъ туча громовъ полна,—
По мертвому челу полей
Стремится какъ гора огромна
И держитъ смерть въ рукѣ своей?
Кто на конѣ стремится яромъ,
И двигаетъ песчану степь...
На чьемъ челѣ простерлись мраки,
Багрова кровь въ очахъ кипитъ?..
Се извергъ,—крови врагъ Россійской,—
Убийца братьевъ, Святополкъ!
Съ ордою отъ страны Азіійской
Свирѣпою—какъ хищный волкъ
Пришелъ—и на брегахъ песчаныхъ
Онъ сталъ, какъ съ стадомъ тигровъ гладныхъ.

Слѣдуетъ воспоминаніе о убіеніи Бориса, возсоздается картина злодѣянія:

¹⁾ Библиотека Россійская историческая, ч. I, С.-Пб. 1767: Лѣтопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку, стр. 100—101.

²⁾ Русская лѣтопись по Никонову списку, ч. I, С.-Пб. 1767, стр. 126.

³⁾ А. С. Орловъ, Объ особенностяхъ формы русскихъ воинскихъ повѣстей, тр. 37, 43 (Чт. въ Общ. Ист. и Древ. при Москов. унив., 1902, кн. 4).

Еще берега сіи дымилась
Бориса кровію; еще
Тѣ вопли тутъ вездѣ носились,
Которы испускалъ вотще
Предъ братомъ, предъ своимъ убійцей... ¹⁾
Я вижу ту ужасну ночь,
Когда злодѣи растерзали
Россіи цвѣтъ...
Едва-едва луна мелькала,
И съ трепетомъ туда взирала,
Гдѣ юный Витязь средь полей,
Простершись на травѣ закланный,
Дымяся кровію своей,
Направилъ къ небу духъ свой бранный.

Далѣе примѣняется фигура прозопопеи; для изображенія порожденнаго княжескою кровавою распріей тягостнаго положенія страны, нашъ авторъ выводитъ олицетворенный образъ скорбной Россіи:

Россія мракомъ облеченна,
Отъ взоровъ сѣя скорбь и страхъ,
Печалью, грустью покровенна,
Съ блестящею слезой въ очахъ,
На верьхъ Днѣпровскихъ горъ склонилась...
Со стономъ, воплемъ такъ рекла:
„Увы! вѣнецъ мой меркнетъ свѣтлый,
Падеть мой твердый нынѣ тронъ!..“

Ярославъ выступаетъ противъ Святополка:

Уже блеститъ копьѣ и мечъ,
Гремятъ доспѣхи, мѣдъ свергаетъ,
Повсюду грозна смерть летаетъ,
Звукъ трубный вкругъ услѣлъ протечь;
И гдѣ Бориса смерть постигла,
Гдѣ кровь его поля омыла,
Тамъ юный, бодрый Ярославъ
Какъ солнце красное явился.
Перунъ въ рукѣ его стремился
Грежѣтъ—еще не воспылавъ...

Слѣдуя далѣе канвъ лѣтописнаго разсказа, Нарѣжнѣй влагаетъ въ уста Ярославу молитву объ отмщеніи братоубійцѣ:

¹⁾ Видимо, авторъ имѣлъ въ виду подробности, съ которыми познакомился по Никоновой лѣтописи: „И скончавъ (Борисъ) заузренюю и помолися глаголю: Господи Иусе Христе, иже сямъ образомъ явися на земля... и примѣ страсть грѣхъ ради нашихъ! тако и мене грѣшнаго сподоби принати страсть сию не отъ противныхъ, но отъ своего брата: не постави ему, Господи, в семъ грѣхъ“... (Лѣтопись по Никонову списку, ч. I, С.-Пб. 1767, стр. 117).

Онъ (Ярославъ) къ небу томный взоръ направилъ,
Къ землѣ колѣна преклонилъ:
„Ты видишь, рекъ, о Боже правый!
Гдѣ братъ мой кровь свою пролилъ,
Гдѣ Святополкъ рукой багровой
Прервалъ его цвѣтущій вѣкъ;
И гдѣ коварствомъ, сѣтью новой,
Едва моей онъ не пресѣкъ.
Защити насъ, о Боже сильный!
И кровь отмсти людей невинныхъ!“

Согласно съ лѣтописнымъ разсказомъ, съ восходомъ солнца началась и цѣлый день длилась страшная битва:

Онъ (Ярославъ) рекъ—и солнечный восходъ
Подвинулъ къ битвѣ ихъ ужасной...

Однѣ изъ подробностей сѣчи заимствованы изъ лѣтописи:

Въ долинахъ крови ключъ кипить,—

срв. „яко по удолюемъ крови текущи“; другія детали явились результатомъ творчества автора:

Брега завывли Алтскихъ водъ,
И эхо стонеть глухо, мрачно...
Тамъ крики, стоны раздаются,
Тамъ слышенъ жалкій вопль людей,
Отъ звуку горы, доль трясутся,
Вѣтръ воетъ отъ бѣгу коней.

Особенно эффектно изображеніе Святополка:

Какъ туча грозная несется
По мрачному челу небесъ,
За коей молнья, громъ влечется,
Котора кроетъ стель и лѣсъ:
Такъ Святополкъ исполненъ злобы,
Какъ вихрь летаетъ по полямъ;
Предъ нимъ находятъ Россы гробы,
Воззрять—и молнии блещутъ тамъ;
Онъ ступить—поле, брегъ стенаетъ,
Мечемъ махнеть—и всѣхъ сражаетъ,
Речеть—и грозный громъ гремитъ,
Подвигнется—вкрутъ кровь кипить...

Изображеніе это представляетъ явное подражаніе извѣстному мѣсту въ одѣ Державина На взятіе Варшавы ¹⁾.

¹⁾ Черная туча, мрачныя крыла
Съ дѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыва;

Бой продолжается до самой ночи:

Проходить утро, полдень скрылся,
И холодный вечеръ наступилъ...
Но кровь кийѣтъ не преставала
И хладну зелень окропляла,
Густѣль сраженныхъ вопль и стонъ, и проч.

Упомянутое въ лѣтописи о помощи Ярославу ангеловъ даетъ Нарѣжскому поводъ, вводя особый эпизодъ для развязки битвы, нарисовать цѣлую картину опять въ классическомъ стилѣ XVIII вѣка; вмѣсто ангеловъ выступаютъ Геній Россіи, который и рѣшаетъ побѣду:

Внезапно въ высотахъ эфирныхъ,
Средь громовъ, средь летучихъ тучъ—
Явился на крылахъ сапфирныхъ,
Какъ молнии яркосвѣтлый лучъ,—
Россіи Геній съ воплемъ, стономъ
На мѣстѣ битвы возрыдалъ.
Вокругъ озрѣлъ печальнымъ окомъ—
И лѣсъ уныло завывалъ.
„Неужли, рекъ, коронъ блистанье,
Порфиры свѣтлость и вѣнецъ
Возмогутъ заглушить стенанье
Врученныхъ Русскихъ вамъ сердецъ?
Иль кровь Россіяны вась не тронеть,
Иль слезы ихъ для вась ничто?
Внемлите, какъ Россія стонеть,
И бросьте взоры вы на то!“
Онъ рекъ—и метящею рукою
На полкъ тиранна бросилъ громъ;
И полной милости другою
Владыкѣ лавръ подносить онъ.
Стремится хищникъ съ поля брани,—
И потъ съ лица герой отеръ...

Срв. въ лѣтописи: „Ярославъ *утеръ нота* со дружиною своею...“

Ярославъ обращаетъ рѣчь къ Генію, даровавшему ему побѣду, и произноситъ обѣтъ заботиться о благоденствіи подданныхъ. Воины Ярослава направляются къ Кіеву; Слава въ свою трубу возвѣщаетъ о водвореніи мира:

Вихрь полуночный, летитъ богатырь!
Тма отъ чела, съ посвиста пыль!
Молнии отъ взоровъ бѣгутъ впереди...
Ступить на горы—горы трещать,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ, и проч.

(Соч. Держ., т. I, стр. 443).

Парить надъ росскимъ строемъ Слава,
И громкій гласъ ея трубы,
Сей гласъ, громамъ подобный звучнымъ,
Въщала: „У Росса съ Россомъ миръ!“ и проч.

Всеобщая радость:

У Россовъ миръ—поля взыграли,
Брега Днѣпровы восплескали,
Валы быстрѣ потекли.
У Россовъ миръ—ликують грады,
И мирны сельскія ограды
До облакъ миръ сей вознесли.

Россія обрадована и успокоена:

Исчезла скорбь въ ея очахъ,
Катиться слезы перестали;
На радостныхъ ея устахъ
Восторгъ, веселье расцвѣтали.
Въ живѣйшей радости своей
Возведши взоръ къ странамъ небеснымъ,
Рекла: „Конецъ судьбѣ моей
„И всѣмъ нещастьямъ понесеннымъ!“

Такъ отразилось на этой обработкѣ Нарѣжнымъ заимствованнаго изъ лѣтописи сюжета свойственное искусствамъ XVII—XVIII вв. пристрастіе къ аллегорическимъ образамъ и фигурамъ.

Подъ впечатлѣніемъ трагедіи Хераскова „Освобожденная Москва“¹⁾, Нарѣжный пишетъ стихотворное повѣствованіе *Освобожденная Москва*²⁾, изображая нашествіе на Москву Тамерлана при князѣ Василии I.

Въ той же Никоновской лѣтописи (Часть IV, С.-Пб. 1788, стр. 258 и слѣд.) у Нарѣжнаго была подъ рукой „Повесть преславного чудеса о иконе Пречистыя Богородицы, еже нарицается Владимирская, южь глаголють написа Лука Евангелистъ, ея же принесоша отъ града Владисера в боголюбивый градъ Москву в нахождение нечестиваго царя Темиръ Аскака“. Здѣсь рассказывается, какъ Тамерланъ „превознесся гордостью окаянныи и похули христианскую вѣру... і восхотѣ поити на Русь пленити христианство, яко же Батый царь... и приде в землю рязанскую и взя Елецъ градъ.... Слышавъ же сия князь великий Василей Дмитриевичъ собравъ своя воинства много и

¹⁾ Поставлена на московской сценѣ 18-го января 1798 г. Сюжетъ трагедіи—подвигъ Минина и Пожарскаго. *Бюлозерская*, Нарѣжный, ч. II, стр. 18.

²⁾ Пр. и пол. Препров. времени, ч. XIX (1798 г.), стр. 33—45.

пойде с Москвы х Коломнѣ, и ста у великие реки Оки на брезе. Темирю же Аскаку царю стоящу в Рязанствѣи землѣ, и оба полъ Дона реки пусто вся сотвориша; и стоящу ему тамо 15 дни, и восхотѣ ити и на Москву, и на всю Русскую землю пленити и мечю предати всѣхъ. Слышавше сия князь великий Василей Дмитриевичъ и посла на Москву ко отцу своему Киприяну митрополиту Киевскому і всеа Русии... и сказа ему свои помыслъ еже бы отъ града Владимира во градъ Москву принести чудотворную икону иже нарицается Владимирская... и заповѣдати бы людемъ постъ и покаяние“... Перенесеніе иконы состоялось. „И тогда показа пречистая Богородица великая чудо: в который убо день принесена бысть чудотворная икона отъ града Владимира во градъ Москву и срѣте ея великий святитель со всѣмъ священнымъ соборомъ, Темирю же Аскаку тогда стоящу в рязанской земли оба полъ Дона реки, и возлеже на одрѣ своемъ и усну, і виде сонъ страшень зело яко гору високу велми, и з горы идяху къ нему святители и мущи жезлы златы в рукахъ и претяще ему зѣло; и се пакы внезапу виде надъ святители на воздусѣ жену в багряныхъ ризахъ со множествомъ воинства претяще ему лютѣ. Онъ же внезапу воздрогнувъ и скочивъ возопи гласомъ великимъ трепеща и трясыися глаголя, о что сие есть. Князи же его і воеводы вопрошаху его о бывшемъ, хотяще увѣдати случившаясь ему; онъ же ничто же можаше повѣдати имъ, точию трясашеся и стенише, и тако едва в себѣ пришедъ и повѣда имъ прилучившееся ему видѣніе. І вкорѣ повелѣ всю силу свою безчисленную возвратити вспять, и устремися на бѣгъ Божиимъ гнѣвомъ и пречистыя Богородицы гонимъ и молитвами святаго чудотворца Петра заступника русския земли, бѣгомъ и страхомъ многимъ отъиде во свояси“.

Что Нарѣжному была пзвѣстна эта легенда, намекъ на это видимъ въ примѣчаніи его къ своему произведенію: „Много разъ бывала Москва подъ игомъ иноплеменныхъ,—говорить онъ здѣсь,—но правосудіе Божіе спасало державный градъ Русскаго царства... Была Москва подъ властью злѣйшаго врага, неукротимаго вождя войскъ татарскихъ (Тамерлана),—и *благость Божія спасла ее чудеснымъ образомъ*“ ¹⁾. Однако воспользоваться этою легендою въ своемъ стихотвореніи Нарѣжный не пожелалъ, и элементъ чудеснаго заимствовалъ изъ другого источника. Ниже приводимое сопоставленіе имѣеть въ виду указать этотъ источникъ.

¹⁾ Пр. и пол. Препров. врем., ч. XIX, стр. 33.

Поэма начинается описаніемъ ночи, которое авторъ стремился создать въ „монументальномъ“ державинскомъ стилѣ:

На тяжкихъ крыліяхъ свинцовыхъ,
На дальнихъ высотахъ небесъ
Стремится ночь,—отъ странъ полчныхъ
До знойныхъ солнечныхъ колесъ
Простершиися огромнымъ тѣломъ
Лежить,—и хладный Нордкапъ—снѣгомъ
Покрытый,—знойный Мотананъ
Въ глубокомъ мракѣ, снѣ погранъ.
Надъ Нордомъ блещутъ звѣзды ясны,
Надъ Югомъ твердь небесъ цвѣтеть.

Пользуясь фигурой риторическаго вопроса, авторъ дѣлаетъ переходъ къ своему предмету:

Почто же надъ Москвой ненастны
Громовы тучи вихрь влечетъ?
Какая скорбь ее объяла,
Что твердь небесну потемняла?

Слѣдуетъ отвѣтъ:

Сввозъ мракъ ночной, туманъ бродящій
Я вижу русскихъ станъ враговъ.
Повсюду огонь въ кострахъ горящій
Среди разставленныхъ шатровъ
Ругался тмѣ ночной.—Послѣдній
Насталъ день рока,—Тамерланъ
Россійской кровью окропленный
Взошедъ въ татарскій черный станъ
Вѣщаль: „Агаряне! внемлите;
Насталъ геройской часъ; Москва
Не хочетъ быть вольна,—спѣшите,
Да въ прахъ падеть градовъ глава“!...

Съ самаго же начала поэмы видимъ стремленіе ея автора „изобрѣтать, украшать, творить, созидать“. Къ приведенному мѣсту, именно къ выраженію „черный станъ“, дѣлается такое примѣчаніе: „Кому неизвѣстно обыкновеніе Тамерланово?—Когда подступалъ онъ подъ какой-нибудь городъ, то въ первый день ставилъ шатры *бѣлые*, во второй *красные*, въ третій *черные*. Есть ли жители въ первый день отворять ворота, то всѣ получаютъ свободу; — есть ли во второй, начальники будутъ казнены;—въ третій слѣдовало всеобщее опустошеніе. Уже Тамерланъ третій день стоялъ подъ Москвою“ ¹⁾.

¹⁾ Пр. и Пол. препр. времени, XIX, стр. 34.

Такъ захотѣлъ представить дѣло Нарѣжнѣй. Произвольное отношеніе къ историческимъ фактамъ замѣтно и дальше. Нарѣжнѣй сообщаетъ, будто еще ранѣе нашествія Тамерлана на Москву, Витовтъ, принявъ въ Кіевъ „Тахтамыша, врага Тамерланова, озлобилъ сего злодѣя,—и былъ убитъ отъ него на сраженіи“ ¹⁾).

По повелѣнію Тамерлана, татары двинулись, чтобы начать нападеніе на Москву:

Агаряне возстали
Какъ ангеловъ мятежныхъ полкъ;
Пошли—въ слѣдъ вихри завывали,
За ними рыщетъ гладный волеъ;
Рѣка въ брегахъ песчаныхъ рвется,
По дебрямъ ноетъ мертвый вой:
Скрпшатъ колеса, степь трасется,
Роса кровава надъ травой.
Знаменамъ вѣтръ дрожить коснуться,
Трещать ихъ копыя, мечъ звучить;
Какъ валъ морской, кони несутся.

Стремясь выдержать „монументальный“ стиль, авторъ представляетъ Москву въ ожиданіи татарскаго нашествія въ такомъ образѣ:

Москва въ безмолвіи стоитъ,
И вокругъ простерши взоры робки,
Агарянь буйныхъ зрить поля...
Объемлетъ сердце мрачна скорбь,
Въ очахъ безсмертныхъ слезы блещуть,
Въ груди кипяща мерзнетъ кровь;
Отъ воплей—дѣсь и боръ трепещуть.
Стенаетъ росскихъ мать градовъ,
И взоръ и руки вверхъ воздвигши,
Средь праха, пыли и песковъ
Колѣны божески склонивши...

Слѣдуютъ слѣдованія и плачь Москвы, перечисляющей свои прошедшія бѣдствія и обращающейся къ Богу съ молитвой о защитѣ:

„Склони ко мнѣ благоволенье,
Мой Богъ и защити меня!“...

Въ отвѣтъ на мольбы Москвы—

Средь холмовъ небесныхъ дальнихъ
Сіянье нѣкое скользитъ;
Сквозь тяжкихъ тучъ громады мрачны
На крыльяхъ молніи парить...

¹⁾ Тамъ же, стр. 37, примѣчаніе.

Течеть—и лунное сіянье
 Вокругъ главы его блещить;
 На раменахъ порфира блещеть,
 Вънедь монаршій на главѣ;
 Лучи златые скипетръ мечеть,
 Хоругвь багряная въ руцѣ.
 Течеть—и воздухъ разсѣкая
 Онъ сталь предъ горестной Москвой;
 Со благостью къ ней взоръ склоняя,
 Вѣщаль: „Москва! утѣшься мной!
 Я внялъ твои мученья, стоны...
 Хоругвь сія тебѣ вручаетъ
 Побѣду вѣрну надъ врагомъ...
 Я Даніиль—твоя защита!“
 Вѣщаль—на облакахъ багряныхъ
 Возсѣвъ, направилъ быстръ полеть...

Даніиль—сынъ Александра Невскаго, перенесъ столицу изъ Влади-
 міра въ Москву, замѣчаетъ Нарѣжный 1).

Явленіе тѣней предковъ—пріемъ очень распространенный въ по-
 эмахъ Оссіана-Макферсона, и, особенно въ виду наблюдающихся и
 другихъ точекъ соприкосновенія Нарѣжнаго съ Оссіаномъ 2), является
 основаніе предполагать, что явленіе Даніила въ „Освобожденной
 Москвѣ“ навѣяно именно Оссіаномъ. Напримѣръ, въ поэмѣ „Сраженіе
 съ Каросомъ“ читаемъ:

„Тремноръ *течетъ* на гласъ своего сына. Его воздушное тѣло
 несется на облакѣ, подобномъ быстрому и гордому чуждыхъ странъ
 коню. Его легкая одежда соткана изъ пагубныхъ и смертоносныхъ
 тумановъ Лана. Его мечъ ничто какъ воздушный почти уже погасшій
 огонь. Лице его какъ мрачный и никакой черты не имѣющій образъ.
 Три кратно воздохнулъ онъ надъ своимъ сыномъ, три кратно ночные
 вѣтры возстали на высотѣ холма. Онъ *тицалъ*“ 3)...

Враги подступаютъ къ Москвѣ. Ихъ устрашаетъ небесное знаменіе:

Единая изъ тучъ,
 Черна какъ ночь, быстра какъ лучъ,
 Отторгшись отъ среды сгущенной
 Катится—видъ принявъ орла,
 Къ лунѣ стремяся изумленной
 Быстрѣе вѣтра притекла.

1) Тамъ же, стр. 39, примѣчаніе.

2) Н. Бьлозерская, В. Т. Нарѣжный, ч. II, стр. 68—69.

3) Оссіанъ сынъ Фингаловъ. Гальскія стихотворенія, перев. съ франц. Е. Ко-
 стровымъ, Часть I, изд. 2-ое. С.-Пб. 1818, стр. 168—169.

Крыломъ своимъ ее покрыла—
Раздался стонъ среди небесъ;
Рога когтями раздвоила—
Лились кровавы калли слезъ.
Полки татарски возстенали,
Зря обгащенную луну;
Сердца отъ страха трепетали,
Предчувствуя небесъ войну.

Тамерланъ ободряетъ своихъ и велитъ двинуться подъ стѣны.
Открываются городскія ворота, и московскіе полки

Въ доспѣхахъ ратныхъ вошь спѣшать.
Пернаты шлемы зефиръ вѣетъ,
И ночь лобзааетъ копыя ихъ;
Луна взглянуть на нихъ не смѣетъ,
Предчувствуя бѣду своихъ...

Татары готовятся къ битвѣ.

Но что завылъ смущенный лѣсъ?
Почто Москва въ брегахъ трепещетъ?...
Куда сокрылся лунный кругъ,
Гдѣ звѣздный блескъ, гдѣ тучъ соборы?...
Иль солнце съ оси совратясь
Спустилось надъ полки российски?...
Нѣтъ! се хоругвь верху блестя,
Зефиромъ въ небѣ развѣваясь;
И блескомъ свѣтъ луны мрачить,
Сіянемъ солнцеву равняясь.

Чудесное явленіе рѣшаетъ исходъ дѣла: татары, въ смятеніи, „увидя солнце средь ночи“, начали поражать другъ друга; „рѣвой татарска кровь течетъ“—и наконецъ они обращаются въ бѣгство. Тамерланъ—„занылъ, и въ слѣдъ полкамъ смущеннымъ течетъ“.

Отличительной чертой разсмотрѣннаго стихотворенія является наблюдаемое здѣсь вліяніе Оссіана. Въ еще большей степени замѣчаемъ мы вліяніе поэмъ Оссіана на повѣсти въ стихахъ „Свѣтославъ“ А. Воейкова ¹⁾, сюжетомъ которой взятъ походъ Святослава на казаръ.

Немного могъ почерпнуть авторъ „Свѣтослава“ изъ источниковъ; въ лѣтописи читается всего нѣсколько строкъ: „Иде Святославъ на Казары; слышавше же Казары изыдоша противу, со княземъ своимъ Каганомъ, и сступишася на бой, и бысть брань, и одолѣ Святославъ Казаромъ, и градъ ихъ Белу Вежу взя“ ²⁾. Воейкову пришлось са-

¹⁾ Ипнокрена, ч. VI (на 1800 г.), стр. 502—512.

²⁾ Русс. лѣтоп. по Никонову списку, ч. I, стр. 48; Лѣтопись Несторова по

тому придумать всё подробности. Приводимыя ниже сопоставленія свидѣтельствуютъ о томъ, что описаніе битвы составлено нашимъ поэтомъ подъ сильнымъ воздѣйствіемъ аналогичныхъ макферсоновскихъ описаній.

Стихотвореніе начинается обычнымъ классическимъ „пою“:

Великихъ праотцевъ, безстрашныхъ кровь героевъ,
Преславны множествомъ побѣдъ и грозныхъ боевъ!
О, знаменитые потомки тѣхъ славянъ,
Которыхъ мощная во вѣки хвальна длань!
Внемлите! Восхищенъ *пою я Святослава...*

Авторъ намѣчаетъ себѣ такую задачу:

Битву возвѣщу, гдѣ онъ (Святославъ) Козарь каралъ
Красою, мужествомъ, величіемъ блисталъ,
Широку пролагалъ между враговъ дорогу,
Подобясь мужествомъ ужасу Чернобогу...

Повѣствованіе открывается картиной выступленія Святослава и его дружины въ походъ на враговъ:

На бархатныхъ лугахъ, гдѣ Днѣпръ крутится,
Славянъ прегрозный сонмъ въ оружіи стремится,
И молнии отъ ихъ геройскихъ ребръ скользятъ...

Князь во главѣ:

Какъ черной сѣверной сынъ бури, вихрь свистящій,
Или при розовой зарѣ соколъ парящій,
Предъ ними Свѣтославъ подьѣмлетъ сильну длань,
И чернопламенный бросаетъ взоръ на брань.
На яростномъ челѣ шлемъ мѣдяной сіяетъ,
Которой искры верругъ блестящи разсыпаетъ;
Во всеоружіи, какъ богъ войны стоя,
И въ мышцѣ громовой мечъ пламенный тряся,
Удобнаго часа къ сраженію ожидаетъ,
И мужество и гнѣвъ въ очахъ его сверкаетъ;
Великой кругъ щита, ограда крѣпкихъ силъ,
Грудь сильномощную вождя славянъ покрываетъ...

Это изображеніе Святослава во главѣ его воиновъ представляетъ воспроизведеніе, видоизмѣненіе, развитіе и распространеніе образовъ, много разъ встрѣчающихся въ поэмахъ Оссіана-Макферсона „Фингалъ“ и „Темора“:

„Уже ихъ вижу я всѣхъ во-едино стекшихся; они исполнены ве-

личества и благородной гордости, рождаемой въ нихъ первыми ихъ подвигами; души ихъ воспламеняются, вспоминая сраженія и притекшія лѣта; взоры ихъ, сверкающіе огнемъ, ищутъ сопостата. Крѣпкія и жилистыя десницы ихъ уже возложены на рукоять ихъ мечей, и молнія излетаетъ отъ ребръ, покрытыхъ сталью... Вожди предшествуютъ, блистая оружіемъ своихъ отцовъ...“ 1).

„Каковы черныя мрачной осени облака, простирающіяся и бѣгущія по уклонному скату зеленыхъ холмовъ; таковы, и еще мрачнѣе и быстрѣе, стремятся ратоборцы шумящихъ лѣсовъ Локлинскихъ. Величественъ и гордъ, яко Морвенскій елень, шествовалъ предъ ними безтрепетный Сваранъ. Его щитъ блисталъ какъ ночные огни, протекающіе чрезъ поля“ и пр. 2). „Ихъ (полковъ) вождь предшествуетъ покрыть гремящимъ оружіемъ, подобенъ призраку, предтекущему грознымъ облакамъ, окруженному воспламененными воздушными явлениями, и держащему въ десницѣ своей бурные вѣтры...“ 3). „Шумящій океанъ не съ большею яростію и быстротою устремляется со береговъ многоснѣжнаго владычества, какъ Локлинскія чада устремились съ покату холма. Предъ ними шествуетъ ихъ владыка грозенъ и ужасенъ въ своемъ всеоружіи. Ярость воспламеняетъ его черное лицо, и очи его сверкаютъ огнями бодрого мужества“ 4). „Мечъ въ его десницѣ есть огненный лучъ“ 5). „Мечъ въ его десницѣ блистаетъ яко свѣтоносный лучъ“ 6). „Вижу я сонмы ратниковъ. Предшествуетъ имъ безтрепетный вождь. Власы его развѣваются, какъ пламенные волны, щитъ его блистаетъ при лучахъ утра. Въ рукѣ его грозное копіе“ 7). „Какъ быстрый орелъ небесъ, несомый на шумныхъ крылѣхъ своихъ, когда съ радостью оставляетъ онъ жилище вѣтровъ, Конаръ, сынъ Тренмора, пагубная десница смерти, простерся изъ лѣсовъ Морвена“ 8). „Владыка Морвена ведетъ своихъ воителей въ сраженіе. Его орлее крыло колеблется на высотѣ плема его, и бѣлые власы его развѣваются по раменамъ...“ 9).

1) Оссіанъ сынъ Фингаловъ, I, 8.

2) Ibidem, I, 40—41.

3) Ibid., I, 43.

4) Ibid., I, 71—72

5) Ibid., I, 25.

6) Ibid., I, 93.

7) Ibid., II, 86.

8) Ibid., II, 103.

9) Ibid., II, 210.

Происходить битва:

Уже ступалъ герой на трупы изъязвленны,
Чернобагрова кровь густой рѣкой текла,
Черепья, кости въ Днѣпръ быстротекущъ влекла;
Удары копій тамъ въ доспѣхахъ повторялись,
Дробилися щиты, и мечъ съ мечомъ встрѣчались,
Жужжали пушечны изъ крѣпкихъ стрѣлы рукъ,
Звенѣлъ сотрясшися съ десницы черный лукъ...
Дымящаяся кровь струится съ копій внизъ...

У Оссіана-Макферсона мы постоянно встрѣчаемъ описанія битвъ, которыя и послужили образцомъ нашему автору:

„Съ вождемъ вождь и съ воиномъ сражается воинъ; *сталь ударяетъ и ударяется отражаясь; щиты летятъ раздробляясь на части; кровь течетъ и дымится на поляхъ; крѣпкія тетивы звучатъ на лукахъ напряженныхъ; свистятъ въ воздухъ быстротечныя стрѣлы; вращаемыя копія начертываютъ свѣтлыя круги...*“¹⁾. „Оба воинства сомкнулись и яростно сражаются, ратникъ противъ ратника, желѣзо противъ желѣза. Щиты и мечи ударяются взаимно и гремятъ. Народы повергаясь упадаютъ...“²⁾, и т. под.

Рогвольдъ, „оплотъ козарскихъ строевъ, гроза и ужасъ всѣхъ славянскихъ войскъ героев“, наноситъ Святославу рану стрѣлой въ правую руку.

Повисла мощная вождя славянъ десница,
Упалъ булатной мечъ блистающъ какъ зарница...
„Безсиленъ, раненъ я“,—говоритъ Святославъ.

Подробность эта соотвѣтствуетъ такому же обстоятельству, описанному въ III пѣсни оссіановской „Теморы“: „Уже возвысили они пагубоносныя свои копыя: невидимая стрѣла разсѣкаетъ воздухъ и язвить руку Галла (предводителя). Желѣзо его упадаетъ и звенить на землѣ...—„Я безсиленъ возвысить копіе, десница моя уже бесполезна“, говоритъ онъ³⁾.

Раненый русскій князь передаетъ предводительство престарѣлому Ростиславу, а самъ удаляется на холмъ, чтобы „оттолѣ зрѣть на ярый бой, жестокий“. Такъ точно у Оссіана-Макферсона Фингаль, хотя и по другимъ мотивамъ, назначаетъ предводителемъ своихъ ратниковъ другого, а самъ удаляется на холмъ: „Теките безтрепетныя

¹⁾ Ibid., I, 22.

²⁾ Ibid., I, 94.

³⁾ Ibid., II, 121—122.

ратники, стремитесь поражать смертію: Фингалъ будетъ взирать на ваши подвѣги; мечь мой блистать будетъ на семь холмѣ...“¹⁾).

Битва продолжается. Дружина Святослава уже одолѣвала, какъ вдругъ Ростислава поражаетъ на смерть вражеское копьѣ, а вслѣдъ за нимъ гибнетъ и Ярополкъ; перевѣсъ клонится въ пользу казаръ. Святославъ видитъ это съ холма; забывая свою рану, онъ опять бросается въ битву:

Возволновалась грудь, пріемлетъ мечь всесильный,
Въ немъ гнѣва пылъ кипитъ, онъ шествуетъ на брань,
Вращаетъ шумный мечь героиска мощна длань;
Великій Свѣтославъ, расторгнувъ строй противный,
Разить, мертвить враговъ безстрашной мышцей сильной.

Тогда опять устремляется на Святослава вождь казарскій. Они обмѣниваются грозными рѣчами. Святославъ, отъ копья противника, получаетъ новую рану, въ бедро, и разсвирѣпѣвъ бросается на Рогвольда:

Меня ты ранить смѣлъ—и ратуешь еще?..
Познаешь ты сейчасъ, духъ съ кровью изливая,
Кого разилъ копьемъ—познаешь умирая!—

говорить Святославъ. Происходитъ яростное единоборство.

Эта часть произведенія Воейкова, очевидно, воспроизводитъ съ извѣстными измѣненіями то, что разсказывается въ пѣсняхъ IV и V оссіановскаго „Фингала“: Фингалъ вручилъ предводительство Галлу; „но Сваранъ простирается, предходя своему воинству: онъ разсѣкаетъ на полы щитъ Галловъ, и чада Эринскія обратились въ бѣгство. Фингалъ (наблюдавшій съ холма) всталъ и три краты возопилъ грознымъ гласомъ“; онъ спускается съ холма, соединяетъ разсѣянное воинство, даетъ нужныя повелѣнія и возобновляетъ кровопролитное сраженіе, которое и заканчивается единоборствомъ Фингала и Сварана. Единоборство это описывается такимъ образомъ: „Ужасно противоборствіе двухъ вождей; ужасны очей ихъ взоры; щиты ихъ разрушаются, и сталь ихъ шлемовъ летитъ раздробленна въ мѣлкія части; они повергаютъ рукояти своихъ оружій, и каждый стремится схватиться за тѣло своего противника... Въ сей кровопролитной борьбѣ твердыя ихъ жилы напрягаются и распростираются“...²⁾).

Видимо подъ вліяніемъ этого описанія нашъ авторъ даетъ такое изображеніе единоборства Святослава и Рогвольда:

¹⁾ Ibid., I, 91.

²⁾ Ibid., I, 106

Герои, бурнаго въ движеніи гнѣва яры,
Громовые стремять другъ на друга удары;
Сломались копія—споткнулися бони,
И пѣши начали сраженіе они,
Щиты отъ ихъ мечей въ щепы всѣ разлетѣлись,
Брони изрубленны ихъ кровію багрѣлись:
Рогвольдъ тѣснить врага—напрягши крѣпость силъ, и проч.

Поединокъ вождей рѣшаетъ битву (какъ и у Оссіана):

Храбрый Свѣтославъ мечемъ побѣдоноснымъ
Какъ громомъ поразилъ Рогвольда смертоноснымъ,
Пернатый на-двое разсѣкъ шелоомъ стальной;
Во хладный мракъ низшелъ безтрепетный герой,
Дерзнувшій ожидать отомщенья Свѣтослава...

Казары въ страхѣ обращаются въ бѣгство; русскіе ихъ преслѣдуютъ. Бой конченъ; дружина Святослава предается отдохновенію.

У Оссіана по окончаніи битвы выступаютъ на сцену барды съ своими пѣснопѣніями ¹⁾; нашъ авторъ не рѣшился послѣдовать въ этомъ случаѣ своему образцу и похвалы отличившимся героямъ влагаетъ въ уста самого князя:

Межъ торжествующихъ героевъ и вождей
Сѣдашій Свѣтославъ, возведши взоръ очей,
Махнулъ десницею—жужжанье войскъ престоало,
Рѣчь началъ гремяю...

Онъ славить Громобоя, Силослава и павшаго Ростислава; награждаетъ первыхъ двухъ за службу и отпускаетъ въ Кіевъ:

„На свѣжихъ отъ трудовъ тамъ лаврахъ отдохнете,
И зиму дней своихъ спокойно проведете“... ²⁾,

Ростислава же онъ приказываетъ похоронить, какъ героя:

„А вы, о юные сподвижники мои!
Возмите панцыри сіяющіи сіи,
Насыпьте тамъ курганъ надъ тѣломъ Ростислава:
На дубѣ да виситъ сей шлемъ, броня, булава,
Въ потомки поздные да громкой гласъ пройдетъ,
Что храбрый здѣсь герой въ землѣ вкушаетъ смерть“.

У Оссіана Фингалъ постоянно послѣ битвы приказываетъ воздвигнуть надгробіе на могилѣ павшаго героя ³⁾; мѣсто вѣчнаго успокоенія

¹⁾ Ibid., I, 126, 128, 135.

²⁾ Возможно, что эта подробность введена Воейковымъ также подъ влияніемъ Оссіана: Фингалъ, торжествуя побѣду, отпускаетъ побѣжденнаго имъ Сварана на родину („Оссіанъ“, I, 132 и слѣд.).

³⁾ См. „Оссіанъ“, I, 101, 111; II, 66 и др.

оссіановскаго героя рисуется такими чертами: „Видишь ли ты гробъ сей на берегъ источника? Три камня возвышаютъ голубовидныя главы свои подъ тѣнію дуба, согбеннаго вѣтрами: подъ семи камнями покоится вождь“¹⁾.

Нашъ авторъ имѣлъ въ виду, повидимому, это описаніе, но обработалъ его по своему: оссіановскіе надгробные камни онъ замѣнилъ курганомъ, вѣроятно, вспомнивъ о курганахъ южно-русскихъ степей, и сохранивъ оссіановскій дубъ, украсилъ его повѣшеннымъ оружіемъ павшаго героя—деталь чуждая Оссіану.

Рѣчь Святослава до слезъ трогаетъ его закаленныхъ въ бояхъ соратниковъ:

Грудь рѣчь какъ молнія всѣхъ пронзила,
Слезами теплыми всѣхъ очи оросила.

Сентиментальная эпоха дала себя почувствовать нашему автору!
Свою поэму Воейковъ заключаетъ такими словами:

Великій Свѣтославъ! ряды вѣковъ сокрылись,
Колоссы гордые огромны развалились,
Въ прахъ пали статуи, палъ мраморный чертогъ;
Но ты живешь въ сердцахъ, о, Россій полубогъ!

Что это не совсѣмъ было риторическою только фразой, и что имя Святослава привлекало въ то время вниманіе тогдашнихъ литераторовъ, доказывается и другимъ стихотвореніемъ того же времени, посвященнымъ тому же лицу: „Днѣпровскіе пороги или Гробница Святослава“ (Пріятное и полезн. препровожденіе времени, ч. XVI, стр. 369 и слѣд.).

Въ книжкѣ: „Опыты лирическіе и другія мелкія сочиненія въ стихахъ“ А. Х. Востокова, во второй части (С.-Пб. 1806), въ отдѣлѣ „Опыты повѣствовательныя“, была напечатана (стр. 81 и слѣд.) небольшая повѣсть въ стихахъ („древній романсъ“; въ изданіи стихотвореній Востокова С.-Пб. 1821, кн. I, стр. 75 и слѣд., это произведеніе обозначено уже какъ „богатырская повѣсть“), въ четырехъ пѣсняхъ, подъ названіемъ *Свѣтлана и Мстиславъ*.

Дѣйствующими лицами выступаютъ князь Владиміръ Кіевскій и его сынъ Мстиславъ князь тмутараканскій; около нихъ группируются богатыри, гридни, „баяны“²⁾; о гридняхъ и баянахъ—русскихъ бардахъ—авторъ даетъ подстрочныя разъясненія.

¹⁾ Ibid., II, 109—110.

²⁾ Слово „баянъ“ Востоковъ употребляетъ здѣсь въ значеніи нарицательнаго названія „пѣвецъ“; то же наблюдаемъ и въ другомъ стихотворномъ произведеніи его „Пѣвсладъ и Зора, древняя повѣсть въ пяти идилліяхъ“ (Опыты, II, стр. 100 и сл.).

Востоковъ замышлялъ дать историческую поэму на древне-русскій сюжетъ, вышло однако совершенно фантастическое произведеніе, отразившее на себѣ модныя тогда литературныя вліянія.

Выводится (пѣснь I) юная красавица Свѣтлана при кievскомъ великокняжескомъ дворѣ; ее окружаетъ толпа поклонниковъ — князей, богатырей и гридней; „баяны“ восгвваютъ ея красоту; самъ Владиміръ оказывается влюбленнымъ въ нее.

Свѣтлана въ Кіевѣ щастливомъ
Красой и младостью цвѣла...
Клязей, богатырей и гридней
Всегда текла толпа за ней;
„Свѣтлана Лады миловиднѣй“,
Баяны нагввали ей...
Въ любви достойную влюбился
Великій князь Владиміръ самъ ¹⁾.

Богатыри и гридни Владиміра навѣяны были Востокову, повидимому, только что вышедшимъ тогда изданіемъ сборника Кирши Данилова (Язубовича)—„Древнія русскія стихотворенія“, Москва, 1804; отсюда (II, стр. 24) взять Востоковымъ эпитафъ къ своей повѣсти:

То старина, то и дѣянье,
Синему морю на утѣшенье,
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря, и проч. ²⁾.

На это изданіе ссылается нашъ авторъ и далѣе ³⁾.

„Баяны“, судя по ссылкѣ самого Востокова ⁴⁾, явились у него подъ вліяніемъ „Пѣсни Владиміру Кіевскихъ Баяновъ“, В. Т. Нарѣжнаго ⁵⁾.

Но въ еще болѣе значительной степени наблюдается воздѣйствіе на разсматриваемое твореніе Востокова „Русскихъ сказокъ“ Чулкова; здѣсь въ первомъ же томѣ („Вступленіе“) рассказывается: „Сильнѣйшіе богатыри стеклись къ нему (Владиміру) отъ всѣхъ странъ славенскихъ... сражались и служили у него славнѣйшіе богатыри: Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Чурило Пленковичъ, Илья Муромецъ“ и т. д. ⁶⁾; отсюда, видимо, и почерпнутъ основной мотивъ „Свѣтланы и Мсти-

¹⁾ *Востоковъ*, Опыты, II, 81—82.

²⁾ Тамъ же, II, стр. 81.

³⁾ Тамъ же, II, стр. 99.

⁴⁾ Тамъ же, II, стр. 97.

⁵⁾ Напечатана въ „Пріят. и полез. препровожденія времени“, ч. XX (1798 г.), стр. 378 и сл.

⁶⁾ Цитирую по 3-му изданію: „Русс. сказки“, М. 1820, ч. 1, стр. VI.

слава“—влюбчивость князя Владиміра, который у Чулкова, въ первой же повѣсти I-го тома „Сказокъ“, — когда къ нему доставлена была Милолика „чрезвычайныя красоты, ибо имѣла она очи соколы, брови соболы, походку павлиную, грудь лебединую,—довольно, что не было ее краше во всю землю русскую,—съ перваго взгляда толь зараженъ сталъ прелестями ея, что предпочелъ всѣмъ женамъ своимъ“... 1).

Вліяніе „Сказокъ“ Чулкова на Востокова сказалось и въ другихъ отношеніяхъ, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго анализа.

Въ Кіевѣ пріѣзжаетъ юный тмутараканскій князь Мстиславъ, сынъ Владиміра. При дворѣ кіевского князя устраиваются турниры:

Вступалъ ли въ стремена златыя
На играхъ рыцарскихъ Мстиславъ,
Металъ ли конья изъ десныя
Въ высоку цѣль—иль, щитъ подъявъ,
Скакалъ чрезъ поприще широко,
Одолѣваючи князей... (стр. 83).

Внесеніе Востоковымъ этой подробности въ свое произведеніе обусловлено, разумѣется, вліяніемъ рыцарскихъ романовъ и повѣстей и ихъ передѣлокъ и подражаній, популярныхъ у насъ въ концѣ XVIII нач. XIX вв. 2), въ родѣ такихъ изданій, какъ „Гуакъ или непреоборимая вѣрность“ (М. 1789, 2-е изд. 1793), гдѣ между прочимъ описанъ турниръ, или какъ „Исторія о славномъ рыцарѣ златыхъ ключей Петрѣ Прованскомъ и о прекрасной Магелонѣ“ (М. 1780, 2-е изд. 1796; о популярности этого романа на русской почвѣ свидѣтельствуютъ отмѣчаемые А. Н. Пыпинымъ, „Для любителей книжной старины“, стр. 45—47, двадцать рукописныхъ списковъ и указываемыя Д. Ровинскимъ, „Русс. народ. картинки“, I, 115 и сл., V, 109, любочныя изданія), гдѣ тоже описываются рыцарскіе турниры 3), — или какъ „Вечерніе часы или Древнія сказки славянъ Древлянскихъ“, М. 1787, гдѣ (ч. I, стр. 129—148, въ „Повѣсти о княжичѣ Вадимѣ“) подробно описанъ турниръ при дворѣ князя Полянскаго, — или на-

¹⁾ Тамъ же, стр. 3—4 („Повѣсть о славномъ князѣ Владимірѣ и о сильномъ его могучемъ богатырѣ Добрынѣ Никитичѣ“).

²⁾ В. В. Сиповскій, Очерки изъ ист. русс. романа, т. I, вып. 2, стр. 70 и слѣд.

³⁾ „Тогда Петръ сѣлъ на добраго своего коня и положилъ шоломъ на главу свою, а копіе взялъ въ руки и сталъ по тому мѣсту разѣзжать и копіемъ своимъ метать“ и проч. (Изв. отд. русс. яз. и слов. Имп. Акад. Н., т. XI, кн. 4, стр. 208 и слѣд.).

конецъ какъ повѣсть Коцебу „Королева Ильдегерда“, М. 1801, гдѣ также выступаетъ на сцену турнирь ¹⁾.

Что касается первой строчки только что приведеннаго отрывка (вступалъ ли въ стремя златыя), то здѣсь несомнѣнно, кромѣ того, сказалось вліяніе Слова о полку Игоревѣ („вступи Игорь князь въ златъ стремя“), о первомъ изданіи котораго говоритъ въ примѣчаніи самъ Востоковъ ²⁾.

Свѣтлана влюбляется въ Мстислава и отвергаетъ исканія Владиміра. Востоковъ вводитъ мотивъ о соперничествѣ отца съ сыномъ. Свѣдавъ о чувствахъ Свѣтланы, Владиміръ въ ярости приказываетъ сыну удалиться отъ отцовскаго двора.

Мстиславъ отправляется (пѣснь II) въ жилище Свѣтланы, они открываютъ другъ другу взаимную любовь, и Мстиславъ убѣждаетъ свою милую бѣжать съ нимъ изъ Кіева въ его тмутараканское княжество.

Пѣснь III:

Владиміръ по отходѣ сына
Остался внѣ себя—не зналъ,
На что рѣшиться; зла кручина
Рвала въ немъ сердце. Онъ пылалъ
Жалѣнья, гордости, любви,
Неистовства, стыда огнемъ... (стр. 88)

Бѣглецы—Свѣтлана и Мстиславъ со своею дружиною—остановились на отдыхъ въ роцѣ у холма, гдѣ былъ притонъ разбойника по имени Вепрь желѣзный клыкъ.

Этотъ мотивъ о разбойникѣ, конечно, могъ быть позаимствованъ Востоковымъ и изъ народнаго эпоса (Соловей-Разбойникъ, Илья Муромецъ и разбойники въ сборникѣ Кирши Данилова), но ближе къ концепціи „Свѣтланы и Мстислава“ мотивы о разбойникахъ, какъ они обрабатывались въ популярныхъ тогда рыцарскихъ повѣстяхъ, въ родѣ романа „Постоянная любовь Евдона и Берфы, гдѣ также упоминается и о славномъ разбойникѣ Борбоссѣ“, М. 1787,—или въ родѣ повѣствованій изъ сборника „Вечерніе Часы или Древнія сказки славянъ древлянскихъ“, М. 1787, ч. II, V, гдѣ выступаетъ разбойникъ Худояръ ³⁾.

Въ свои объятія взявъ ссажаетъ
Съ коня Свѣтлану юный князь...

¹⁾ См. выше, въ XVII главѣ моихъ „Разысканій о соч. Жуков.“, отд. отд. стр. 308.

²⁾ Опыты, II, стр. 97.

³⁾ В. В. Сиповскій, *op. cit.* I, вып. 2, стр. 257.

Дружина разошлась по рощѣ „для стражи“, а

Стыдлива юная дѣвица
Съ любезнымъ женихомъ своимъ
На травку мягкую садится,
Бесѣдуа пріятно съ нимъ (стр. 90).

И свиданіе юнаго витязя съ его милой, и бѣгство вдвоемъ, и остановка на отдыхъ въ лѣсу—все эти обработанные Востоковымъ мотивы находятъ себѣ параллели въ рыцарскихъ романахъ, напр. въ той же „Исторіи о Петрѣ златыхъ ключахъ“¹⁾.

Вдругъ появляется Вепрь-разбойникъ, котораго фантазія нашего автора облекла въ костюмъ рыцаря романовъ, требуетъ, чтобы Мстиславъ отдалъ дѣвицу ему, и вызываетъ на поединокъ изъ-за дамы:

Восторгъ ихъ (Мстислава и Свѣтланы) прерываетъ
Ужасный топотъ, шумъ и крикъ,
И нѣкто черень выѣзжаетъ
Изъ-за кургана въ тотъ же мигъ:
Сидитъ на аргамакѣ чаломъ,
При бедрѣ свѣтлый мечъ виситъ,
Шеломъ съ опущеннымъ забраломъ,
Копье въ десной, а въ шуйцѣ щитъ.
Онъ къ двумъ сидящимъ прискакавши
Невнятно, глухо провѣщаль:
...„Сейчасъ мнѣ дѣвушку отдай!
Или—рѣшился со мною биться
И тяжесть сей руки узнай!“... (стр. 91)

Происходитъ (пѣснь IV) яростный поединокъ, описываемый въ стилѣ рыцарскихъ романовъ²⁾:

Ужь остры копыя притупили
Въ листовые щиты вонзивъ,
И свѣтлы сабли обнажили
Поспѣшно съ сѣделъ соскочивъ.
Соплились для страшнаго сраженья!
Кольчуги, шлемы ихъ звучать;

¹⁾ См. Извѣстія отд. русс. яз. и слов. Имп. Ак. Н., XI, кн. 4, стр. 219 и сл., 225, 227: „Всю ночь (Петръ и Магилена) ѣхали, и какъ разсвѣтало стало, то Петръ сталъ править въ такія мѣста, гдѣ отъ погони укрытися, и въѣхали межъ высокихъ горъ и въ великій лѣсъ, который стоитъ надъ моремъ, и стали тамъ въ удобномъ мѣстѣ. И рыцарь Петръ снялъ королеву Магилену съ коня, и сѣли подъ древомъ, и промежъ себя многія рѣчи говорила“...

²⁾ Срв. напр. Гонзалъвъ Кордуанскій, или Возвращенная Гренада, твореніе Флоріана, С.-Пб. 1793, изд. 2-ое, С.-Пб. 1818, часть I, стр. 157—158; ч. II, стр. 33—34, 100—101, 168—169.

Отъ тяжкаго мечей паденья
Съ доспѣховъ иверни летать (стр. 92).

Мстиславъ раненъ, но ему удается разсѣчь шлемъ противника; перипетія совершенно неожиданная:

Разколоть шлемъ, лишеть подпругъ,
Съ черноодѣтаго скатился...
Лице его наруже вдругъ—
Свѣтлана вскрикнула: Владиміръ!...
—Владиміръ! вскрикнулъ юный князь... (стр. 93).

Оказалось, что на Мстислава напалъ, подъ видомъ разбойника, самъ Владиміръ, пустившійся въ погоню за бѣглецами,—своеобразная версія эпического мотива о боѣ отца съ сыномъ!

Поединокъ потушилъ страсть Владиміра, и онъ отдаетъ Свѣтлану, какъ невѣсту, сыну; возвращаются въ Кіевъ, Мстиславъ быстро оправился отъ раны, и поэма заканчивается свадебнымъ пиромъ:

И брачну пѣснь гремятъ Баяны,
Цвѣтетъ отрадой княжій домъ;
За скатерти садятся браны
И турей рогъ пошелъ кругомъ (стр. 96).

Для объясненія послѣднихъ словъ Востоковъ дѣлаетъ ссылку на Древнія русскія стихотворенія, М. 1804, т. е. на сборникъ Кирши Данилова, изд. Якубовичемъ.

Такимъ образомъ, поэма „Мстиславъ и Свѣтлана“ писалась подъ двойнымъ литературнымъ вліяніемъ: съ одной стороны подъ вліяніемъ произведеній нашей древней героической поэзіи, былинь (сборникъ Кирши Данилова) и Слова о полку Игоревѣ, на которое тогда высказывался взглядъ какъ на сочиненіе, въ которомъ „виденъ духъ Оссіановъ,—слѣдовательно и наши древніе герои имѣли своихъ Бардодовъ, воспѣвавшихъ имъ хвалу“¹⁾,—съ другой стороны подъ вліяніемъ популярной тогда литературы повѣстей, опиравшихъ приключенія рыцарей и ихъ возлюбленныхъ. Въ разсмотрѣнномъ произведеніи Востокова наблюдаемъ то „скрещеніе рыцарскаго романа съ народнымъ русскимъ эпосомъ“, которое, по разысканіямъ В. В. Сиповскаго, началось въ русской печатной литературѣ со сборника Чулкова „Перемѣшникъ, или славянскія сказки“, М. 1766—68²⁾.

¹⁾ Ироническая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новгорода-Северскаго Игоря Святославича и проч. Москва 1800, стр. VI.

²⁾ В. В. Сиповскій, Очерки изъ исторіи русскаго романа, т. I, вып. 2, стр. 90 и слѣд.

XXI.

Обращаетъ на себя вниманіе одна особенность стиля „Мстислава и Свѣтланы“: въ видѣ украшенія рѣчи авторъ пользуется именами модной тогда „славянской мифологіи“:

Свѣтлана *Лады* миловиднѣй... (стр. 82)

Тамъ ждетъ насъ *Леля*, богъ отрадь (стр. 86)

Какія *Чернобожьи* силы

Противу *Лады* могутъ стать? (86)

О *Ладо*, красоты богиня!

Разборы, бѣдствія раздаетъ

И мучитъ насъ твой горькій *Дидь*;

Но *Леля* радость возставляетъ,

Сердца связуетъ и миритъ (стр. 88).

„*Дидь* или *Дидо* сынъ *Ладинъ* и противный *Лель* богъ. Сіе заключаютъ изъ стариннаго припѣва *Дидо калина, Леля малина*; но припѣвъ сей можно толковать различно. Авторъ разумѣлъ подъ именемъ *Леля* любовь щастливую, сопровождаемую успѣхомъ и удовольствіемъ, а подъ именемъ *Дида* несчастную, мучительную любовь“ (примѣч. на стр. 98).

Зимцерла

Еще по небесамъ ковровъ

Своихъ червленыхъ не простерла,

И не былъ ночи снятьъ покровъ (стр. 89) ¹⁾.

Созданіе этой фантастической quasi-славянской мифологіи принадлежитъ М. Д. Чулкову и М. В. Попову. Чулковъ воспользовался съ одной стороны своимъ знаніемъ античной мифологіи и сочиненій по русской исторіи въ родѣ „Синописа“ Инн. Гизеля съ его статьею „О идолѣхъ“, съ другой стороны — богатая фантазія его легко восполнила недостаточность свѣдѣній объ языческой религіи нашихъ предковъ-славянъ,—„и въ результатъ подъ его перомъ складывается довольно сложная и стройная псевдо-русская мифологія, руссификація античнаго Олимпа... Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ своимъ повѣстямъ Чулковъ сообщаетъ эти свѣдѣнія по русской мифологіи даже не въ видѣ догадокъ и предположеній, а какъ нѣчто достовѣрное и общепринятое“... ²⁾. Въ 1767 г. Чулковъ выпустилъ въ свѣтъ „Краткій

¹⁾ Въ такой же, и даже въ еще большей степени проникнута такими „мифологическими“ элементами и другая повѣсть Востокова—„Пѣвнсладь и Зора“.

²⁾ В. В. Сиповскій, Очерки изъ исторіи русскаго романа, т. I, вып. 2-й (С.-Пб. 1910), стр. 121.

миеологическій лексиконъ“, цѣль котораго была ознакомить русскихъ читателей съ главнѣйшими мѣами греческими; къ нимъ присовокупляетъ онъ и славянскую миеологию ¹⁾). Свѣдѣнія о псевдорусскихъ миеологическихъ божествахъ вошли и въ позднѣйшее его сочиненіе: „Словарь русскихъ суевѣрій“, С.-Пб. 1782.

М. В. Поповъ въ 1768 г. печатаетъ „Описаніе древняго славенскаго баснословія“ (С.-Пб. 1768) ²⁾, которое было позднѣе повторено: *Мих. Поповъ*, Краткое описаніе славянскаго баснословія, собраннаго изъ разныхъ писателей, снабженнаго примѣчаніями, и въ азбучный порядокъ приведеннаго. Изданіе второе съ поправленіемъ и умноженіемъ перваго (Досуги, или собраніе сочиненій и переводовъ Михайла Попова. С.-Пб. 1772, ч. I, стр. 175—208).

У Чулкова и Попова мы находимъ такія сообщенія:

Лада, Славенская богиня браковъ, любви и веселія; каждыя сочетавающіяся приносили ей жертву, надѣяся получить отъ нее щастіе въ супружествѣ; имѣла она великолѣпный храмъ въ Кіевѣ ³⁾).

Лельо, сынъ Ладинъ: нѣжный богъ любви и веселія, онъ почитался у Славянъ богомъ воспламененія любовной страсти, а братъ его *Дидь* богомъ отвращенія ⁴⁾).

Дидь или *Дидо*, богъ Кіевскій, почитаемъ былъ богомъ отвращенія любовной страсти... ⁵⁾).

Зимцерла, богиня владычествующая надъ началомъ дня, то есть заря ⁶⁾).

Зимцерла, славенская богиня. Какія приписывались ей качества, о томъ ничего неизвѣстно; развѣ испорченное ся названіе произеестъ отъ имени *зима* и глагола *стерть*, такъ назовется она *Зимстерлою* и будетъ походить на богиню весны или лѣта, либо на Флору, богиню цвѣтовъ ⁷⁾).

Первоначальное существо *Ееиръ*, совокупясь съ нестройностью стихій, произвели на свѣтъ великую нашу Богиню, *Царицу земли* и мать всѣхъ боговъ; а она, сочетавшись съ *Свѣтвидомъ*, или Солн-

¹⁾ Ibid., 127.

²⁾ Описаніе этой книги см. у *Губерти*, Матеріалы для русс. библіографіи, т. I, № 146.

³⁾ Словарь русскихъ суевѣрій, С.-Пб. 1782, стр. 189.

⁴⁾ Ibid., стр. 191.

⁵⁾ Ibid., 156.

⁶⁾ Ibid., 165.

⁷⁾ *М. Поповъ*, Крат. опис. славян. баснословія, Досуги, ч. I, стр. 192.

цемъ, подобнымъ съ нею древностію божествомъ, породила міру *Перуна*, строителя громострѣляній и всѣхъ воздушныхъ явленій, потомъ *Волоса*, бога скотовъ, по немъ *Купала*, бога плодовъ, и прочихъ боговъ и богинь, какъ то: *Ладу*, *Зимцерлу*, *Блбoga*, *Чернобога*, *Нію*, *Похвиста*, *Догоду*, *Услава*, *Кикимору* и имъ подобныхъ ¹⁾.

Всѣ эти боги и богини приминають дѣятельное участіе въ событіяхъ, о какихъ повѣствуютъ Чулковъ въ своемъ „Пересмѣшникѣ или Славянскихъ Сказкахъ“ ²⁾, въ своихъ „Русскихъ Сказкахъ“ ³⁾ и Поповъ въ своихъ „Славенскихъ Древностяхъ“ ⁴⁾.

То же самое встрѣчаемъ и въ другихъ тогдашнихъ произведеніяхъ этой школы: такъ, въ „Вечернихъ часахъ, или Древнихъ сказкахъ славянъ Древлянскихъ“ (6 частей, М. 1787) фигурируютъ Дажбогъ, Лада, Чернобогъ, Похвистъ, Леля, Дида и др.; въ подробныя объясненія сущности этихъ божествъ авторъ не входитъ, прямо ссылаясь на произведенія Чулкова и Попова, какъ на сочиненія, гдѣ можно по этому вопросу найти большія подробности: „За бесполезное почитаю объяснять о упоминаемыхъ здѣсь Славянскихъ божествахъ. Читавшимъ „Русскія Сказки“, также и Славянскія Сказки и древности (неточное заглавіе произведенія М. Попова) извѣстно, что *Лада* была богиня любви, *Свѣтовидъ*—богъ дня, или Фебъ, а *Зимцерла*—Аврора или богиня заря“ ⁵⁾. Здѣсь мы встрѣчаемъ такіе обороты рѣчи: „Уже багрянovidная Зимцерла распростерла розы свои на востокъ...“ (I, стр. 24). „Лишь только лученосный Свѣтовидъ началъ позлащать верхи лѣсовъ“... (III, 184) и т. под. ⁶⁾.

Какъ извѣстно, миеологіей вообще тогда увлекались. Сумароковская „Трудолюбивая Пчела“, 1759 года, открылась статьею Григорія Козицкаго *О пользѣ миеологии* (въ 1780 году изданіе было повторено); здѣсь читаемъ: „Многіе какъ изъ древнихъ, такъ и изъ новыхъ писали о Миеологіи, то есть о баснословіи... Сіи писатели неуспѣшными своими трудами заслужили себѣ великую похвалу у искусныхъ и знающихъ людей, просвѣтили бывшее чрезъ толь долгія лѣта во тьмѣ сіе ученіе, и приобрѣли имени своему безсмертную славу. Всѣ просвѣщенные народы пользуются преизрядными ихъ сочиненіями, во

¹⁾ Славенскія Древности или Приключенія славенскихъ князей, соч. *Мих. Попова*, ч. II, С.-Пб. 1771, стр. 79—80.

²⁾ *Ситовскій*, op. cit., стр. 122, 123, 127.

³⁾ *Ibid.*, стр. 185, 187, 219—220.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 141—142, 160.

⁵⁾ *Ibid.*, стр. 251—252.

⁶⁾ *Ibid.*, стр. 246.

всѣхъ порядочно утвержденныхъ училищахъ толкуютъ ихъ книги, любители наукъ читаютъ оныя съ крайнимъ удовольствіемъ“... ¹⁾).

Въ Западной Европѣ наблюдается такой же интересъ къ мифологіи: *La Mythologie ne seroit que l'ouvrage de l'imagination, qu'elle nous intéresseroit encore et mériteroit quelques momens d'étude. Car sans la connoissance de fictions ingénieuse de la Fable, les Poëtes, malgré leur langage divin, ne pourroient nous charmer, et nous ne jetterions que le regard de l'indifférence sur les chef-d'oeuvres des plus habiles Artistes. Il est donc utile, disons mieux, il est nécessaire de connoître la Mythologie, puisqu' elle est une des principales parties des Belles-Lettres et des Beaux-Arts*, говорилъ, напр., французскій авторъ „Опыта о мифологіи“ ²⁾).

По пути созданія „славянской“ мифологіи у насъ вслѣдъ за Чулковымъ и Поповымъ пошли многіе.

Гр. Глинка („Древняя религія славянъ“, соч. Григорія Глинки, Митава, 1804) строить цѣлую систему:

Въ число *превыспреннихъ* боговъ, говоритъ онъ (стр. 11), поставляю обоженныхъ существа внѣ земли находящіяся, а на оную только показывающія свои дѣйствія, ощутительныя человѣку. И таковыя боги будутъ:

Перунъ, движеніе эфира, громъ;
Златая баба, тишина, покой;
Свѣтовидъ, солнце, жизненная теплота;
Зничь, начальный огонь, эфиръ;
Бѣлбогъ, благо и доброе начало;
Сильный богъ, крѣпкій богъ;
Дажбогъ, благополучіе;
Животъ, сохраненіе жизни;
Ледъ, война;
Коляда, миръ;
Усладъ, удовольствіе;
Лада, красота;

Дѣти ея:

Лея, любовь;
Полея, бракъ;

¹⁾ Трудолюбивая Пчела, вторымъ тисненіемъ, С.-Пб. 1780, стр. 5—7.

²⁾ *Essai sur la Mythologie*,—Bibliothèque Universelle des Dames, Mélanges, tome IV, Paris, 1785, p. 1—2.

Дидь, супружество;
Дидилія, дѣторожденіе;
Мерцана, заря, богиня жатвы.

Земные тѣ, коихъ свойства отвлечены отъ земныхъ полезныхъ произведеній для жизненныхъ человѣка потребъ, или тоюмо къ удовольствіямъ оныя служащихъ, и которыхъ они, кажется, были покровителями:

Тригла, земля;
Волось } боги, покровительствующіе скотъ;
Могошь }
Купало, земные плоды;
Родомысль, податель благихъ совѣтовъ;
Сѣва, богиня плодовъ;
Зевана, богиня звѣроловства;
Чуръ, богъ межей;
Проне или *Прове*, богъ прорѣканія;
Роденатъ, богъ страннопріимства и городовъ;
Корсъ, богъ пьянства;
Ясса (значеніе не указано, В. Р.);
Подвиздъ, богъ буръ и вѣтровъ;
Догода, зефиръ;
Зимцерла или *Зимстерла*, весна;
Зимерзла, зима.

Преисподніе боги, кои изображаютъ собою мечь и казнь, послѣдующую за беззаконіемъ и порокомъ:

Ній, владычествующій надъ преисподними странами;
Чернобогъ, богъ отмщенія;
Стрибогъ, истребитель;
Яла баба (значеніе не указано);
Кикимора, богъ сна.

Водные, коихъ власть простирается надъ водами: *Царь Морской*, *Чудо Морское*, *Русалки*, *Водовики*, *водяные черти*.

Духи: *Лншіе*, *Домовые*, *Стѣни*, *Лизуны*, *Куды*, *Черти*, *Бѣсы*.

Полубоги или богатыри: *Полканы*, *Волоты*, *Славянъ*, *Волхвъ*, *Волховецъ*, *Рудотокъ*.

Озера обоженные: *Ильмеръ*, *Студенецъ*.

Рѣки: *Бугъ*, *Донъ* ¹⁾).

¹⁾ Древ. рел. слав., соч. *Гр. Глинки*, стр. 12—15.

Совпаденія обнаруживаютъ зависимость Гр. Глинки отъ книги Мих. Попова; такъ напр., о Свѣтовидѣ у Глинки (Др. рел. слав., стр. 31—40) въ общемъ повторяется то же, что сказано у Попова; вслѣдъ за послѣднимъ онъ предпочитаетъ форму *Зимстерла*: „Зимперла такъ же, но справедливѣе Зимстерла, прогонительница зимы, занявшая мѣсто зимы, изгладившая зиму“¹⁾.

Еще болѣе обязанъ Глинка собственной фантазіи. Въ предисловіи онъ самъ сознается: „Описывая произведенія фантазіи или мечтательности, я думаю, что не погрѣшу, если при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ, *буду дополнять собственною подѣ древнюю статью фантазію*... Я переселяюсь въ пространныя разнообразныя области фантазіи древнихъ Славянъ, по нимъ стану собирать всецѣлыя мечтательныя идеи и малыя ихъ частицы, и послѣднія, сообразуясь ихъ устройству, дополнять матеріалами сего царства, по законамъ соображенія или мечтанія“²⁾.

Въ видѣ образчика вымысловъ приведу сообщенія Глинки, напр., о Зимстерлѣ:

„Подъ симъ именемъ предки наши почитали богиню весны и цвѣтовъ. Она имѣла свои божицы, и праздники ея были въ мѣсяцѣ Цвѣтенѣ (апрѣль)... Изображается она прескрасною дѣвицею, одѣтою въ легкое бѣлое русское платье, подпоясанною поясомъ розовымъ, переплетеннымъ золотомъ; на головѣ у нея изъ розъ вѣнокъ; въ рукахъ держа лилею нюхаетъ. Грудь ея вся открыта; на шеѣ ожерелье изъ цикорей“...³⁾.

Одновременно съ сочиненіемъ Гр. Глинки появилась книжка А. С. Кайсарова, написанная вначалѣ по-нѣмецки: *Versuch einer Slavischen Mythologie in alphabet. Ordnung, von Andrey von Kaysarow. Göttingen 1804.* Въ 1807 году вышелъ русскій переводъ, а въ 1810 г. онъ былъ изданъ вторично, подѣ заглавіемъ: „Славянская и російская миеологія, соч. Г. Кайсарова, Москва, 1810“.

Хотя авторъ мѣстами и обнаруживаетъ критическую тенденцію, тѣмъ не менѣе продолжаетъ наивнѣйшимъ образомъ повторять Длугоша, Кромера, Адама Бременскаго, Саксона Грамматика и т. п. иноземныхъ писателей, а также и Чулкова, и М. Попова, и во вступленіи самъ же открываетъ, что однимъ изъ источниковъ его были „простонародныя сказки, изъ коихъ нѣкоторыя въ самомъ

¹⁾ Ibid., стр. 106, примѣч.; ср. *М. Поповъ*, *op. cit.*, стр. 192.

²⁾ *Гр. Глинка*, *op. cit.*, стр. 8—10.

³⁾ Ibid., стр. 106—107.

дѣлѣ басни, а другія небольшіе рыцарскіе романы... Тѣмъ занимательнѣе для русскои мѣологіи то, что въ нихъ нерѣдко упоминается о древнихъ божествахъ, чудесахъ, волшебницахъ и проч. Долго переходили они только изъ однихъ устъ въ другія... наконецъ собрали ихъ г. Новиковъ... и издалъ въ 6 частяхъ подъ заглавіемъ *Славянскія сказки* ¹⁾. Потомъ явилось еще другое собраніе ихъ, подъ именемъ *Русскихъ сказокъ* (разумѣется, очевидно, Чулковскій сборникъ „сказокъ“) ²⁾. И вотъ изъ этого послѣдняго источника онъ вноситъ въ свою мѣологію и Горыню ³⁾ и Дубыню ⁴⁾, воздерживаясь, однако, внести третьяго брата Усыню, фигурирующаго рядомъ съ двумя первыми въ „Повѣсти о сильномъ богатырѣ Чурилѣ Плонковичѣ“ ⁵⁾.

О М. Поповѣ Кайсаровъ даетъ такой отзывъ: „Г. Поповъ представилъ краткій чертежъ славянскои мѣологіи; хотя этотъ чертежъ такъ кратокъ, что содержится только въ двухъ печатныхъ листахъ, однако въ немъ находится довольно—пустого; авторъ не упоминаетъ даже объ источникахъ, изъ которыхъ онъ почерпалъ, считая это бесполезнымъ дѣломъ“ ⁶⁾. И тѣмъ не менѣе заимствованія у Попова дѣлаются Кайсаровымъ, напр.: „Дѣтинець. Баснь, которую намъ Г. Поповъ рассказываетъ о семь городѣ, не подтверждается ни въ какой лѣтописи; однако-жъ я расскажу ее теперь собственными его словами“ и проч. ⁷⁾.

У Кайсарова выступаютъ и Бѣлбогъ, и Свѣтовидъ, и Дидо, и Ладо, и Лелія, и Зимперла, и Погода или Догода, и т. д.

При тогдашнемъ состояніи изученій это не казалось бредными. Такой многосторонній ученый и критикъ, какъ аббатъ Добровскій, лучший въ то время знатокъ славянства и славянскихъ древностей, съ уваженіемъ отнесся къ книгѣ Кайсарова ⁸⁾, а извѣстный, не на-

¹⁾ Заглавіе очень неточное; повидимому, здѣсь разумѣется либо *Пересмыслики или Славенскія сказки*, соч. М. Чулкова, либо *Вечерніе часы для Древнія сказки Славянъ Древлянскихъ*,—о нихъ см. В. В. Ситовскій, *Очерки изъ ист. русс. ром.* I, в. 2, стр. 90 и слѣд., 236 и слѣд.

²⁾ *Кайсаровъ*, Слав. и рос. мѣологія, изд. 2-ое, стр. 10—12.

³⁾ *Ibid.*, стр. 71.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 84.

⁵⁾ *Чулковъ*, Русскія сказки, часть I, по 3-му изд. стр. 144 и слѣд.

⁶⁾ Слав. и рос. мѣологія, изд. 2-ое, стр. 44.

⁷⁾ *Ibidem*, стр. 74.

⁸⁾ Чешскія глоссы въ *Mater verborum*, разборъ А. О. Патеры и дополнителныя замѣчанія И. И. Срезневскаго, С.-Пб. 1878, стр. 120—121 (Сборн. отд. русс. яз. и слов. Имп. Акад. Н., т. XIX).

прасно уважавшійся за большую любознательность и начитанность митр. Станиславъ Сестренцевичъ-Богушъ въ III томѣ своихъ *Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves* (стр. 582—613) не счелъ неудобнымъ чуть не повторить книгу Кайсарова съ примѣсю изъ „Древ. религіи Славянъ“ Гр. Глинки и кое-чего подобнаго ¹⁾).

На русской почвѣ книга Кайсарова встрѣтила такой пріемъ: въ рецензіи въ *Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ* (1805 г. 11 февр. № 6, суббота, стр. 41—44) говорилось: „Опытъ, который къ распространенію основательнѣйшаго познанія славянской міеологіи сдѣлалъ г. Кайсаровъ, сей опытъ его весьма драгоцененъ по своей важности, и имѣетъ все право на нашу благодарность“... ²⁾; въ рецензіи въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* (1805 г. ч. VII, № 8, стр. 159—172; ч. VIII, № 11, стр. 123—141) читаемъ: „Книга Кайсарова имѣетъ всю историческую важность; на нее можно вездѣ полагаться“... ³⁾.

Хотя уже вскорѣ началось и критическое отношеніе къ подобнаго рода міеологическимъ разысканіямъ и построеніямъ,—см. напр. *П. Строевъ, Ничто о міеологіи Славянъ Россійскихъ*, гдѣ читаемъ: „Услады, Купалы, Зимстерлы, Дашубы, Диды, Лады, Лели и проч. и проч., о коихъ столько до сихъ поръ говорено было, существуютъ, кажется, въ одномъ воображеніи повѣствовавшихъ объ ней (славянской міеологіи) писателей; они думали, что у славянъ непремѣнно долженствовало быть ни больше ни меньше боговъ, сколько было ихъ у грековъ и римлянъ, и для того старались замѣнить вымышленными именами тѣхъ боговъ, о коихъ не находили совѣмъ извѣстій“ ⁴⁾),—

¹⁾ *Ibid.*, стр. 121—122.

²⁾ *М. И. Сухомлиновъ, А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья*,—Изв. отд. русс. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. II (1897), кн. I, стр. 17.

³⁾ *Ibid.*, стр. 19.

⁴⁾ Современный Наблюдатель Россійской Словесности, изд. П. Строевымъ, ч. II, Москва, 1815, № 13 и 14, стр. 69. Впрочемъ Карамзинъ уже въ своемъ „Пантеонѣ Россійскихъ авторовъ“, въ главѣ „Поповъ Михайло“, 1802 года, высказывался такимъ образомъ: Сей авторъ (М. Поповъ) любилъ русскія древности и сочинилъ описаніе славянскаго богослуженія, которое Левекъ перевелъ и выдалъ за историческое, не зная, что оно не имѣетъ никакой достовѣрности: ибо религія Россійскихъ славянъ въ самомъ дѣлѣ намъ неизвѣстна. Несторъ не говоритъ объ ней почти ни слова. Въ деревняхъ нашихъ сохранились сказки о лѣшихъ и русалкахъ; въ припѣвѣ старыхъ пѣсенъ слышимъ имена *Дидо, Ладо*—и болѣе ничего не знаемъ. Такъ по крайней мѣрѣ скажетъ историкъ, который умѣетъ отличить истину отъ басенъ.

тѣмъ не менѣе еще въ 1834 году оказалось возможнымъ появленіе такой книжки, какъ „Міеологическій словарь, или краткое толкованіе о богахъ и прочихъ предметахъ древняго баснословія, по азбучному порядку расположенное; извлеченный и составленный изъ лучшихъ и новѣйшихъ сочиненій“. С.-Петербургъ. Въ типогр. вдовы Плюшаръ съ сыномъ. 1834. Здѣсь находится и *Ладо* („славянская богиня любви“, стр. 109), и *Лель*, и *Дидо* („у славянъ почитался завистливымъ божкомъ, портившимъ дѣла брата своего Леля, бога любви“, стр. 74), и *Зимцерла* („богиня весны у славянъ“, стр. 82), и *Полель* („славянскій Гименей, богъ брака; имя его означаетъ по-Лели, т. е. что за любовью слѣдуетъ бракъ“, стр. 160—161), и т. п.

Не можетъ поэтому быть ничего неожиданнаго въ томъ, что наши авторы поэмъ и другихъ повѣствованій заимствовали для украшенія своего стиля образы и имена изъ области „славянской міеологіи“, по примѣру міеологическихъ представленій греко-римскихъ, издавна занесенныхъ къ намъ поэтикой ренессанса. Не только Чулковъ, М. Поповъ, авторъ „Вечернихъ часовъ, или Древнихъ сказокъ Славянъ Древлянскихъ“, Херасковъ ¹⁾, А. Н. Радищевъ ²⁾, Н. Ради-

¹⁾ См. напр. „Владиміръ“, эпич. поэма, пѣснь вторая:

То были божества, которыхъ Россы чли:
Шумящъ оружіемъ приходитъ *Чернобогъ*...
Во мрачномъ сонмищѣ зрю огненнаго *Нія*...
Являлся тамо *Хорсъ*, *Семирлъ*, *Купало*, *Зничъ*;
Я вижу межъ боговъ роскошнаго *Услава*,
И златовласая съ младенцемъ тамо *Лада*;
Полель веселостей богиню провожалъ, и проч.

(Эпическія творенія Мих. Хераскова, ч. II, Москва, 1787, стр. 18—19).

²⁾ См. „Пѣсни, пѣтыя на состязаніяхъ въ честь древнимъ славянскимъ божествамъ“:

Се тамъ предсталъ и явились
Престолу твоему
Твои всѣ слуги, твои сыны:
Зничъ свѣтлой, жаркой, жизнедатель, «
Велесъ отецъ сей будущихъ жпвотныхъ,
И *Позвиздъ* и *Купало*...
И *Ній* отецъ земли,
И мать рожденья *Лада*,
Всесочетающей любви богъ, и проч.

(Собраніе оставшихся сочиненій А. Н. Радищева, ч. I, Москва, 1807, стр. 144 — 145).

щевъ ¹⁾, Востоковъ и мн. др. употребляли такой приемъ, но и у Пушкина мы встрѣчаемъ еще обороты подобнаго же рода ²⁾.

XXII.

Продолжаемъ начатое изученіе литературы повѣстей конца XVIII—начала XIX вв. на темы изъ русской исторіи.

Подобную разсмотрѣннымъ произведеніямъ Нарѣжнаго („Брега Альты“, „Освобожденная Москва“), Воейкова („Свѣтославъ“), Востокова („Свѣтлана и Мстиславъ“), причудливую обработку историческихъ мотивовъ встрѣчаемъ въ формѣ стихотворенія меньшаго объема (родъ романса, баллады): *Черна, княжна Черниговская* ³⁾.

Авторъ имѣетъ претензію дать изложеніе народнаго преданія: „Истинна ли сія повѣсть,—говоритъ онъ,—я не утверждаю; по крайней мѣрѣ такъ рассказываетъ простой народъ“ ⁴⁾. Сюжетъ приурочивается ко времени разоренія Чернигова Батыемъ въ 1239 году.

Лѣтописное сообщеніе объ этомъ таково:

„Того жъ лѣта Батый посла иную рать на Черниговъ всилѣ велицѣ. Слышавъ же то князь Мстиславъ Глѣбовичъ... и изыде на нихъ со многими воинствы своими, и бысть брань велия и съча зла; а со града метяху на Татаръ камские с стѣнъ за полтора перестрѣла: а камение якоже можаху четыре человекъ сильниі поднять і, и сице взимающе метяху на нихъ. Но и тако победиша Татарове, и едва убежа князь Мстиславъ Глѣбовичъ... а множество воинства его избиено бысть, и градъ взяша и запалиша огнемъ; а епискупа

¹⁾ См. „Альоша Поповичъ, богатырское пѣснотвореніе“, соч. Н(иколая) Р(адичева). М. 1801, часть первая:

Утѣхи *Лада* вамъ прольеть,
Блаженства *Лельо* низпошлетъ (стр. 33).
Но мнѣ претить Судебъ велѣнье,
Претить отъ *Нія* грозна страхъ (стр. 35).
Едва *Зимцерла* возсіяла,
Пещеру мрачну онъ узрѣлъ (стр. 44).

²⁾ „Русланъ и Людмила“, пѣснь I:

И славить сладостный пѣвецъ
Людмилу—преlestь и Руслана
И *Лелемъ* свитый имъ вѣнецъ...
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигаетъ *Лель*, и т. п.

³⁾ Стих. Ев. Люценко. Пріят. и полез. Препровожденіе времени, ч. VIII, стр. 244—250.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 250, примѣчаніе.

Переирія жива ведоша с собою в Глуховъ, и отгуду пустиша его¹⁾.

Въ названномъ стихотвореніи нашествіе Батыя изображается такимъ образомъ:

Батый, сей хищный тигръ, ужасный
Россіи оной чрево рветъ.
Какъ туча идетъ къ черну граду,
И здачи требуетъ его...
Терзаясь лютый врагъ досадою,
Грозитъ все въ пещель обратитъ;
Желая гордо взять осадою,
Еще не можетъ покорить.
Ужъ многи сжегъ онъ близки села,
Все грабилъ, билъ и умерщвлялъ:
Земля отъ крови побаръбла—
Онъ ужасъ всюду простиралъ.
Ужъ долго онъ стоялъ подъ градомъ,
И бѣдны жители его
Иные вѣкъ скончали гладомъ,
Иль отъ руки врага сего.
Другіе скрылися въ пещеры,
Снесли сокровища туда;
Заклали камнями въ нихъ двери,
Надѣясь, что пройдетъ бѣда.

Въ это время въ Черниговѣ княжила юная Церна:

Церна столь была прелестна,
Какъ юная въ поляхъ весна:
Улыбка ангельска, небесна
Была въ устахъ ея видна.
Въ пятнадцать лѣтъ, о возрастъ нѣжный!
Въ ней зрѣлъ уже красоть вѣнецъ—
Престоль имѣвшій безмятежный
Почтенный сѣдиной отецъ.
Веселіе мое, отрада,
Онъ дщери нѣкогда вѣщалъ:
Ты чернаго надежда града,
Градъ долго блажь твоихъ жадалъ.
О Церна, дочь моя и радости!
Чась друга ужъ тебѣ имѣть;
Пришла ко мнѣ уныла старость—
Я скиптромъ не могу владѣть.
Но князь отрады не дождался,

¹⁾ Русская лѣтопись по Никонову списку, ч. III, С.-Пб., 1786, стр. 5.

Чтобъ дщерь любезну сочетать:
Онъ въ скоромъ времени скончался,
И дочь осталась управлять.
Печальна Церна сокрушалась,
И всѣхъ тѣмъ трогала сердца:
Она безъ матери осталась,
Безъ матери и безъ отца.

Когда Батый овладѣлъ Черниговомъ, Церна укрылась въ главѣ городского храма. Батый

Зналъ убѣжище владѣвшей,
Онъ слышалъ о ея красахъ;
Какъ молнья лучъ къ вреду послѣвшей
Онъ ищетъ въ тѣхъ ее мѣстахъ.

Батый оказывается влюбленнымъ; свирѣпому вождю степныхъ полчищъ влагаются въ уста нѣжная, страстная мольба:

„О Церна, покорись прекрасна;
Вотъ градъ тебѣ и скипетръ въ даръ;
Душа моя тобою страстна
И чувствуетъ несносный жаръ!
Усыплю землю я цвѣтами,
Какъ для богини красоты:
Здѣсь встрѣчу я тебя съ полками—
Довольна будешь, Церна, ты!
Ко храму приступа ужасный
Ханъ Крымской (? sic) такъ княжнѣ вѣщалъ;
Онъ руки къ ней и взоры страстны,
Проя умильно, простиралъ.

Церна отвергаетъ эти „умильныя“ мольбы. Батый начинаетъ грозить:

Я храмъ съ тобою разстрѣляю...

Однако нѣжные чувства берутъ въ его душѣ верхъ:

Но что я говорю несчастный?
Какъ сердцу милую губить!
Твой взоръ, твой образъ въ немъ прекрасный
Въ вѣкъ будутъ впечатлѣнны жить.
Сойдижь, любезна! умоляю...

Церна, чтобы не достаться варвару, бросилась внизъ съ высоты храма.

Поверглась—и полки вскричали,
Какъ пораженные стрѣлой;

Казалось, камни встrepетали,
Покрывшись еровіо густой ¹⁾.

Батый

Разграбилъ храмъ обогащенный,

а трупъ злополучной Черны приказалъ предать землѣ:

Тамъ жизнь ведетъ благополучну,
Тамъ Черна щастлива теперь!
На возвышенной же могилѣ
Уныло вѣтръ всегда шумить;
Грусть царствуетъ во всей здѣсь силѣ,
И все плачевный кажетъ видѣ.

Къ этому меланхолическому заключенію стихотворенія авторъ сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Еще и понынѣ видна въ Черниговѣ въ саду, принадлежащемъ собратіи Елецкаго монастыря, сія высокая наметанная изъ земли на подобіе холма и устланная дерномъ могила, на коей ежегодно сажаютъ новыя березки“ ²⁾.

Однако, что вся исторія о Чернѣ есть не болѣе какъ цѣликомъ плодъ фантазіи автора, яснымъ становится изъ того, что никакого народнаго преданія не приурочено въ самомъ дѣлѣ къ этой могилѣ; Аф. Шафонскій ³⁾ сообщаетъ: „Названіе Чернигова разнo писатели выводятъ; одни приписываютъ оное основателю и владѣтельному его князю, Черному именуемому, которому въ честь и память за одержанную надъ козарами побѣду жители города Чернигова на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ подъ городомъ погребенъ, насыпали большую могилу и называли ее черною. *Дѣйствительно, и понынѣ стоятъ подъ самымъ симъ городомъ двѣ не малыя могилы: одна за старымъ землянымъ валомъ... а другая противъ самаго Успенскаго Елецкаго монастыря, въ саду, ему принадлежащемъ. Но которая изъ сихъ черная называется, никто теперь не знаетъ*“. Въ историко-статистическомъ описаніи Черниговской епархіи Филарета (Гумилевскаго), книга III, „Елецкій монастырь“, стр. 1—34, объ этой могилѣ не упоминается вовсе.

Явились и въ прозаической формѣ поэмы-повѣсти подобнаго же

¹⁾ Повидимому, мотивъ, зашедшій изъ сказанія о Евпраксіи княгинѣ Рязанской, выбросившейся изъ терема, чтобы не достаться Батю.

²⁾ Пр. и пол. Препр. врем., ч. VIII, стр. 250.

³⁾ Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе съ краткимъ географическимъ и историческимъ описаніемъ... сочиненное Афанасіемъ Шафонскимъ въ Черниговѣ 1786 года. Кіевъ. 1851, стр. 247.

quasi-историческаго, взятаго изъ отдаленной древности содержанія. Разсмотримъ нѣсколько такихъ повѣстей.

В. В. Сиповскій намѣчаетъ небольшую группу героическихъ любовныхъ повѣстей второй половины XVIII в., „въ которыхъ выведены дѣйствующими лицами русскіе люди, изображена русская историческая жизнь“; таковы повѣсти: „Гонима“ (1780 года), „Повѣсть о Гьродѣ“ (1780 года), „Добродѣтельная Розана“ (1782 г.), „Громобой“ (1796 г.), „Роговольдъ“ (1798 г.)¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ прочія повѣсти, достаточно характеризованныя В. В. Сиповскимъ, обращусь къ „Громобой“ и „Роговольду“.

„Отрывокъ изъ героической повѣсти Громобой“²⁾ вышелъ изъ-подъ пера Г. П. Каменева³⁾. Произвольное (можетъ быть, просто наивное) обращеніе автора съ историческимъ матеріаломъ напоминаетъ обращеніе Чулкова въ его „Русскихъ сказкахъ“ съ матеріаломъ народной поэзіи. Русь представляется страждущей, въ эпоху Святослава сына Игоря и св. Ольги, и отъ хозарь, и отъ вятичей, и отъ печенѣговъ, и даже отъ татаръ, и переживаетъ набѣгъ *крымскихъ татаръ*; дѣйствующими лицами рядомъ съ Святославомъ выступаютъ Громобой, Велесиль, Златовласъ и др., имена которыхъ навѣяны несомнѣнно Чулковымъ. Представляю обзоръ содержанія „Громобоя“, отмѣчая подъ строкой литературныя параллели:

„Въ царствованіе великаго князя Святослава, сына Игоря и блаженныя Ольги, отечество наше часто наводняемо было иноплеменными сопостатами. Татары, Печенѣги, Вятичи, Хозары и другіе кровожадущіе народы вступали съ мятежнымъ буйствомъ въ предѣлы Россіи. Едва мечъ и огонь свирѣпствовать начинали въ поляхъ ея, какъ вдругъ мужественные Россіяне, воскипя мщеніемъ, рассыпали полки противныхъ и наказывали ихъ буйную дерзость,“—такъ начинается *Громобой*. Однимъ изъ такихъ набѣговъ крымскихъ татаръ и открывается повѣсть: Гонецъ приноситъ вѣсть о нападеніи враговъ. „Святославъ призываетъ къ себѣ наперсника своего Громобоя—мужа храбраго, могущественнаго, мудраго—и повѣдаетъ ему намѣреніе вооружиться противъ крымскихъ татаръ“. Посылаются гонцы во всѣ стороны и

¹⁾ В. В. Сиповскій, Очерки изъ исторіи русскаго романа, т. I, вып. 1-й, стр. 464 и слѣд.

²⁾ Муза. ежемѣсячное изданіе, на 1796 г., апрѣль, стр. 34—47.

³⁾ Неустроевъ, Историч. разысканіе о русс. повремен. изданіяхъ, С.-Пб. 1874, стр. 797, 799. Неизвѣстно, почему В. В. Сиповскій (ор. cit. I, в. 1, стр. 710, примѣч. 1223) считаетъ авторомъ „Громобоя“ Ал-ра Измайлова.

собирають ратниковъ; послѣдніе „текутъ ко знаменитому граду (Кіеву) яко дожденосныя тучи на зыбяхъ небесныхъ, имѣя въ ребрахъ молніи и перуны ¹⁾. Собравшимся имъ вкупѣ на покрытыхъ ароматными травами долинахъ близъ бѣлопѣнстаго Днѣпра, Святославъ даетъ знакъ пуститься въ назначенный путь. Самъ же, уклонясь на дебелое свое копіе, какъ нѣкій богъ войны, при корнѣ древняго дуба взираетъ на сомкнутые ряды непобѣдимаго воинства ²⁾. Громобой, одѣянный въ блестящую броню зрѣлся при боку его, какъ пламенный столпъ. Отважный Велесиль, вождь великогорскихъ войскъ, шелъ впереди искусно обученныхъ своихъ воиновъ подобно грозному облаку во время бурнаго сраженія стихій. Дубовое копіе въ десницѣ его начертывало въ воздухъ огненные круги. Стальной шлемъ, съняемый крыломъ большого сокола, скрывалъ его страшное лице. Густая брада, лѣтающая по волѣ вѣтровъ, усугубляла важность его стана ³⁾... Безтрепетный Златовласъ, младый вождь со береговъ Днѣстра — имѣлъ высокій мужественный станъ и красивое лице. Багрянорозовыя перья на шлемѣ колебались подобно гибкимъ вѣтвямъ; долгія кудри упадали по плечамъ. Осмиугольный щитъ изъ свѣтлой мѣди бросалъ всюду яркія лучи ⁴⁾. На немъ виденъ былъ орелъ, растерзывающій острыми когтями тигра и простирающій крылья надъ гнѣздомъ горлицъ ⁵⁾... За нимъ шелъ третій начальникъ“—и т. д. Черезъ девять

¹⁾ Срв. „Оссіанъ Сынъ Фингаловъ“, перев. Е. Косторовымъ, ч. I (изд. 2-ое, С.-Пб. 1818), стр. 8 (изъ поэмы „Фингаль“): Вожди предшествуютъ, блистая оружіемъ своихъ отцевъ; за ними *текутъ ратники* мрачны и грозны: тако *дожденосныя* соединяются облаки, и обременяются другъ другомъ позади воспламененныхъ небесныхъ огней...

²⁾ Срв. тамъ же: Безстрашный Кушудильнъ сидѣлъ *при корени* шумящаго вѣтвями древа. Его копіе стояло *уклонясь* къ твердому и мхомъ покрытому камени (стр. 4), Кушудильнъ стоялъ, опершись *о древни дубъ* (48). Стоятъ онъ въ томномъ безмолвіи; опершись *на свое дебелое копіе* (97). Онъ сидѣлъ на камени берега, и воинство, какъ темныя облака, стѣснялось вокругъ его (стр. 5).

³⁾ Срв. *ibid.*, стр. 43: Ихъ вождь предшествуетъ покрытъ гремящимъ оружіемъ, подобенъ призраку предтекущему грозныхъ облакамъ, окруженному воспламененными воздушными явленіями... Стр. 92: Въ десницѣ его блистаютъ два копія, и отъ его всеоружія пагубоносное отражается сіяніе. Бѣлыя власы его развиваются *по волѣ вѣтровъ*...

⁴⁾ Срв. *ibid.*, ч. II, стр. 68—69 (поэма „Темора“): описаніе грозныхъ воителей.

⁵⁾ Мотивъ навѣянный популярными тогда рыцарскими романами и повѣстями: на щитахъ рыцарей, выступающихъ на турнирахъ, всегда аллегорическія изображенія, эмблемы, гербы,—см. *Ситовскій*, Очерки изъ ист. русс. романа, I, вып. 1 стр. 413 („Приключенія Клеандра“), срв. описанія турнировъ въ рыцар. повѣсти „Гуавъ или непреоборимая вѣрность“ (М. 1789, 1793...) и др.

дней пути встрѣтили враговъ. „Святославъ повелѣваетъ сразиться, вручая предводительство Громобою. Самъ идетъ къ ближайшему холму, садится на гранитной скалѣ, дабы зрѣть оттуда успѣхи побѣдоноснаго войска, въ непріязненномъ же случаѣ воспятить стопы слабыхъ воиновъ и ожитворить ихъ къ побѣдѣ...“¹⁾ Происходитъ битва: „Повсюду слышенъ стонъ сражающейся мѣди; видны летающіе по воздуху преломленные копія, видна кровь по дерну тысячью источниками извивающаяся“. Сраженіе рѣшается поединкомъ Громобоя съ вождемъ враговъ²⁾: „Громобой обоюднымъ мечемъ, яко молніей разстроиваетъ непріятелей, приближается къ начальнику татарскому Ченгису, повергаетъ въ него тяжелое копье, но онъ искусно отъ онаго уклоняется. Громобой пускаетъ стрѣлу—она отскакиваетъ отъ щита его, какъ слабая трость. Герои разгорячаются. Между тѣмъ Ченгисъ направляетъ копье прямо въ сердце Громобоя, и съ яростію произнося ужасныя ругательства, готовится уже бросить въ него, какъ вдругъ могущественный Владыка приѣмлетъ въ обѣ руки мечъ, ударяетъ по главѣ соперника и разрубаетъ ее на полы. Обезображенная глава катится съ ропотомъ къ стопамъ побѣдителя. Громобой въ сіе время ужаснѣе былъ Римскаго героя Нумы, когда онъ, покровительствуемый Церерою, побѣдилъ храбраго вождя Марсіанъ“³⁾.

Татары бѣжали: „Тогда мрачная ночь разстлала черную свою одежду по влажнымъ равнинамъ и холмамъ. Рѣка, медленно протекая между песчаныхъ береговъ, казалось, засыпала. На темносиней тверди явилась луна и освѣтила палевыми лучами блѣдныя лица умершихъ героевъ. — — — Святославъ призываетъ оставшихся воиновъ и пове-

¹⁾ Срв. „Оссіанъ“, I², стр. 91: Теките, безтрепетные ратники, стремитесь поражать смертію: Фингалъ будетъ взирать на ваши подвиги; мечъ мой блистать будетъ на семь холмѣ (ранѣе было сказано: „Фингалъ встаетъ, собираетъ войнство и вручаетъ его предводительству Галла“, а самъ „удаляется на гору, съ высоты которой могъ онъ все видѣть“, стр. 82); онъ явится защитою моего народа; по коль желательнѣе, чтобъ нипогда не имѣли вы прибѣжища къ его помощи, когда сынъ Морсия ратоборствуетъ вмѣсто Фингала!.. Онъ будетъ нынѣ вождемъ и предтечею вамъ ко брани...

²⁾ Срв. *ibid.*, стр. 106: поединокъ двухъ вождей, Фингала и Сварана, рѣшающій битву.

³⁾ Имѣется въ виду, конечно, романъ Numa Pompilius, par Florian, нѣсколько изданій котораго въ русскомъ переводѣ появились въ концѣ XVIII в.; „Нума Помпиль, второй царь римскій“, соч. г. Флоріана, пер. съ фр. П. Вельяминовымъ, С.-Пб. 1788 и др. Срв. *Сиповскій*, Изъ истории русс. романа и повѣсти, С.-Пб. 1903, стр. 75, №№ 967, 968; *Сопиковъ*, Опытъ росс. библиогр. №№ 8689—8691.

лѣваетъ имъ успокоиться.— Сладкой сонъ смыкаетъ всѣхъ вѣжды: одинъ токмо царь съ наперсникомъ сѣдять на холмѣ, бесѣдуя о подвигахъ безтрепетнаго ихъ воинства“... На другой день Святославъ „повелѣваетъ воздвигнуть гробницы убіеннымъ воителямъ“ ¹⁾.

Громобой одерживаетъ и еще побѣду: татарскіе послы, явившіеся для заключенія мира, принесли въ даръ побѣдоносному Святославу прекрасную черкешенку Калханту. Святославъ назначаетъ ее въ награду тому изъ своихъ витязей, кто окажется всѣхъ сильнѣе. Силу испытываютъ при помощи вола, котораго должно сдержатъ на всемъ его бѣгу ²⁾. Изъ всѣхъ соперниковъ это удастся сдѣлать только Громобойю, которому и достается прекрасная плѣнница. Калханта становится его супругой, и у нихъ родится сынъ молодой герой Звениславъ.

Скрещеніе нѣсколькихъ литературныхъ вліяній наблюдаемъ мы на формѣ, тонѣ и колоритѣ, образахъ, подробностяхъ содержанія и стиля повѣсти „Громобой“: съ одной стороны авторъ увлекался героическими романами въ родѣ „Нумы“ Флоріана и популярныхъ рыцарскихъ повѣстей, съ другой стороны—и гораздо сильнѣе въ данномъ случаѣ—повліяли поэмы Оссіана-Макферсона, откуда заимствованъ рядъ образовъ, ситуаций, мотивовъ, подробностей и даже оборотовъ рѣчи переводчика—Е. Кострова, какъ показываютъ приведенныя выше, подѣ строкой, сличенія; наконецъ, нашъ авторъ былъ знакомъ съ какимъ-то сочиненіемъ по древней русской исторіи, откуда и взяты имъ имена князей Святослава, Игоря, Ольги, печенѣговъ, вятичей, хозаръ, а также, можетъ быть, и мотивъ объ испытаніи силы героя посредствомъ бѣгущаго вола (мнѣ до сихъ поръ по крайней мѣрѣ неизвѣстно, чтобы гдѣ либо еще встрѣчался этотъ мотивъ кромѣ древне-русской лѣтописи).

Среди излюбленной въ поэмахъ Оссіана-Макферсона обстановки (ночь, спящее войско, бодрствующій предводитель, обуреваемый мрачными мыслями, тѣни павшихъ воителей, гробницы... См. поэму „Фингалъ“ и др.) разыгрывается также и дѣйствіе разсказа Нарѣжнаго

¹⁾ Срв. „Оссіанъ“, ч. I, стр. 101, 111 и др.: Фингалъ приказываетъ „воздвигнуть гробъ“ павшему воину. То же повторяется постоянно въ поэмахъ Оссіана.

²⁾ Не отзвукъ ли это лѣтописнаго сказанія объ испытаніи силы Яна Усмошвеца при помощи быка, передъ единоборствомъ съ печенѣжскимъ богатыремъ? Срв. Русс. лѣтопись по Никонову списку, С.-Пб. 1767, ч. I, стр. 106—107; *Ломоносовъ*, Древняя исторія російская, С.-Пб. 1766 (подъ 1099 годомъ), и др.

Рогвольдъ ¹⁾, въ которомъ описывается встрѣча князя Владиміра съ полоцкимъ княземъ Рогвольдомъ, отцомъ Рогнѣды, произошедшая спустя нѣкоторое время послѣ разоренія Полоцка.

Въ основѣ лежитъ лѣтописное преданіе: Володимер же собравъ многи Варяги, и Словяне, и Чудь, и Кривичи, и поиде на Рогволода; въ тожь время хотяху Рогнѣдъ вести за Ярополка. И прииде Володимеръ къ Полотску, и уби Рогволода и два сына его; а дщерь его Рогнѣдъ себѣ поять женою ²⁾. Но авторъ произвольно измѣнилъ лѣтописный рассказъ въ томъ смыслѣ, что Рогволодъ остался живъ, жаждалъ мести, встрѣтившись же съ Владиміромъ, много времени спустя, ночью у гробницы, и названный имъ отцомъ, смягчился, и они примирились. На обработкѣ рассказа Нарѣжнаго сказались модныя тогда литературныя вліянія: поэмъ Оссіана и популярныхъ „рыцарскихъ повѣстей“; отзвукъ послѣднихъ сказанъ въ томъ, что Рогвольдъ называетъ своего собесѣдника „рыцаремъ“ и въ своемъ рассказѣ упоминаетъ, что у него при дворѣ, въ Полоцкѣ, происходили „состязанія рыцарей“, т. е. турниры.

Десятью годами позднѣе „Рогвольда“ Нарѣжный издаетъ свои „Славенскіе вечера“ (ч. I, С.-Пб. 1809),—сборникъ, въ составъ котораго вошли повѣсти: *Кій и Дулебъ, Славенъ, Рогдай, Велесиль, Громобой, Ирена, Мирославъ* ³⁾. Повѣсти эти представляютъ „пеструю смѣсь лѣтописныхъ и былинныхъ рассказовъ, мотивовъ западно-европейскихъ рыцарскихъ и другихъ романовъ и самобытнаго творчества автора“ ⁴⁾; въ первыхъ двухъ рассказахъ замѣтно сильное подражаніе кромѣ того Оссіану-Макферсону (картины битвъ, пѣсни бардовъ, явленіе тѣней убитыхъ и др.) и заимствованія изъ тогдашнихъ сочиненій по мифологіи („Едва *Зимцерла* златоблестящая, вѣчно юная, прелестная невѣста *Свѣтовіда* отверзла врата неба величественному жениху своему“..., *Кій и Дулебъ*,—и т. под.).

Въ „Ипшокренѣ“ (на 1800 годъ, ч. VI, стр. 337—345) помѣщена поэма-повѣсть *Ольга на гробницѣ Игоревой*, рассказывающая о встрѣчѣ кн. Игоря съ Ольгой, которая была перевозчицей, затѣмъ объ убіеніи Игоря древлянами и о неутѣшной горести Ольги.

Источникъ повѣствованія указанъ прибавкой при заглавіи: „По

¹⁾ Пр. и подез. Препр. врем., ч. XX, стр. 353—375; *Бьлозерская*, Нарѣжный, ч. 2-я, стр. 22—23; *Ситовскій*, op. cit., I, в. 1, стр. 473.

²⁾ Русс. лѣтопись по Никонову списку, ч. I, С.-Пб. 1767, стр. 62—63.

³⁾ О нихъ у *Н. Бьлозерской*, В. Т. Нарѣжный, стр. 67 и слѣд.

⁴⁾ *Ibid.*, 70.

Татищеву лѣтописцу“. У Татищева во II книгѣ „Исторіи Россійской“, носящей частное заглавіе: „Лѣтосказаніе Нестора, черноризца Феодосіева монастыря Печерскаго“ и проч., въ главѣ 3-й, рассказывается о кн. Игорѣ, его княженіи, походѣ на грековъ и гибели въ древлянско-й землѣ ¹⁾. Немного выше ²⁾ говорится о женитьбѣ Игоря: „Игорю возмужавшему подѣ властію Олга, тогда Олегъ совокупи его бракомъ, приведши дѣвицу Олгу отъ Изборска“. Это мѣсто снабжено примѣчаніемъ ³⁾ о происхожденіи Ольги, гдѣ, между прочимъ, сказано: „О родѣ ея въ Миней не право, якобы подлая была, и на рѣкѣ перевозила, гдѣ ея Игорь узналъ“.

Въ Минеяхъ Дмитрія Ростовскаго, въ житіи св. Ольги (подѣ 11-е іюля), читается: „Князь Игорь, юношескаго дошедъ возраста, въ ловѣхъ упражняшеся. Случися же ему... быти въ той странѣ, идѣже нынѣ суть предѣлы Пскова града; тамо близъ предреченныя вси Выбутскія ловитву дѣя, узрѣ объ ону страну рѣки желанный себѣ ловъ, но не можаше рѣки преити, понеже не бяше ладіи. И помалѣ видѣ нѣкоего юна по рѣкѣ въ лодійцѣ пловуща, того къ берегу призвавъ, повелѣ себе за рѣку превести. Пловущимъ же имъ воззрѣ Игорь на лице гребца онаго, и позна яко не юноша, но дѣвица есть: бяше бо та блаженная Ольга, лицемъ зѣло прекрасна. И абіе от видѣнія ея уязвися сердцемъ и разгорѣся къ ней похотію, и нача глаголати словеса любодѣйная, къ скверному смѣшенію прельщающая. Она же разумѣвши смущеніе помысла его и похотное разжженіе, нача къ нему не юношескимъ, но старческимъ умомъ, пресѣдая бесѣду его, глаголати: Вскую смущаешися, о княже, тщетная помышляя? Отъ словесъ бо твоихъ явѣ есть неподобное желаніе твое, яко поругатися мнѣ хочещи, еже не буди: азъ бо сего ни слышати хочу. Но молю тя, господине, послушай мя и отложи отъ себе сія нелѣпая и студная помышленія... Вѣждь же и сіе, яко аще и едину мя здѣ видиши, и противу твоея силы немощну, обаче не одолѣши мя. Аще же бы имѣла отъ твоего насилванія одолѣема быти, то абіе *глубина рѣки свое защищеніе мнѣ будетъ: лучше бо ми есть въ чистотѣ умрети и воду сію имѣти вмѣсто гроба, нежели дѣству моему быти поругану...* Онъ же сія слышавъ приде въ чувство, и устыдѣся своего безумія, и ничто же противу отвѣщати могій, молчаше срамляся, и тако рѣку преплывше разлучишася... Бысть же

¹⁾ Исторія Россійская, собр. В. Татищевымъ, кн. 2-я, М. 1773, стр. 25—36.

²⁾ Тамъ же, стр. 18.

³⁾ Тамъ же, стр. 372—373.

время великому князю Игорю, да сочетается браку, и многимъ дѣвицамъ краснымъ избираемымъ бывшимъ, кая бы отъ нихъ достойна была царскаго чертога, не возлюбися князю ни едина; но воспоманувъ цѣломудренную и прекрасную Ольгу, абіе по нея сродника своего Олега посла, и съ великою честію приведе оную въ Кіевъ, и сочетается ей законнымъ бракомъ“. Въ этомъ отрывкѣ рассказывается то же самое, что въ „Книгѣ Степенной царскаго родословія“, въ житіи св. Ольги въ главѣ „О великомъ князѣ Игорѣ, како сочетается со блаженною Ольгою“ ¹⁾.

Свѣдѣнія, заключающіяся въ „Исторія“ Татищева и въ приведенномъ отрывкѣ о св. Ольгѣ, и легли въ основу поэмы-повѣсти „Ольга на гробницѣ Игоревой“. Обработана же она въ оссіановскомъ стилѣ.

„Быстры крылія щастія; полеть его—полеть молніи“, начинается авторъ ²⁾. „Ты снишла уже, Царица тѣней! Воронья крылья твои покрыли горизонтъ полночный! Облака, подобно пепловиднымъ журавлямъ, протянулись по неизмѣримому небу, и изъ-за башенъ тлѣющаго Искореста возникла непорочная сестра Свѣтовидова.

„Остановись въ бурномъ теченіи своемъ, Волховъ суровый! укротите, вихри, воющіе свои порывы!— я хочу слышать, какъ камышь, потрясая серебряною своею головкою, производитъ печальный звонъ, стоя на могилѣ Великаго.

„Видишь ли, странникъ, въ той мрачной отдаленности—видишь ли дѣву прелестей, прекрасную дочь полунощи? Печальное покрывало лежитъ на лицѣ ея и на бѣлой груди; тихо идетъ она по пескамъ сыпучимъ, и привидѣнія ночи не страшатъ ее своимъ могильнымъ свистомъ. Се пришла она, гдѣ возвышался гробъ ея любезнаго: тутъ возсѣла въ тишинѣ ночи и печали смерти. Дико играетъ вѣтеръ ея локонами; тщетно усугубляетъ ночь темноту свою“ ³⁾.

¹⁾ Книга Степенная царскаго родословія, и проч., изд. Миллера, М. 1775 г., ч. I, стр. 7—9.

²⁾ „Быстро текущи крылія твои, о щастіе! Полеть твой есть полеть молніи!“ начинается у Нарѣжнаго одинъ изъ его Славенскихъ вечеровъ: вечеръ XIII, *Игорь* (Повѣсти и романы Нарѣжнаго, С.-Пб., 1836 г., часть 10, стр. 201). Не принадлежит ли анонимная *Ольга на гробницѣ* перу Нарѣжнаго и не есть ли *Игорь* переработка того же матеріала? Во всякомъ случаѣ, замѣтна связь между обоими произведеніями.

³⁾ Ср. у Оссіана: „Случай времяя протекшихъ, дѣянія преждебывшихъ героев! воскресните въ моихъ пѣсняхъ! О Лора! журчаніе твоихъ источниковъ обновляетъ въ памяти моей прошедшее. Шумъ твоихъ дѣсовъ, о Гермалладъ! пріятенъ моему слуху. Не видишь ли ты, Мальвина, сея скалы, увѣнчанной кустарникомъ? Три ста-

„Ктожь ты, дщерь горестей?“ ставится авторомъ вопросъ—и отвѣтомъ должно служить послѣдующее повѣствованіе:

„Какъ стонеть вихрь въ глубокой пропасти, такъ ревѣлъ нѣкогда Волховъ въ берегахъ своихъ. Громы были волны его; пѣна ихъ подобилась млеку стадъ Задонскихъ. Войска Игоревы были на другой сторонѣ его, и юной рыцарь не могъ перейти къ нимъ.

„Сними ночь! говорилъ онъ въ сокрушеніи сердца, сними чернѣйшій покровъ твой. Ратникамъ моимъ нужно мое присутствіе. Пламень взоровъ печенѣговыхъ блещетъ уже въ виду ихъ... Вой мои ищутъ Игоря, и не обрѣтаютъ... О ночь! сними покровъ свой, дозвожь видѣть меня моимъ ратникамъ!“

Такъ измѣненъ, подъ вліяніемъ воинскихъ пѣсней Оссіана, минейный мотивъ о томъ, почему Игорю нужно было переѣзжать рѣку.

Блуждая по берегу Волхова, Игорь вдругъ видитъ „ладію и въ ней спящую дѣвицу. Съ восторгомъ будить онъ ее, и велитъ превести себя на ту сторону Волхова“.

Слѣдуетъ воспроизведеніе сцены въ лодкѣ изъ минейнаго житія:

„Кто ты, юная прелесть? сказала онъ—и огонь сладострастія разлился въ его жилахъ. Онъ взялъ бѣлоснѣжную ея руку, и пламень страсти потрясъ юнаго исполина; мечъ выпалъ изъ рукъ его, спокойно лежало копье у ногъ его, онъ зрѣлъ только прелесть наслажденія, и въ дикомъ восторгѣ, при шумѣ бунтующихъ волнъ и ревахъ завывающаго вихря—мечталъ о любви своей.

„Я Монархъ,—думалъ онъ,—блестателенъ мой скипетръ, вождѣльнѣйшій взоръ очей моихъ; маловеніе перста—щастіе и нещастіе: кто можетъ противостать любви моей?“

„Вторично заблестѣлъ огонь въ глазахъ его, вторично вылетѣлъ неволью вопросъ: „Кто ты, дѣва прелестей, юная дщерь полунощи?“

„Глубоко пропикъ взоръ его въ ея душу; лилейный цвѣтъ невинности не терпитъ на себѣ порочнаго праха. Тяжело вздохнула она

рыя сосны склонились съ ея утѣслатаго чела; при стопахъ ея простирается цвѣтущая долина. Тамъ блистаетъ горный цвѣтъ; при дыханіи зефира потрясаетъ онъ своею головкою; тамъ растетъ уединенный терновый кустъ, котораго сѣдые власы служатъ игралищемъ вѣтру. Два камня, вросшіе до половины въ землю, показываютъ верхи свои, покрытые сѣдымъ мохомъ... Два знаменитые героя, о Мальвина! покоются въ сей долині... Случай времени протекшихъ дѣяній прежде бывшихъ героевъ! воскресните въ моихъ пѣсняхъ“ („Картонь“, поэма, —Оссіанъ, пер. Е. Костровымъ, изд. 2. С.-Пб. 1818, ч. II, стр. 2—3. Поэма „Картонь“ появилась въ русскомъ переводѣ также въ карамзинскомъ „Москов. Журналѣ“ 1791, ч. II, стр. 115 и слѣд.).

въ груди своей! Померкъ цвѣтъ небесныхъ очей ея, и перлы навспели на ея рѣсницахъ.

„Я Ольга — отвѣчала она — бѣдная сирота, мать свою питающая своими руками. Я превожу странниковъ чрезъ волны Волхова, и среди Великаго Новгорода живу въ бѣдной хижинѣ. Но Игорь! не дивись, что я тебя знаю: ты проходилъ чрезъ Новгородъ съ своими тысячами, и я видѣла Игоря. Что значить блескъ очей твоихъ, что значить пламень, пылающій на твоихъ ланитахъ?

„Такъ, я Игорь—сказалъ монархъ съ надѣянiемъ.

„Такъ юный дубъ, освѣняя при корнѣ его растущую лилію, и види ее колеблему вѣтромъ, нагибаетъ надъ нею свои вѣтви и какъ бы говорить: не бойся! я съ тобою.

„Я невинна—сказала Ольга, и опустила веслы. Естьли берегъ будетъ гробомъ моей невинности, такъ пусть Волховъ поглотитъ несчастную, но невинную Ольгу.

„Дай мнѣ свою руку, краса сѣвера! я искалъ души—и нашель. До сихъ поръ не прельщаль меня ни огонь очей Прелесты, ни райская томность Всемилы; Ольга! я супругъ твой!

„Слеза скатилась съ рѣсницъ ея, она подала ему свою руку, и поцѣлуй любви смежилъ невинныя уста ихъ“.

Враги были разбиты; Игорь и Ольга возвратились въ Новгородъ, „и жрецъ благосклонной Лады соединилъ ихъ“.

„Быстры крылія щастія! Полеть его—полеть молніи“,—повторяетъ авторъ меланхолическій рефренъ. „Гдѣ весна дней твоихъ, Игорь? Гдѣ время, Ольга, когда краса твоя нѣжилась у груди его?.. Улетѣло!.. Скоро брачныя пѣсни превратились въ надгробныя—и факелы, освѣщавшіе ложе любви, озарили туманный гробъ... Быстры крылія щастія! Полеть его—полеть молніи“.

Слѣдуетъ разсказъ о смерти Игоря, убитаго древлянами (мотивъ о корыстолюбіи Игоря опущенъ), и о горести Ольги.

„Бушуйте свирѣлыя вѣтры: трещите долголѣтніе дубы полей Искорестскихъ! да не слышу воплей отчаянной. Сгуститесь тучи челомъ своимъ на поля пространныя! сокройте отъ очей моихъ образъ смерти, освѣнившій крыломъ своимъ чело Ольги!“

Ольга отмстила древлянамъ, но осталась безутѣшна. Она приходитъ къ гробницѣ Игоревой, „бѣлоснѣжною рукою срываетъ она полынь съ нее, сажаетъ цвѣтущую фіялку и полную скабіозу. Какъ скоро покровъ ночи освѣнитъ остатки Искореста, она приходитъ сюда, и слезами поливаетъ юные цвѣты сіи. Ни громы, ни вихри не уда-

ляютъ ее отъ сего намѣренія. Съ ревомъ ихъ соединяетъ она плачь свой, и свои стоны съ ихъ свистами... Быстры крылія щастія! Полетъ ихъ—полетъ молніи“.

Кромѣ Оссіана въ „Ольгѣ“ нашли свое выраженіе и отзвуки „славянской міеологіи“, которую всегда украшали тогдашніе quasi-историческіе рассказы изъ русской древности: „изъ-за башенъ тлѣющаго Искореста возникла непорочная сестра Свѣтовидова“ (Иппокр., VI, 337); „жрецъ благосклонной Лады соединилъ ихъ“ (Игоря и Ольгу въ Новгородѣ—*ibid.*, 342).

Сюжетъ объ Игорѣ и Ольгѣ подвергся новой, на этотъ разъ фантастической переработкѣ въ книжкѣ, вышедшей подъ заглавіемъ: „*Ольга*, историческій отрывокъ. Россійское сочиненіе“. Москва. Въ типографіи Пл. Бекетова. 1804.

Для украшенія своего повѣствованія авторъ отъ себя уже лично придумалъ цѣлый рядъ якобы славянскихъ божествъ, значеніе которыхъ и объясняетъ въ присоединяемыхъ къ книжкѣ (стр. 93—101) „Нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ“; здѣсь, сверхъ Перуна и Свѣтовидова, находятся:

Славада, славянская богиня славы; она превосходила всякое понятіе славянъ, которые почитали ее почти выше самого Перуна... Славада была дочь Истины и Мужества, свойствъ Перуновыхъ (стр. 94—95);

Разсуда, Минерва славянъ... создалась изъ двухъ свойствъ Перуна—изъ Разсудка и Мудрости (95—96);

Свѣтовидова дочь *Свѣтада*, римская Діана или Луна (96);

Стихана, Муза славянская... (97);

Войнада, грозная богиня войны; она родилась отъ Ярости и Бѣшенства и бываетъ всегда несправедлива, неистова... (100) и друг.

Таковы были нехитрые примыслы нашего новаго міеолога. Въ рассказѣ своемъ онъ даетъ волю своему воображенію, воспитанному, видимо, на чтеніи любовно-героическихъ повѣстей и романовъ, и перерабатывая историческій матеріалъ, не стѣсняется допускать наивныя анахронизмы, въ родѣ стрѣльбы изъ пищалей или нападенія половцевъ на Новгородъ при кн. Игорѣ, и привноситъ эпические мотивы, какъ побѣдоносное участіе героической дѣвы въ битвѣ, — въ этомъ послѣднемъ случаѣ, кромѣ рыцарскихъ повѣстей или произведеній въ родѣ повѣсти Коцебу „Королева Ильдегерда“, М. 1801, о которой мы говорили выше (въ главѣ XVII „Разысканій о соч. Жуковскаго“), могло сказаться и вліяніе поэмъ Оссіана; напр., въ поэмѣ „Дартула“

героиня „возопила съ восторгомъ:—Дай мнѣ сіи мѣдныя оружія, которыя блистаютъ при сіяніи мимотекущаго воздушнаго огня... дай ихъ мнѣ, Дартула хочеть сражаться“...¹⁾ (Срв. ниже слова Ольги: „Дай мнѣ ратное ополченіе“ и проч.). Вообще у Оссіана „супруга, любящая съ нѣжностью своего героя, слѣдовала иногда за нимъ на войну, *преобразаясь въ ратника*; такія превращенія часто встрѣчаются въ поэмахъ нашего Барда, и они всегда привлекательны“²⁾).

Повѣсть открывается вступленіемъ:

Добродѣтель!—величіе и достояніе человѣка—ты одна только можешь сдѣлать его щастливымъ, истинно щастливымъ! ты одна только, какъ божество, возвышаешь его до высоты небесъ!—и ты одна только могла возвысить Ольгу до лазури и пурпура діадимы—могла возвести ее въ жилище праведныхъ (стр. 5).

Затѣмъ начинается самый разсказъ:

„Игорь царствовалъ въ Новградѣ—и имя его гремѣло на сѣверѣ, раздавалось въ странахъ полуденныхъ,—востокъ и западъ наполнялись звукомъ его; Игорь царствовалъ въ Новѣградѣ, и десница его простиралась уже до Кіева, касалась водъ варяжскихъ, закрывала необозримостію сѣверъ и сѣверо-востокъ; но мы изобразимъ это въ самыхъ обстоятельствахъ“.

„Съ восходомъ солнца вельможи Игоревы собрались въ залу дворца его“... Они говорятъ о томъ, что враги побѣждены, что „звѣзда великаго Игоря получила сіяніе солнца и сіяла въ большемъ великолѣпнн“, что „гремящая Славада парила надъ Новградомъ въ пурпуровыхъ облакахъ“. Является Игорь. Ему сообщаютъ, что его полководецъ Альгардъ разсѣялъ силы Альферда и самого Альферда взялъ въ плѣнъ. Игорь назначаетъ трехдневное торжество и отправляется на охоту. Съ охоты Игорь слишкомъ долго не возвращается—и всѣ въ сильномъ безпокойствѣ.

„Но, всевидящая Стихана! покажи мнѣ, гдѣ находится великій князь?.. Вижу, лазурнымъ перстомъ показываешь его ты, сѣдящаго на берегу Волхова въ глубокой задумчивости. На другой сторонѣ рѣки юная дѣвица, какъ серна скрывается въ уединенную рощу; на дорогѣ упала розовая повязка съ груди ея—Государь видитъ это и кидается на легкій челнокъ—выскакиваетъ на другой берегъ; бѣжитъ къ тому мѣсту, гдѣ упала повязка незнакомой дѣвицы; онъ схватыв-

¹⁾ Оссіанъ, перев. Костровымъ, изд. 2-ое, ч. II, стр. 52.

²⁾ Тамъ же, ч. I, Предувѣдомленіе, стр. XLIII.

ваеѣ еѣ и съ пламеннымъ лобзаніемъ прижимаетъ къ груди своей“... „Съ таинственнымъ восторгомъ Игорь смотритъ на рощу, въ которой сокрывается милая дѣва“... Въ это время находить его приближенный Стемидъ и проситъ возвратиться въ Новгородъ. „Въ минуту грохочущее эхо раздалось по воздуху; гремящій звукъ пицалей (sic) успокоилъ Игоря“ (19). Онъ возвращается; новгородцы въ восторгѣ, „и торжественный крикъ гремѣлъ въ воздухѣ до тѣхъ поръ, какъ Свѣтада, юная дщерь Свѣтовидова, показала на блѣдно голубомъ эфирѣ“. Игорь призываетъ къ себѣ Стемида и признается ему (стр. 24): „Знай—я несчастень! Лиль ¹⁾ показалъ мнѣ то, чего никогда я не видалъ, никогда не чувствовалъ... Онъ показалъ мнѣ Русалу ²⁾. Ахъ! естли бъ могъ ты проникнуть сюда—сюда, въ это трепещущее сердце... естлибъ могъ ты узнать!“... „Тяжелый вздохъ подымаетъ высокую грудь его—слеза блистаетъ въ очахъ его“... И Игорь рассказываетъ о своей встрѣчѣ на Волковѣ съ молодой красавицей, которая перевезла его на лодкѣ черезъ рѣку: „Я вступилъ въ ладію; съ первымъ шагомъ шлемъ упалъ съ меня, и я преклонилъ главу свою къ чудесной красавицѣ: она покраснѣла; кровь вспыхнула въ членахъ моихъ—она опустила изъ рукъ своихъ весло и сѣла небрежно на скамейку. Я хотѣлъ поднять шлемъ свой, поскользнулся, упалъ... Что со мной сдѣлалось?—Перунъ!—Я чувствовалъ уста мои на устахъ ея, грудь моя на груди ея; и въ это время я не жилъ на свѣтѣ семъ; я былъ въ небесномъ жилищѣ, въ лелѣющемъ Валкалѣ ³⁾... Невольно дрожащія руки наши сплелися; она прижала меня къ розолилейной груди, такъ пламенно, такъ страстно, что я... забылъ все — утопалъ въ небесныхъ удовольствіяхъ, и опомнился уже тогда, какъ она на другой сторонѣ удалялась въ густую рощу“...

Въ это время приходитъ вѣсть, что Альферду удалось освободиться; Игорь выступаетъ въ походъ самъ. „Великій Новградъ (должно быть Игорь) явился въ гремящемъ ополченіи—величавое чело его, достигая небесъ, осѣнилось лазуревыми перьями, подъ которыми шишакъ горѣлъ въ безчисленныхъ огняхъ солнца; пурпуровая багряница покрываетъ крѣпкія знамена его; на бедрѣ виситъ всеокрушающій мечъ; въ десницѣ всенизвергающее копье; въ шуйцѣ испускающій молніи щитъ и отражающій грома“...

¹⁾ „Лиль—божество любви истинной, братъ Русалы“, примѣчаніе автора „Ольги“, стр. 98—99.

²⁾ „Русала—нимфа славянская“, то же, стр. 100.

³⁾ „Валкаль, селеніе воиновъ, исполненное вѣчныхъ радостей“, то же, стр. 98.

„За десять поприщъ отъ Новграда было спокойное уединеніе добродѣтели и щастія. Здѣсь жила Ингерда съ великою внукою великаго Гостомысла—съ милою, юною *Прекрасою*—единственною Русалою странъ Новградскихъ... Прекраса жила и наслаждалась добродѣтелію и самой собою... Лиль не трогаль ея еще волшебною стрѣлой своей“... Но послѣ встрѣчи ея съ Игоремъ на Волховѣ—„любезный видъ милаго богатыря, какъ солнце, сіялъ въ глазахъ ея, освѣщаль всю ея вселенную и проникалъ въ нѣжное, чувствительное ея сердце... Когда все предавалось сну, тогда Прекраса мечтала о своемъ незнакомцѣ“...

Новгородское ополченіе проходило мимо жилища Прекрасы; она увидѣла и узнала своего незнакомца: „На великолѣпной величественной колесницѣ выѣзжаетъ Игорь... быстро, какъ молнія, кинулъ на нее черныя, пламенные глаза свои“... „Игорь снимаетъ большой брильянтъ съ эфеса меча своего и кидаетъ къ ногамъ Прекрасы, которая... и поднимаетъ безцѣнный, таинственный талисманъ ея сердца“... И Прекраса рѣшается сдѣлаться „достоиную любви“ ея „высокаго Игоря“: „Этотъ камень, говоритъ она себѣ, будетъ всемогущимъ талисманомъ—онъ даетъ мнѣ силу и крѣпость творить дѣянія, достойныя моего высокаго Игоря“...

Походъ Игоря былъ побѣдоносенъ. Но во время его отсутствія „хитрый и коварный“ Альфердъ, съ своимъ отрядомъ пропустивъ мимо себя войско Игоря и оставшись позади него, напалъ на беззащитный Новгородъ съ половцами (! sic), явившимися, когда узнали „отбытіе всѣхъ войскъ изъ Новграда“. Новгородцы заперлись въ стѣнахъ. Альфердъ началъ свирѣпствовать въ окрестностяхъ—и вдругъ въ лѣсу такая встрѣча: „Онъ услышалъ шорохъ въ ближайшемъ кусту; онъ бросился и—остолбенѣлъ какъ мраморъ въ положеніи семъ. Юная дѣва стояла передъ нимъ на колѣняхъ и умоляла его;—онъ палъ къ стопамъ ея и лобызалъ персты ногъ ея. Дѣва вспыхнула и, какъ молнія, исчезла изъ глазъ его. До самой глубокой полночи Альфердъ стоялъ на колѣняхъ“... Про осаду Новгорода онъ забылъ и думать; дѣва признается ему въ любви, предупреждаетъ, что Игорь скоро возвратится и просить у него оружія для себя: „Я не хочу предаваться опасности потерять любезнаго Альферда, говоритъ она,—такъ дай мнѣ ратное ополченіе и ты увидишь, *что и женщины могутъ сражаться, побѣждая мужчинъ*“. Альфердъ въ восхищеніи отдаетъ ей свое вооруженіе.

Происходитъ битва. Альфердъ и Игорь вступаютъ въ единобор-

ство. Шлемъ Игоря разбить — „кто спасетъ великаго Игоря?“... „Вдругъ съ другого конца по океану враговъ скачетъ юный безстрашный воинъ, въ тысячахъ поражая ихъ... и единымъ ударомъ, сокрушивши шлемъ Альфердовъ, спасаетъ Игоря“.

„Или забылъ ты, вѣщаетъ героиня (ибо это она я чудная дѣва), что и женщины могутъ сражаться, побѣждая мужинъ?“...

„Войско, пораженное симъ чуднымъ явленіемъ и ожидающее чрезвычайнаго чудодѣйствія, разступилось и преобразило кругъ“.

Дѣва нападаетъ на Альферда, сражаетъ его, и половцы бѣгутъ... Дѣва преслѣдуетъ: „стами падаютъ отъ мощной руки ея; тысячи умираютъ отъ страха; героиня, какъ духъ смерти, поражаетъ бѣгущихъ“.

Въ это время возвращается съ юга Олегъ. Онъ узнаетъ, въ чемъ дѣло, подѣзжаетъ къ дѣвѣ и „вѣщаетъ ей важнымъ тономъ: Мужественной героинѣ, внукъ великаго Гостомысла, твердой непобѣдимой Прекрасѣ Новградъ обязанъ спасеніемъ и чрезъ меня изъявляетъ вѣчную благодарность свою“.

Возвращающейся Прекрасѣ устранивается торжественнѣйшая встрѣча. Она становится супругою Игоря, „и Олегъ перемѣнилъ имя ея и наименовалъ ее своимъ именемъ *Ольгою*“...

Эта же повѣсть была перепечатана, съ нѣкоторыми измѣненіями и съ приложеніемъ портрета Игоря и Ольги (!), въ Москвѣ въ 1814 г., подъ названіемъ: „Игорь, великій князь сѣвера. Героическое происшествіе, соч. А. К.“¹⁾

Въ 1804 г. появилась поэма-повѣсть того же стиля, подъ названіемъ „Рогнѣда или разореніе Полоцка“, въ 3 книгахъ²⁾.

Въ началѣ третьей книги авторъ дѣлаетъ такое воззваніе, свидѣтельствуя о предносившихся ему литературныхъ образцахъ и идеалахъ: „Битвы вѣковъ прошедшихъ! Знаменитые подвиги героевъ древности! *почто рука моя не владѣетъ кистію сына Финалова? Почто не одушевляетъ восторга моего пламя Гомерово?* Далекое бѣ разнесся гласъ пѣсней моихъ по вселенной, и священные лавры ваши, бременемъ лѣтъ подавленные, ожитворились бы въ нихъ съ новою славою. Но силы мои недостаточны, дарованія слабы. Одна любовь къ

¹⁾ Н. Бьлозерская, В. Т. Нарѣжный, ч. I, стр. 62, примѣч. Я не имѣлъ въ рукахъ этого изданія.

²⁾ Сѣверный Вѣстникъ, С.-Пб. 1804, часть II, стр. 60—75, 139—157, 294—311; отдѣльное изданіе съ именемъ автора: „Рогнѣда или разореніе Полоцка, сочиненіе *Николая Арицыбашева*“. С.-Пб. 1818.

отечеству, одно благоговѣніе къ вашей памяти движетъ перомъ моимъ“¹⁾).

Начало этого вступленія, напоминающее собою начало поэмы Оссіана „Картонъ“ („Случай времени протекшихъ, дѣянія прежде бывшихъ героев!“...) и упоминаніе о кисти сына Фингала, т. е. Оссіана, заставляло бы ожидать во всей повѣсти отзвуковъ оссіановской поэзіи; мы встрѣчаемся здѣсь однако съ отраженіями въ еще болѣе значительной степени иныхъ вліяній: называя историческія имена (Полоцкъ, Владиміръ, Рогвольдъ, Рогнѣда) и взявъ историческое событіе (завоеваніе Полоцка Владиміромъ), авторъ весь свой сюжетъ, сводящійся къ мотиву о добываніи витяземъ красавицы, развиваетъ путемъ произвольной фантастической комбинаціи элементовъ, заимствуемыхъ имъ изъ популярныхъ тогда рыцарскихъ романовъ, съ присоединеніемъ, ради украшенія слога, образовъ и именъ „славянской мифологіи“ и оборотовъ рѣчи, навѣянныхъ устно-народною поэзією (сборникъ Кирши Данилова) и только что опубликованнымъ тогда „Словомъ о Полку Игоревѣ“, и др.

Начать свою повѣсть авторъ, повидимому, хотѣлъ именно тѣмъ самымъ (приведеннымъ выше) вступленіемъ, какимъ открываетъ онъ третью книгу; но взялъ онъ только одну послѣднюю фразу и начинаетъ такъ: *...Одна любовь къ Отечеству движетъ перомъ моимъ* (курсивъ въ подлинникѣ). И затѣмъ приступаетъ къ повѣствованію:

Въ роцѣ священной, покрывающей берегъ шумнаго Волхова, возвышался кумиръ Перуна. Огонь вѣчный, угашеніе котораго стоило жизни очередному жрецу, пылалъ передъ изображеніемъ величественнаго бога земли и неба. Въ рукѣ своей держалъ онъ камень драгоценностями украшенный, котораго блескъ представлялъ при свѣтѣ огня живое подобіе палящей молніи. Деревянный станъ его, серебряная глава, золотыя уши и ноги желѣзныя, таинственно изображали свойства создателя вселенныя. Тамъ раздавались гимны благодарности и моленія жителей Новаграда²⁾).

Приведенное описаніе кумира Перуна восходитъ, какъ къ своему источнику, къ началу главы „О Идолѣхъ“ въ Синописѣ, гдѣ читасмъ:

Въ первыхъ постави (Владиміръ) начальнѣйшаго кумира именемъ *Перуна*, бога грому, молніи и облаковъ дождевыхъ, на пригоркѣ вы-

¹⁾ Сѣверный Вѣстникъ, 1804 г., ч. II, стр. 294.

²⁾ Тамъ же, стр. 60—61.

сокомъ, надъ Буричевымъ потокомъ, по подобію человѣческу; тѣло его бѣ отъ древа хитростнѣ изсѣчено; главу имуща сліяну отъ сребра, уши золотыя, носъ желѣзны, въ рукахъ держаше камень по подобію перуна палающа, рубинами и карбункулемъ украшенъ, а предъ нимъ огонь всегда горяше; аще же бы по нерадѣнію жреческому случилось огню угаснути, того ради онаго жреца, аки врага богу своему, смертію казняху ¹⁾).

Разсказъ въ повѣсти „Рогнѣда“ начинается тѣмъ, что Владиміръ „возвратился изъ Варягъ“ въ Новгородъ, изгналъ „посадниковъ слабаго Ярополка“ и желаетъ „принести жертву благодарную и праздновать въ честь Перуна, престоль новгородскій ему возвратившаго“ (стр. 61). Описывается это жертвоприношеніе (стр. 61 и слѣд.).

Алая *Зимцерла* съ улыбкою очищала путь *Свѣтовиду* блестящему. Тихій весенній вѣтерокъ разсѣвалъ туманы утренніе... Стогны града наполнились народомъ, великолѣпная пестрота одеждъ развлекала взоры, радость изображалась на лицахъ. Явился Владиміръ, и рукоплесканія торжественныя поздравили князя любимаго. Вратами Волховскими начинается шествіе. Сто молодыхъ дѣвицъ, въ одеждахъ бѣлыхъ и въ васильковыхъ вѣнкахъ, шли впередъ, воспѣвая гимны въ честь Бога-мстителя. За ними жрецы вели на жертву восемь коней, бѣлизною подобныхъ свѣгу, въ покровахъ богатыя ткани заморскія. Сто юношей въ блестящихъ доспѣхахъ серебряныхъ шли потѣмъ, голубыя перья шлемовъ ихъ величественно развѣвались по воздуху. Наконецъ показался Владиміръ, предшествуемый музыкантами чужеземными... Бояре, витязи російскіе и чужемцы слѣдовали за княземъ, звѣня тяжкимъ своимъ вооруженіемъ, а за ними толпы гражданъ ликующихъ...

Описаніе это, свидѣтельствуя объ увлеченіи автора тогдашнею „славянскою мифологіею“, напоминаетъ подобную же сцену, созданную фантазіей П. Львова: см. „Картина славянской древности, или Празднество Славянороссовъ, по окончаніи жатвы отправляемое въ честь Свѣтовиду и Триглавѣ, извлечена изъ русской старины и приложена съ древняго славянскаго пѣносложенія Павломъ Львовымъ“ ²⁾, гдѣ читаемъ:

Множество тельцовъ и двѣнадцать коней, *блмыхъ какъ стлгъ*, уготовано для жертвы. Главный жрецъ, въ богатой одеждѣ съ 12-ю

¹⁾ Синописисъ или краткое собраніе отъ различныхъ лѣтописцевъ... изд. 8-ое, С.-Пб. 1798, стр. 47—48.

²⁾ Иппокрена на 1800 г., ч. VI, стр. 3 п слѣд.

жрецами ему подвластными, восходить къ олтарю. За ними идутъ двѣ прекрасныя дѣвы въ одеждѣ алаго цвѣта... у персей ихъ златые поясы, на челѣ драгоцѣнныя повязи... Въ слѣдъ за ними пригожіи юноша, представляющій бога Улада... Народъ раздѣленъ на многіе сонмы; на сонмъ юношей, дѣвъ, женъ, старцевъ и сонмъ мужей, но сонмъ престарѣлыхъ воиновъ преимущественнѣе прочихъ. Герои сіи, проведшіе жизнь въ побѣдахъ, стоятъ ближе всѣхъ къ олтарю, опершись на копія, остріемъ въ землю устремленныя. Собравъ истощенныя въ браняхъ силы свои, они притекли во всемъ убранствѣ ратнаго снаряда: тяжелая колчуга покрываетъ согбенное тѣло ихъ; сѣдые волосы ихъ висятъ изъ-подъ стальныхъ шлемовъ, орлиными перьями осѣненныхъ, и мѣдные щиты на шуйцахъ ихъ рдѣютъ какъ полная луна сквозь тонкое облако, отъ громоносной тучи отдѣлившееся ¹⁾).

Послѣ жертвоприношенія,—продолжаетъ авторъ „Рогнѣды“ (стр. 65 и слѣд.), — „подъ тѣнію деревъ *столы дубовыя* накрываются *скатертями бранными*, золото и серебро сіяетъ на нихъ; вкуснѣйшія яства соединяютъ пріятный запахъ свой съ благоуханіемъ роши; *меды сладкіе* и *вины заморскія* въ сосудахъ пѣнятся“. Начинается пиръ. Это описаніе пира со столами дубовыми, яствами сахарными, винами заморскими и проч.—создалось подъ явнымъ вліяніемъ былинныхъ описаній богатырскихъ пировъ Владиміра Краснаго Солнышка; срв. у Кирши Данилова:

Садился за столы бѣлудубовы,
За яства сахарныя..
И садился Владиміръ-князь
За столы убранные, за яства сахарныя..
Велѣлъ подносить вина имъ заморскія
И меда сладкіе, и т. под.

Послѣ пира происходитъ турниръ (стр. 66):

Подлѣ роши священной, по берегу быстрого Волхова, возвышался амфитеатръ огромный, въ срединѣ котораго изготовлено было мѣсто для ристалища... Когда окончился пиръ, звуки трубъ и кимваловъ, по данному знаку, раздались... и богатыри, вооруженные тупыми копьями, выѣзжая попарно на поприще, оказываютъ проворство свое и силу. Особенно отличается князь литовскій, юный Руальдъ.

Мотивъ о турнирѣ взятъ, разумѣется, изъ популярныхъ тогда рыцарскихъ повѣстей и романовъ, въ родѣ „Гуака“, „Калеандра“, „Петра Златые Ключи“ и т. под.

¹⁾ Тамъ же, стр. 11—13.

Во время турнира прїѣзжаетъ другъ Владиміра богатырь Рах-тай ¹⁾, „мужъ добродѣтельный съ душою чувствительной ²⁾, въ нѣдра которой Владиміръ можетъ изливать свои печали и радости. За ужинномъ вдвоемъ съ Владиміромъ Рахтай рассказываетъ ему о необыкновенной красотѣ дочери полоцкаго князя Рогвольда Рогнѣдѣ: „Рогнѣда затмеваетъ полъ свой, какъ звѣзды солнце красное; какъ розовой маковъ цвѣтъ, цвѣтеть предъ прочими красота ея“ (стр. 74). Рассказъ Рахтая производитъ сильное впечатлѣніе на Владиміра.

Этотъ мотивъ о витязѣ, услышавшемъ отъ друга о прелестяхъ неизвѣстной красавицы и влюбляющемся въ нее заочно, — одинъ изъ мотивовъ популярныхъ рыцарскихъ повѣстей: такъ Петръ Златые Ключи слышитъ отъ своего друга о красотѣ царевны неаполитанской Магилены и отправляется за ней въ Неаполь ³⁾. Тотъ же мотивъ встрѣчается и въ поэмахъ Оссіана: „И кто виною сего ужаснаго противоборствія? Нѣкая прелестная красота, которая слава достигла до слуха Грумалова; онъ положилъ обѣтъ похитить сію младую дѣвицу или погибнуть“ ⁴⁾.

Таково содержаніе I книги „Рогнѣды“.

Книга II начинается такимъ образомъ:

Слабо и тлѣнно человѣчество; недостатки великіе часто бываютъ удѣломъ великихъ душъ. Подъ бременемъ страстей изнемогаетъ твердость; разумъ угашаетъ свѣтильникъ свой въ ихъ мракѣ. Мужественный въ битвахъ, твердый въ злополучіяхъ, мудрый Владиміръ былъ по женолюбію своему послѣдній изъ человѣковъ... (стр. 139).

Послѣдняя характеристика явно почерпнута изъ лѣтописи: Бѣ же

¹⁾ Имя, встрѣчающееся и въ лѣтописи: „Того же лѣта (1000) преставися *Рахдай Удалой*, яко насѣдьяше сей на триста воинъ. И плакася по немъ Володимерь“... (Русская лѣтопись по Никонову Списку, ч. I, (С.-Пб. 1767), стр. 111.

²⁾ Надѣляетъ богатыря „чувствительной душою“ нашъ авторъ, повидимому, вслѣдъ за Карамзиннымъ, у котораго Илья Муромецъ,

имѣя сердце нѣжное,
Любовался красою дня,
И въ душѣ своей чувствительной
Жертву утреннюю, чистую,
Проносилъ Царю небесному...

(*Карамзинъ*, Илья Муромецъ, богатырская сказка, — Аглая, II, 1795 года, 176).

³⁾ См. Извѣстія отд. русс. яз. и слов. Ак. Наукъ, XI, кн. 4, стр. 203 и слѣд.

⁴⁾ Оссіанъ, перев. Костровымъ, изд. 2, ч. I, стр. 137.

Володимеръ побеженъ похотию женскою... и бѣ несеть блуда... и бѣ женолюбець, якоже и Соломанъ... ¹⁾).

Страстныя мечты о Рогнѣдѣ овладѣвають Владиміромъ, и онъ рѣшается добыть себѣ красавицу, обдумываетъ съ Рахтаемъ планъ. Одаривъ чужеземныхъ рыцарей, при чемъ „особливо оказалъ младому Руальду ласки нѣжнѣйшія“ (стр. 142), онъ отпустилъ ихъ во-свои; Добрынѣ, дядѣ своему, поручилъ управление Новгородомъ, а самъ, съ Рахтаемъ и двадцатью „златоружными всадниками дружины княжеской“, уѣзжаетъ якобы затѣмъ, чтобы „утвердить союзы съ князьями сосѣдними“ (стр. 143).

Между тѣмъ Руальдъ поѣхалъ въ Полоцкъ. „Дремуцій лѣсъ окружалъ столицу Рогвольдову; гордо возвышали въ немъ древнія сосны остроконечныя верхи свои, и лучи солнца не могли проникнуть въ густоту вѣтвей ихъ“ (144). Въ лѣсу Руальдъ заснулъ. На него нападаютъ „два звѣря огромные“; его спасаютъ какіе-то „три воина въ шлемахъ закрытыхъ“ (стр. 145). Онъ пріѣзжаетъ въ Полоцкъ.

Руальдъ и Рогнѣда любятъ другъ друга; они видятся въ роцѣ, посвященной *Дидѣ* („богиня любви у древнихъ Руссовъ“, стр. 146) ²⁾.

Во дворецъ Рогвольда являются послы отъ Ярополка и отъ Владиміра и сватаютъ Рогнѣду одни за одного, другіе за другого. Рогвольдъ предоставляетъ выборъ самой Рогнѣдѣ. „Огонь блеснулъ изъ-подъ черныхъ бровей ея.—Когда польза, не склонность, отвѣтствуетъ она съ видомъ гордымъ и презрительнымъ, должна располагать рукой моею, предпочитаю Ярополка сыну рабѣму“ (стр. 154). Оскорбленный Рахтай, посолъ Владиміровъ, объявляетъ Рогвольду войну ³⁾.

Вечеромъ Рогнѣда идетъ въ роцъ Диды на свиданіе съ Руальдомъ. Передъ нею вдругъ оказывается какой-то „воинъ, котораго лице скрывалъ крѣпкій племъ“ (стр. 156). Дѣва въ ужасѣ издаетъ громкій вопль. На помощь бѣгутъ оба брата Рогнѣды и Руальдъ. По-

¹⁾ Лѣтопись по Никонову списку, ч. I, стр. 65.

²⁾ У Мих. Попова (Описаніе славян. Васносл.) и у Глинки (Древ. рел. слав.) нѣтъ Диды, а есть *Дидѣ* или *Дидо* (см. выше).

³⁾ Въ „Лѣтописи по Никою. сл.“ I, стр. 62—63: И посла (Владиміръ) к Рогволду Полоцкому князю, глагола сице: Хочу пояти дщерь твою женою себѣ. Онъ же рече дщери своей: Хочещи ли за Володимера? Онаже рече: Не хочу розувати робичища, но за Ярополка хошу... И придоша отроки Володимери, и повѣдаша ему всю рѣчь Розгнедину... Володимер же собра воя многи Варяги, и Словяне, и Чюдь, и Кривичи, и поиде на Рогволода; в то жь время хотяху Рогнѣдъ весты за Ярополка. И приде Володимеръ к Полотску, и убй Рогволода и два сына его; а дщерь его Рогнѣдъ поять себѣ женою.

слѣдній узнаеть въ неизвѣстномъ воинѣ одного изъ тѣхъ, которые спасли его въ лѣсу отъ звѣрей, и просить его открыться. Воишь поднимаетъ забрало: это былъ Владиміръ, который тотчасъ же и удаляется ¹⁾).

Таково содержаніе II книги „Рогнѣды“.

Книга III начинается приведеннымъ выше вступленіемъ, послѣ котораго читаемъ:

Раздался гласъ брани на водахъ Ильменя и Волхова. Какъ стада лебедей великіе слетаются въ Новгородъ воины Владиміра. Какъ орлы, какъ ясные соколы, являются средь нихъ богатыри могучіе... Владиміръ съ витязми устрояетъ полки; ужасъ знаменуетъ разныя ихъ оружія. Тамъ видны новгородцы, вооруженные тяжкими сѣкирами; мери, которыхъ кони быстротою равняются вѣтрамъ; смертоносныя стрѣлы ихъ никогда не минуютъ цѣли своей, острые копья никогда о сталь не притупляются. Тяжкіе кистени и сулицы вооружаютъ весь, жителей Бѣла озера... Громъ бубновъ и сурновъ потрясаетъ воздухъ, огромные стяги по вѣтру волнуются—войска двинулись подобно лѣсу дремучему... Не тучи багровыя поднимаются изъ Новгорода—крутится пыль надъ воинствомъ Владиміра (стр. 294—296) ²⁾). Является полоцкій посолъ Творимырь и произноситъ передъ Владиміромъ рѣчь, въ духѣ политической философіи эпохи просвѣщенія, объ обязанностяхъ государей, указываетъ, что причина начатой войны ничтожна и т. д., но переговоры не приводятъ ни къ чему.

„Заря кровавая обагрываетъ воды Двины и Полоти, земля, страшась погибели сыновъ своихъ, испускаетъ легкіе пары и закрываетъ чело предвѣстницы ужасовъ; но лучъ златаго солнца разгоняетъ тьму, представляетъ на брегахъ Полоти строи враждебные. Скоро стрѣлы и пращи затмили вновь румяное чело Свѣтoviда“ (стр. 301). Владиміръ и его витязи совершаютъ рядъ подвиговъ въ схваткахъ съ витязями Рогвольда. Руальдъ отбиваетъ первое нападеніе новгородскихъ полчищъ. Въ награду Рогвольдъ обручаетъ съ нимъ Рогнѣду. На другой день происходитъ вторая битва; она оканчивается поединкомъ Руальда и Владиміра. Побѣждаетъ Владиміръ, который опрокидываетъ своего противника. „Великодушіе, жалость, любовь къ человечеству, замѣняютъ тотчасъ ярость военную въ чувствительномъ

¹⁾ Срв. поведение Владиміра въ поэмѣ „Свѣтлана и Мстиславъ“ Востокова, разсмотрѣнной выше.

²⁾ Явное подражаніе стилю и языку Слова о полку Игоревѣ.

сердцѣ Владиміра. Князь Новгородскій забываетъ смертельнаго врага своего; гласъ ревности утушается въ душѣ его гласомъ состраданія. Поспѣшно съ коня онъ соскакиваетъ, изторгаетъ роковое желѣзо, Руальда пронзившее, раздираетъ свою одежду, силится остановить его кровь, изъ язвы его текущую, беретъ витязя уже чувствъ лишеннаго въ свои объятія, орошаетъ чело его горячею слезою чувствительности, садится съ нимъ на коня и пускается ко стану новгородскому“ (стр. 308) ¹⁾.

Но рана Руальда была тяжкая; онъ умираетъ, передавая обручальный перстень Владиміру со словами: „Покажи его Рогнѣдѣ, скажи ей, что величайшее желаніе умирающаго Руальда было видѣть ее въ объятіяхъ Владиміра“ (стр. 309),—мотивъ совершенно фантастическій, неловко вымышленный авторомъ и стоящій въ полномъ противорѣчій съ „непреоборимой вѣрностью“ любовниковъ „рыцарскихъ повѣстей“.

„Рогнѣда“ заканчивается тѣмъ, что новгородцы врываются въ Полоцкъ; одинъ изъ воиновъ убиваетъ престарѣлаго Рогвольда, сидѣвшаго во дворцѣ на престолѣ: Рахтай изъ объятаго пламенемъ дворца выносить на рукахъ Рогнѣду. „Кто можетъ изобразить восторгъ князя Новгородскаго? Рогнѣда въ его объятіяхъ“ (стр. 311).

Такъ по канвѣ, составившейся путемъ контаминаціи взятой изъ лѣтописи темы о женитьбѣ кн. Владиміра на Рогнѣдѣ ²⁾ со сказочной темой о добываніи витяземъ красавицы, разработанною совершенно произвольно,—нашъ авторъ выводитъ причудливые узоры, перемѣшивая въ наивной пестрой плетеницѣ разнородные элементы, реминисценціи Оссіана и рыцарскихъ романовъ, Слова о полку Игоревѣ, устно-народной поэзіи, Синописа и сочиненій конца XVIII — начала XIX в. по „славянскоіи мифологіи“, съ собственными, не всегда складными, домыслами и вымыслами. Подобную же пеструю смѣсь переплетающихся разнородныхъ элементовъ, отзвуковъ, реминисценцій, чужихъ вліяній и собственныхъ далеко еще незрѣлыхъ попытокъ творчества представляла и вообще тогдашняя наша литература во всей ея совокупности.

Въ оссіановскомъ стилѣ написанъ М. Н. Муравьевымъ ³⁾ „Оскольдъ,

¹⁾ Срв. отношеніе Фингала къ раненому Орлѣ—„Оссіанъ“, перев. Кострова, изд. 2-ое, I, стр. 110—111.

²⁾ Объ этомъ лѣтописномъ сказаніи см. у проф. А. М. Лободы, Русскія былинны о сватовствѣ. Кіевъ 1904, стр. 238 и слѣд.

³⁾ О немъ см. Е. В. Пытужова, М. Н. Муравьевъ, очеркъ его жизни и дѣ-

повѣсть, почерпнутая изъ отрывковъ древнихъ Готскихъ Скальдовъ“¹⁾).

Начинается повѣсть такимъ образомъ:

„Яростно дыханіе вѣтровъ, страшенъ видъ твой, Русское море, и черныя волны со злобою умирають между семи острыми скалами, которыми усѣянъ заливъ отчаянія. Какого воителя, Варяга или Готеа, приготовляешься поглотить гордое ополченіе? Какіе корабли гонять сюда дѣвы-мстительницы, неутомимыя Валки? Тщетно куренія возсылаются къ небесамъ подъ спокойнымъ кровомъ. Ахъ, дочь князей! безъ пользы приходишь ты каждое утро ко стану, гдѣ точется брачное одѣяніе твое. Зри запекшіяся уста его... Духъ бранный витязя восходитъ въ чертоги Одина, гдѣ друзья его раздѣляютъ съ нимъ вѣчное пированіе. Пусть сладостныя пѣсни восторженнаго Скальда принесутъ утѣшеніе во грудь несчастной дѣвы. Взоръ скальдовъ пронизаетъ столѣтія, и въ столѣтіяхъ гласъ ихъ не умираетъ. Духъ, обитающій хладныя пещеры и возвѣвающійся надъ стремнинами, духъ творенія и пѣсни! для кого велишь ты золотомъ струнамъ арфы моея наполнять воздухъ сладостнымъ стенаніемъ?“... (Соч. М. Н. Муравьева, С.-Пб. 1819, I, стр. 273—274).

Скальдовъ нашъ авторъ вводитъ въ свою повѣсть въ роли совершенно подобной роли оссіановскихъ бардовъ: „священный сонмъ скальдовъ съ золотыми арфами“ слѣдуетъ за дружинами, „они возжигаютъ вдохновенными пѣснями мужество воиновъ въ часъ брани“, и проч. (ibid., стр. 279), срв. Оссіанъ, перев. Костровымъ, ч. I, Предвѣдомленіе, стр. XI и слѣд., особенно см. стр. XXXI — XXXII: „Барды, слѣдуя за войскомъ, возглашали военныя пѣсни; государь, видя своихъ воиновъ уступающихъ непріятелю, посылалъ немедленно барда, дабы воспламенить мужество ихъ военнымъ пѣніемъ“... Къ пѣснямъ скальдовъ, какъ къ источнику, и возводитъ нашъ авторъ, разумѣется, фиктивно, свое произведеніе уже въ самомъ заглавіи его.

„Оскольдъ“ представляетъ собою только отрывокъ, „начало большого творенія, которое, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду нашъ авторъ“,

ательности: *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1894, № 8; „Оскольдъ“ впрочемъ здѣсь оставленъ безъ вниманія.

¹⁾ Напечат. въ „Вѣст. Евр.“ 1810 г., ч. 50, февр. № 6; не имѣя подъ рукою этой книжки „Вѣст. Евр.“, пользуюсь перепечаткой: Полное собраніе соч. М. Н. Муравьева, С.-Пб. 1819, ч. I, стр. 271 и сл. Замѣчаніе объ „Оскольдѣ“ у *И. И. Златошанина*, Преданіе о Вадижѣ Новгородскомъ въ русс. литературѣ. Воронежъ, 1900, стр. 69 и слѣд.

какъ выразился Батюшковъ ¹⁾. Изображается походъ Аскольда на грековъ. Изъ историческихъ источниковъ М. Н. Муравьевъ могъ почерпнуть такія свѣдѣнія:

Иде Аскольдъ и Диръ на греки. Царемъ же Михаилу и Василию отшедшимъ на Агаряны воевати, и дошедшимъ имъ Черныя реки, посла къ нимъ Епархъ глаголя: яко Русь идетъ на Царьградъ въ двоюсту и множае кораблей. Они же возвратишася, и едва внидоша во градъ, и с патриархомъ Фотиемъ приходяще къ церкви Святей Богородицы в Лахерну, і изнесше ризу Пречистые Богородицы с плачемъ и со слезами многими, и край ея в море омочивше; бѣ бо тогда море тихо велми. И егда омочипа ризу, і абие возсташа буря зелна, и разби множество кораблей и потопп безбожную Русь. Возвратишася Аскольдъ и Диръ отъ Царяграда в мале дружине, и бысть въ Киеве плачь велиі ²⁾.

Аскольдъ же и Диръ испросистася у Рюрика ко Царюграду ити съ родомъ своимъ, и поидоша изъ Новаграда на Днепръ рѣку, и по Днепру внизъ мимо Смоленсь... ³⁾.

„Дѣйствіе происходитъ,—говоритъ Батюшковъ ⁴⁾, — въ Россіи во времена отдаленныя, которыя поэту столь удобно украшать вымыслами и цвѣтами творческаго воображенія“. Это и дѣлаетъ Муравьевъ:

Повѣсть начинается картиной движенія собранныхъ Аскольдомъ полчищъ: „Солнце погружалося въ сннюю тучу предъ закатомъ своимъ. Утомленное долгимъ шествіемъ, воинство Оскольдово спускалося съ холмовъ медлительно въ пространную долину“... (стр. 275). Дается описаніе отдѣльныхъ отрядовъ, ихъ предводителей и выдающихся витязей.

„Сила изобрѣтенія блистаетъ въ исчисленіи Оскольдовыхъ ратниковъ; они отличены рѣдкими чертами одинъ отъ другого; они живутъ, дѣйствуютъ передъ вами“, — говоритъ Батюшковъ ⁵⁾; однако описаніе ряда готовыхъ къ битвѣ героевъ мы находимъ и у Оссіана,

¹⁾ Пьесмо о соч. М. Н. Муравьева,—соч. К. Н. Батюшкова, изд. П. Н. Батюшковымъ, С.-Пб. 1885, II, стр. 82.

²⁾ Лѣтопись по Никон. сп., I, 16 — 17. То же самое сообщаетъ „Библиотека Россійская историческая“, ч. I, С.-Пб. 1767, стр. 17—18.

³⁾ „Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ російскую исторію отъ 852 до 1598 года“, М. 1781, стр. 4; далѣе здѣсь объ Аскольдѣ и Дирѣ разсказывается то же, что и въ Никонов. лѣтошпс.

⁴⁾ Op. cit., II, 81—82.

⁵⁾ Ibid., 80.

напр. въ началѣ поэмы „Темора“ такъ изображается Фингалъ и его соратники: „Не съ миромъ онъ (Фингалъ) грядетъ... При бедрѣ его виситъ оный пагубный мечъ, котораго первый ударъ поражаетъ смертію... Ему сопутствуетъ Оссіанъ, царь пѣснопѣвцевъ, и Галлъ, первый изъ смертныхъ. Конналъ стремится по слѣдамъ ихъ, опираясь на грозное копіе. Дермидъ летитъ, черные и густые волосы его развѣваются вѣтромъ; Филланъ, юный звѣроловецъ Морута, напрягаетъ лукъ свой. Но кто сей сильный предтекущій прочимъ героямъ? Тосынъ Оссіановъ, могущественный Оскаръ. Лице его блистаетъ изъ среди густыхъ волосъ его, упадающихъ долгими кудрями на рамена его. Черные брови его до половины сокрыты подъ сталью шлема, мечъ его виситъ свободно при бедрѣ“... ¹⁾. У Муравьева мы имѣемъ: „Никто не привлекаетъ столько вниманія, какъ русовласый Оскольдъ; на бодромъ конѣ, бѣломъ какъ снѣга скандинавскіе, далеко опредилъ онъ первые ряды являющагося воинства... Ульфонъ, котораго сѣдые волосы покрываются желѣзнымъ шлемомъ... открываетъ шествіе; нѣтъ вождя болѣе испытаннаго въ опасностяхъ бранныхъ, ни болѣе искуснаго къ исправленію внезапностей брани хитростію и размышленіемъ... Ему послѣдуютъ отборные юноши, которые ищутъ случая ознаменовать руку свою отважными ударами... Десять тысячъ варяговъ устремляются радостно на знакомый подвигъ; прекрасный Гаральдъ, наследникъ Свериги, ими предводительствуетъ; предприимчивъ во брани и въ любви, обладаетъ онъ всѣми дарованіями... Крѣпость воинства, оскорбленный Вадимъ, который не можетъ забыть отчужденія своего отъ престола новаградскаго, угрюмый, безмолвный, снѣдаемый оскорбленною гордостью, предводительствуетъ частію тѣхъ, коихъ считалъ нѣкогда своими подданными; одѣяніе простое и щитъ безъ знаменій не могутъ сокрыть въ немъ витязя, повелителя мужей... Пришедшіе отъ береговъ Невы повинуются Освяту, котораго мужественная юность воспитана при дворѣ великаго князя“... (стр. 266 — 281). Трудно отрѣшиться отъ мысли, что нашъ авторъ набрасывалъ эту картину шествія ополченія подъ вліяніемъ подобной же картины у Оссіана.

Ночь приближается, и войско Аскольда останавливается на отдыхъ. Воины помѣщаются въ шатрахъ, но самъ „Оскольдъ не можетъ найти спокойствія, убѣгающаго отъ очей его; возстаетъ, и одинъ во мракѣ бурной ночи идетъ безъ намѣренія“ (стр. 283). Слѣдуетъ сцена встрѣчи Аскольда съ призракомъ, навѣянная, на

¹⁾ Оссіанъ, перев. Костр., II, 69—70.

этотъ разъ несомнѣнно, подобными же сценами, нерѣдко встрѣчающимися въ поэмахъ Оссіана:

„Оскольдъ вступалъ въ первыя отверзтія лѣса. Вздохи, стenanія какъ бы человѣка умирающаго насильственною смертію поражаютъ безстрашное его вниманіе... Коварный воинъ устремляется на Оскольда, величественъ и болѣе смертнаго, но чертами и взорами таковъ, какъ яростный Рингвольдъ, когда при струяхъ Роцелайны для пагубы своей вызвалъ на единоборство Оскольда, котораго предпочла ему прекрасная Етельвинда. Гнѣвъ заступилъ мѣсто удивленія въ Оскольдѣ; уже блестящій мечъ его разсѣкалъ воина; но тѣло воздушнаго обитателя, легко раздѣляемое ударами меча, столь же легко составлялося паки... и съ гордымъ посмѣяніемъ сей вптязъ такъ вѣщаетъ:—Слабый смертный, Оскольдъ, Оскольдъ ненавистный! не мечтай удостоиться моихъ ударовъ. Скоро, изнемогая подъ ударомъ смертнаго, простертый на поляхъ византійскихъ, извергнешь ты гордую душу, и отчаяніе видѣтъ надменные замыслы твои разрушенными огорчить послѣднія твои дыханія.. Великодушный Оскольдъ отвѣтствуетъ хладнокровно:—Несчастной!—Или ласкался ты угрозами восколебать постоянство мужа?..“ и проч. (Соч. М. Н. Муравьева, I, стр. 283—284).

Срв. у Оссіана: „Востающая луна изливала блѣдный и хладный свѣтъ; сонъ нисходитъ на воинство... но Фингаловы очи не покоряются усилію сна. Онъ встаетъ, пріемлетъ свое оружіе, восходитъ тихими стопами на высоту холма... Внезапу устремляется съ горы порывистый вихрь, и несетъ въ себѣ духа Лоды. Призракъ сталь на своемъ камени; онъ потрясаетъ грознымъ и великимъ своимъ копіемъ; очи его подобны пламени; гласъ его, яко гласъ грома, катящагося вдаль. Безтрепетный Фингалъ, возвыся копіе, шествуетъ и вѣщаетъ ему:—„Сынъ ночи! призови твои вихри и бѣги отъ меня далече. Почто являешься ты мнѣ ополченъ ничтожнымъ своимъ оружіемъ? Или надѣешься ты устрашить меня исполинскимъ своимъ тѣломъ?“...—„Возвратись въ твое отечество, прерваль рѣчь его призракъ, бѣги, я пошлю тебѣ благопріятствующіе вѣтры... Возвратись въ твое отечество, Комаловъ сынъ, или страшись моего гнѣва“. Онъ ревъ и подъемлетъ свое воздушное копіе, уклоняясь къ Фингалу огромнымъ своимъ тѣломъ. Владыка Морвена не косня приближается, извлекаетъ мечъ свой... онъ ударилъ, и блистательная сталь безпрепятственно пронзаетъ воздушное тѣло“... (Оссіанъ, перев. Костр., изд. 2, ч. I, стр. 220—223; срв. тамъ же стр. 35, 202 и др.).

Не менѣе, чѣмъ поэмами Оссіана, увлекался авторъ „Оскольда“ образами мѣологіи. Муравьевымъ упоминаются чертоги Одина, дѣвы-мстительницы Валки, Валгалла и другіе мотивы скандинавской мѣологіи, славянскія мѣоическія лица въ родѣ златой Лады, соединяющей нѣжныхъ любовниковъ цвѣточными цѣпями, и т. п., и рисуется цѣлая сцена (стр. 287 и сл.) во „влажныхъ чертогахъ“ древяго бога моря, окруженнаго „тмою сыновъ и дочерей своихъ“, къ которому сошлись божества Ворисѣенъ, Тирасъ, Истръ и Воспоръ; Воспоръ (Босфоръ) „подгнѣваетъ негодованіе влажныхъ боговъ“, указывая на то, что Одинъ, „врагъ греческихъ боговъ“, ведетъ на Священный Градъ дружины Славянь и Руссовъ, „воспалаетъ своимъ неистовствомъ душу Оскольда, а между тѣмъ священный повелитель грековъ, отсутственный отъ угрожаемой столицы, ведетъ безславныя брани съ мягкосердыми племенами востока“; „влажный царь простираетъ повелительную руку—тонкій туманъ восходитъ съ поверхности водъ и на крылахъ зефира прикасается слуху *Ексарха*; уже скорый гонецъ отряженъ ко властителю грековъ съ ужасною вѣстію Оскольдова похода“... Такъ разработалъ нашъ авторъ лѣтописное сообщеніе о событіяхъ въ Константинополѣ.

Граждане Смоленска, „изъявляя гостепрѣимство великолѣпными торжествами“, старались удержать Оскольда нѣсколько времени въ стѣнахъ своихъ; но ладіи были готовы—„подобны лебедямъ величественнымъ спустились они у стѣнъ Смоленска на струи Ворисѣена“. Одно только задержало Оскольда: передъ отплытіемъ онъ принялъ участіе въ торжественномъ введеніи юнаго Радмира, сына правителя Кривичей, „въ сословіе мужей“; здѣсь введенъ романическій мотивъ о любви Радмира и Искерды и о возведеніи Радмира въ рыцари.

„Попутные вѣтры зовутъ Варяжскаго витязя на знаменитый подвигъ, и Оскольдъ вступаетъ въ ладію, послѣдуемый ополченіемъ Славянь“...

На этомъ повѣсть обрывается.

Изъ „Письма о сочетаніяхъ М. Н. Муравьева“ Батюшкова видно, что послѣдній ставилъ „Оскольда“ очень высоко, находилъ, что повѣсть „блистаетъ красотами“¹⁾. Онъ рѣшился на собственный опытъ въ томъ же родѣ — и изъ-подъ пера его выходитъ „Предслава и Добрыня, старинная повѣсть“, написанная въ 1810 г., но напе-

¹⁾ Соч. К. Н. Батюшкова, II, стр. 80.

чатанная впервые лишь въ 1832 г. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ (стр. 1 — 46) ¹⁾.

У Батюшкова нашли отраженіе многія черты, какими характеризуется разсматриваемый нами потокъ повѣствовательной литературы конца XVIII—начала XIX вѣка. Такъ, хотя дѣйствіе представлено совершающимся уже въ христіанское время, однако, для украшенія рѣчи, авторъ обращается къ „Мнеологіи славянъ“ Кайсарова, упоминаетъ о развалинахъ „храма, посвященнаго вѣчно-юной *Зимцерль*“ (стр. 42), о конѣ бога *Свѣтовиды*, имѣвшемъ даръ пророчества (стр. 52), о мстительномъ *Чернобогѣ* (стр. 54), о *Змицѣ* и дѣвѣ его жрицѣ (стр. 57). „Предслава и Добрыня“ открывається такою же картиною приближающагося войска (кіевскаго послѣ побѣды надъ печенѣгами), какою началъ своего „Оскольда“ Муравьевъ.

У Батюшкова: „Пыльное облако уже показалось въ отдаленіи; оно приблизилось, разсѣялось и обнажило стальные доспѣхи и распущенные стяги войска, пылающіе отъ лучей утренняго солнца“...

У Муравьева: „Воинство Оскольдово спускалося съ холмовъ... Звукъ бубновъ явственнѣе повторяется въ слухѣ; облако праха рассыпается, и блистающее (доспѣхами) воинство открывається изумленнымъ очамъ“ ²⁾...

Фигурируютъ историческія лица: князь Владиміръ, княгиня Анна, упоминаются историческія событія—борьба съ печенѣгами; но этотъ историческій элементъ совершенно растворяется въ средѣ, созданной фантазіей автора. Въ примѣчаніи къ тексту Батюшковъ высказалъ такой принципъ относительно обращенія съ историческимъ матеріаломъ: „Мы не позволяли себѣ большихъ отступленій отъ исторіи; но просимъ читателя не забыть, что *повѣсть не льтотисъ, здѣсь вымысль позволена*“ ³⁾. Нашъ авторъ и воспользовался этимъ позволеніемъ, и очень широко: богатырь Добрыня, здѣсь юный царедворецъ Владиміра, спасаетъ послѣднему жизнь на войнѣ съ печенѣгами; онъ и дочь Владиміра царевна Предслава тайно влюблены другъ въ друга; „витязь въ часы туманной полуночи, приходилъ къ княжнѣ, и тамъ, у ногъ ея, повѣрялъ ей сердечную тоску и мученія, клялся въ вѣрности и утопалъ въ счастья“... Являлись искатели руки Пред-

¹⁾ Соч. К. Н. Батюшкова, II, 41—60; примѣч. стр. 396—397.

²⁾ Соч. М. Н. Муравьева, I, 277.

³⁾ Соч. Батюшк., II, 44. Срв. у Хераскова въ предисловіи къ Россіадѣ: „Да памятуютъ мои читатели, что какъ въ епической поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ дѣписаніяхъ поэмы искать не возможно“...

славы; „часто на холмахъ, окружающихъ Кіевъ, неизвѣстный витязь становилъ златоглавый шатеръ и вызывалъ на единоборство богатырей кіевскихъ; ристалище открывалось, и пришлецъ, почти всегда побѣжденный, со стыдомъ удалялся въ свое отечество; витязи иноплеменные ежедневно увеличивали дворъ Владиміровъ“... Наконецъ является свататься за Предславу болгарскій князь Радмиръ. Владиміръ принимаетъ предложеніе. Слѣдуетъ рядъ пировъ въ теремахъ княжескихъ, а затѣмъ „настаетъ великій день, посвященный играмъ богатырскимъ“; въ число участниковъ авторъ привлекаетъ даже самое Царь-дѣвицу, а между „играми“ описываетъ борьбу съ дикимъ волкомъ Переяслава, лѣтописнаго побѣдителя печенѣжскаго богатыря. Какъ истый рыцарь, Добрыня явился „одѣтый тонкимъ панцыремъ, на которомъ блистала голубая повязка, тайный подарокъ его любимой; бѣлыя перья развѣвались на его шлемѣ“. Происходитъ турниръ и единоборство Добрыни и Радмира, чувствующаго въ Добрыню соперника и пылающаго ревностью:

„Въ рукахъ Предславы награда побѣдителю — златый кубокъ, чудо искусства греческихъ художниковъ. Развѣзжаются по широкой равнинѣ: легкіе кони летятъ какъ вихри, одинъ на встрѣчу другому, копья ударились въ щиты. Добрыня удвоетъ удары, и Радмиръ, простертый на землѣ, глотаетъ пыль и прахъ! Русскій витязь покидаетъ коня своего, мечъ сверкаетъ въ рукѣ болгара, удары сыплются на доспѣхи любовника Предславы, звонкіе *иверни летятъ съ кольчуги* ¹⁾), — мщеніе и гнѣвъ владѣтъ рукою витязей, равно храбрыхъ и искусныхъ... Но Владиміръ подаетъ знакъ, и витязи остановились“.

Повѣствованіе подходит къ трагической развязкѣ.

Праздникъ прерываетъ гроза; всѣ спѣшатъ домой; Предслава отъ страха и усталости падаетъ въ изнеможеніи „почти бездыханна“; Радмиръ предлагаетъ ей своего коня, но конь вырывается и убѣгаетъ въ степь, Радмиръ бросается за нимъ; „ревность на крылахъ вѣтра заставила его возвратиться къ Предславѣ, но Добрыня, по приказанію Владиміра, сидѣлъ уже на конѣ съ княжною; уже бор-

¹⁾ Описаніе это напоминаетъ поединокъ Мстислава и Владиміра въ поэмѣ-повѣсти Востокова „Свѣтлана и Мстиславъ“ (см. выше): витязи послѣ сраженія на кольяхъ начинаютъ пѣшій бой мечами, во время котораго „*съ доспѣховъ иверни летятъ*“; можетъ быть, не безъ прямого вліянія Востокова Батюшковъ употребилъ это довольно рѣдкое слово „иверень“ — отщепокъ, отломокъ отъ твердаго тѣла (Словарь ц.-слав. и русс. яз., составленный П отд. Импер. Акад. Наукъ).

зый конь вихремъ уносилъ счастливую чету... Сладкія минуты для Добрыни! Красавица обнимала его лилейными руками, сердце ея билось, билось такъ близко его сердца; нѣжная грудь ея прикасалась къ стальной кольчугѣ, дыханіе ея смѣшивалось съ его дыханіемъ, и лице ея, омоченное хладными ручьями дождя и снѣга, разгорѣлось, какъ сильное пламя... Конь мчался вихремъ... И витязь въ первый разъ въ жизни сорвалъ продолжительный, сладостный поцѣлуй съ полуотверстыхъ устъ милой всадницы. Гибельный поцѣлуй! Онъ разлился какъ огонь, глубоко проникъ въ сердце, и затмилъ свѣтлыя очи красавицы облакомъ любви и сладострастія“... (стр. 55—56). Ночью Добрыня, „увлеченный любовью, забывъ и долгъ и собственную безопасность... поспѣшилъ къ терему красавицы“. Буря не умолкала. Вѣтеръ развѣвалъ черныя его кудри, снѣгъ сыпался на его непокрытую голову. Сожалѣніе—преданіе говоритъ: любовь,—владѣя робкою рукой, тихонько отодвинуло желѣзные притворы терема... слабая и вмѣстѣ великодушная Предслава бросилась въ его объятія...

„Быстро мчится время на крилахъ счастья; любовь осыпаетъ розами своихъ любимцевъ, но время прикосновеніемъ хладныхъ крылъ своихъ вскорѣ и самыя розы сладострастія превращаетъ въ терны колючіе!..“ ¹⁾ (стр. 59). „Хладный ужасъ заступилъ послѣдній пламень въ крови печальной любовницы“; когда Добрыня открылъ дверь терема, ведущія на длинные переходы—онъ увидѣлъ, „при сомнительномъ блескѣ мѣсяца, который едва мелькалъ сквозь облако, увидѣлъ ужасный призракъ... вооруженнаго рыцаря“: это былъ Радмиръ, „завлеченный ревностію къ терему Предславы“. Радмиръ нападаетъ на Добрыню и во мракѣ ночи происходитъ послѣдній смертный поединокъ; Добрыня, защищая Предславу, поскользнулся на мокромъ отъ дождя и крови помостѣ, „хладный мечъ соперника трижды по самую рукоять выпадаетъ въ его сердце... и имя Предславы вмѣстѣ съ жизнію замерло на устахъ несчастнаго. Нѣтъ ни жалобъ ни упрека въ устахъ красавицы. Нѣтъ слезъ въ очахъ ея. Хладна какъ камень, безотвѣтна какъ могила, она бросила печальный, умоляющій взоръ на притекшаго Владимира, на отчаянную мать и, прижавъ къ нагой груди своей сердце супруга, пала бездыханна на оледенѣлый его трупъ... какъ лилія, сорванная дыханіемъ непогоды, какъ жертва, обреченная любви и неизбѣжному року“.

¹⁾ Срв. рефренъ „Быстры крылія счастья, полетъ его—полетъ молніи“ въ повѣсти „Ольга на гробницѣ Игоревои“ (см. выше).

Сильно однако начало измѣняться отношеніе авторовъ къ произведеніямъ подобнаго содержанія: „Насплу досказалъ!“ раздражается Батюшковъ не чуждымъ комизма восклицаніемъ, написавъ послѣднее слово своей повѣсти ¹⁾,—и мы видимъ, что увлеченіе трагическими вымыслами рыцарскихъ романовъ и т. п. въ значительной степени поостыло; Батюшковъ самъ не сталъ печатать своего творенія, а подарилъ рукопись „одному любителю словесности“, и появилась повѣсть въ печати только слишкомъ двадцать лѣтъ спустя, уже во время болѣзни автора ²⁾.

XXIII.

Инымъ характеромъ отличается повѣствованіе, стиль, въ группѣ произведеній, главнымъ и могучимъ представителемъ которой былъ Карамзинъ, старавшійся, какъ извѣстно, писать „своимъ, ни отъ кого не заимствованнымъ слогомъ“, по собственному его выраженію ³⁾.

Въ первой разсмотрѣнной нами группѣ историческихъ поэмъ-повѣстей обнаруживалось стремленіе обработать взятый изъ русской древности сюжетъ то въ стилѣ твореній Оссіана-Макферсона, порою рабски слѣдуя его манерѣ, заимствуя детали разсказа, а порою и ситуацію героевъ, то въ стилѣ рыцарскихъ романовъ, съ такого же рода подражаніями и позаимствованіями,—при чемъ ради украшенія рѣчи пускались въ ходъ имена и образы придумывавшейся тогда quasi-славянской и русской мифологій. Другое—скажемъ, карамзинское—теченіе въ этой области характеризуется тенденціей обрабатывать взятый изъ той же русской старины сюжетъ гораздо менѣе затѣйливо—просто и съ возможнымъ для того времени соблюденіемъ вѣрности или хотя вѣроятности исторической.

Повѣсть Карамзина „Наталья боярская дочь“ ⁴⁾ (1792 года) является въ нашей литературѣ первымъ сознательнымъ и достаточно удачнымъ опытомъ создать историческій русскій романъ съ соблюденіемъ *couleur historique* ⁵⁾; въ основѣ повѣсти лежитъ былъ, историческое преданіе, фактъ изъ семейной хроники какой-то дворян-

¹⁾ Соч. Батюшк., II, 60.

²⁾ *Ibid.*, 396—397.

³⁾ *Я. Гротъ*, Карамзинъ въ исторіи русскаго языка.—Филологич. разысканія, С.-Пб. 1876, т. I, стр. 96.

⁴⁾ О ней см. *В. В. Ситовскій*, Очерки изъ ист. русс. романа, т. I, вып. 2-й, стр. 721—734. Срв. *Скабичевскій*, Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ,—Соч. II, 654—657.

⁵⁾ *Ситовскій*, *op. cit.*, стр. 721.

ской фамилии ¹⁾, а разработано Карамзинымъ это преданіе въ направленіи реально-сентиментальномъ ²⁾. Уже здѣсь сказался вкусъ будущаго нашего исторіографа.

Въ высшей степени любопытно „введеніе“ автора къ „Натальѣ боярской дочери“: „Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда Русскіе были Русскими,—когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю?.. По крайней мѣрѣ я люблю сіи времена!.. Люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ отдаленную мрачность, подѣ сѣнію давно истлѣвшихъ вѣзловъ искать брадатыхъ моихъ предковъ,—бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности,—о характерѣ славнаго народа русскаго“ ..., говоритъ здѣсь Карамзинъ; это типичное признаніе даетъ ключъ къ пониманію тѣхъ причинъ, какія вызвали у насъ появленіе той полосы „историческихъ“ поэмъ-повѣстей, о которыхъ мы говоримъ: этими причинами были, очевидно, тогдашніе непосредственные, еще наивные интѳресы къ родной старинѣ, которую инстинктивно патріотически любили, но которую еще очень мало знали, и въ „отдаленную мрачность“ которой и пускались отважно „на быстрыхъ крыльяхъ воображенія“, не сдерживаемаго реальными историческими свѣдѣніями, которыхъ не имѣли,—и смѣло говорили „о приключеніяхъ древности“, фантастически описываемыхъ съ голоса разныхъ литературныхъ образцовъ и источниковъ.

Въ 1802 г. Карамзинъ пишетъ „историческую повѣсть“ *Марѳа Посадница или Покореніе Новгорода* ³⁾ (Вѣст. Европы, 1803 г., ч. VII, 1, 103, 193). О происхожденіи этой повѣсти авторъ въ своемъ предисловіи говорилъ: „Въ нашихъ лѣтописяхъ мало подробностей сего великаго происшествія; но случай доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, который сообщаю здѣсь любителямъ исторіи и—сказокъ, исправивъ только слогъ его, темный и невразумительный“. Нѣсколько позднѣе (въ 1803 г.) Карамзинъ прямо называетъ уже свое произведеніе сказкой, но въ то же время и сообщаетъ, что у него были достовѣрные источники, имѣ переработанные: „И безъ сказки, напечатанной въ Вѣстникѣ Европы, всѣ мы знали, что Марѳа Посадница была чрезвычайная, рѣдкая женщина, умѣвъ присвоить себѣ

¹⁾ Ibid., стр. 730 и слѣд.

²⁾ Ibid., стр. 734.

³⁾ О ней см. П. Смирновскій, Исторія русской литературы XIX вѣка, вып. II, стр. 130—148; Бѣлозерская, В. Т. Нарѣжный, стр. 63—64; Скабичевскій, тамъ же, 657—658.

власть надъ гражданами въ такой республикѣ, гдѣ женщинъ только любили, а не слушались“... 1) Очевидно, у Карамзина, интересовавшагося уже русскою исторіею и ея источниками, были подъ руками хотя нѣкоторые изъ тѣхъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ онъ позднѣе излагалъ „Обозрѣніе исторіи Новагорода“ и рассказывалъ о его покореніи 2),—можетъ быть, даже и рукописные, во всякомъ же случаѣ—печатные, напр. Степенная Книга, откуда дѣйствительно всякій интересующійся могъ узнать и „О погибельномъ ухищреніи злоумныя жены Марѣи“ и „О побѣдѣ на новгородцы на Шелонѣ“ и проч. 3). Карамзинъ разработалъ этотъ историческій матеріалъ, переставилъ факты, далъ имъ свое освѣщеніе, присоединилъ рядъ домысловъ и вымысловъ, украшеній, преувеличеній, идеализацію,—сдѣлавъ это сознательно, что и заставило его назвать свое твореніе прямо сказкой,—и созданное такимъ образомъ величавое содержаніе, съ нѣсколькими театральными позирующими и фразирующими героями, облекъ въ словесную форму того стиля, какимъ позднѣе онъ сталъ писать свою „Исторію“, эту „величественную поэму, воспѣвающую государство“, какъ называлъ ее С. М. Соловьевъ, съ ея героями, начиная съ „великановъ сумрака“—Рюрика, Олега и т. д.

Этотъ же стиль мы встрѣчаемъ въ „историческомъ отрывкѣ“, помѣченномъ: *іюня 2, 1804, Владимиръ*; отрывокъ принадлежитъ перу нѣкоего А. М—скаго, и помѣщенъ въ томъ же Вѣстникѣ Европы, М. 1805, ч. XIX, стр. 99—111, подъ заглавіемъ „Рюрикъ“. Содержаніе его сводится къ слѣдующему:

Отягченный лѣтми и болѣзнию Гостомысль лежалъ уже на одрѣ смерти. Подъ его мудрымъ правленіемъ новгородцы спокойно наслаждались плодами многочисленныхъ побѣдъ своихъ; народъ болѣе любилъ его какъ товарища на военныхъ подвигахъ, нежели боялся какъ могущественнаго своего властелина... Всѣ погружены были въ глубокое уныніе. Печаль водворилась въ домахъ, и тишина царствовала на стогнахъ Новаграда.

У одра умирающаго собрались тысящкіе и старѣйшины. Гостомысль, очнувшись, обращается къ нимъ съ рѣчью, выражая безпокойство свое, что непостоянство и своевольство новгородцевъ разрушить то состояніе Новгорода, въ какое привелъ его Гостомысль трудами

1) Извѣстіе о Марѣи Посадницѣ, взятое изъ Житія Св. Зосмы—Соч. Карамзина, т. IX, изд. 4-ое, С.-Пб. 1835, стр. 103.

2) Исторія государства Россійскаго, т. VI, гл. 1—3, примѣчанія 36 и слѣд.

3) Книга Степенная царскаго родословія, М. 1775, ч. II, стр. 107 и сл., 113 и сл.

цѣлой жизни. Гостомысла просятъ назвать себѣ преемника-правителя. Но сыновья его „вѣнчаннныя лаврами, пали на ратномъ полѣ, дщери—отданы въ супружество князьямъ иноземнымъ“.

Смѣшанный голосъ предстоящихъ: Вадимъ, храбрый Вадимъ, сынъ младшей дщери твоей, возмужавшій подъ твоими знаменами, да будетъ твоимъ преемникомъ!

Гостомысль. Вадимъ отваженъ и неустрашимъ, какъ юный левъ, когда предстоитъ опасность; но растерзавъ своего непріятеля левъ покоится, и хитрый ловчій вовлекаетъ его въ коварныя сѣти.— Не довольно одного мужества, чтобы управлять народомъ многочисленнымъ и храбымъ; потребны опытность и искусство, чтобы управлять самую храбростью. Вадимъ можетъ быть полезнымъ подданнымъ—но не государемъ...

Трианъ (одинъ изъ тысяцкихъ). Могущественная Дидилія благословила бракъ другихъ дщереи твоихъ; одинъ изъ твоихъ внуковъ да будетъ наслѣдникомъ твоей славы и величія.

Гостомысль. Слава трехъ князей варяго-русскихъ, владѣющихъ обширными приморскими землями, давно уже достигла до предѣловъ нашихъ. Руки ихъ съ младенчества привыкли управлять мечемъ и стрѣлами; иноплеменники трепещутъ при одномъ ихъ имени, а мудрость старшаго брата ихъ не разъ приводила уже во удивленіе старѣйшинъ варяжскихъ. Они сыновья Людбрата, князя Финскаго, отъ рода Одинова, и любезной дщери моей Умилы. Призовите ихъ въ свою землю, и пусть Рюрикъ владѣетъ надъ вами“...

Гостомысль умеръ. Въ Новгородѣ началась борьба партій. „Недовѣрчивость, внутренніе раздоры, насилія, убійства—были пагубными слѣдствіями безначалія“. Наконецъ вспомнили о завѣщаніи Гостомысла. Въ „сторону варяжскую“ отправляются послы.

„Рюрикъ и два брата его, Синавъ и Труворъ, возвратясь изъ отдаленнаго похода, увѣнчаннныя лаврами, отягченныя добычею, сидѣли за пиршественною трапезою. Веселіе блистало на лицахъ пирующихъ; полныя чаши съ виномъ переходили изъ рукъ въ руки; юныя дѣвы воспѣвали знаменитые подвиги Рюрика на поляхъ битвы“.... Являются новгородскіе послы съ предложеніемъ: „Земля наша велика и обильна, народъ храбръ и неустрашимъ, стада, пасущіяся на поляхъ нашихъ, тучны и многочисленны—все сіе да будетъ твоимъ (Рюрика) наслѣдіемъ“.

Послѣ переговоровъ Рюрикъ соглашается. „Народъ съ восторгомъ принялъ новаго повелителя и для его пребыванія избралъ Старую

Ладогу на р. Волховъ; ибо Великій Новгородъ, хотя и клялся сохрaнить обѣтъ повинoveniя, но дорожилъ своею вольностью и не восхотѣлъ принять въ свои стѣны сильнаго государя“ (ссылка на И. П. Елагина, Опытъ повѣствованiя о Россiи, кн. II, стр. 150).

„Скоро мудрое Рюриково правленiе возвратило благоденствiе областямъ Великаго Новаграда.... Но зависть и славолюбiе имѣлись въ чертогахъ Новгородскихъ, глухiе ковы опять начали колебать умы легковѣрнаго народа. Измѣническая рука держала уже острый мечъ надъ главою Рюрика; ярость и мщенiе управляли сердцемъ отверженнаго Вадима.—„Народъ новгородскiй!“ говорилъ онъ: „вы избрали княземъ своимъ иноплеменика! Не я ли внукъ и воспитанникъ Гостомысла? Не я ли родился и взросъ среди васъ? Не я ли раздѣлялъ съ вами опасности на поляхъ брани, участвовалъ въ вашихъ пиршествахъ и пилъ вмѣстѣ съ вами вино изъ череповъ непрiятельскихъ? Постыдно для храбраго народа носить иго иноплеменика.— Я для васъ и за васъ охотно пролью послѣднюю каплю своей крови; онъ потребуетъ отъ васъ свободы, какъ жертвы необходимой.“—Народъ возколебался подобно шумнымъ волнамъ океана; глухой ропотъ распространился на площади великаго Новаграда и наконецъ загрѣмѣли восклицанiя: „Да здравствуетъ Вадимъ, внукъ Гостомысловъ, законный князь нашъ! Изженемъ иноплеменика изъ предѣловъ нашихъ!“—Собирается многочисленное ополченiе—знамена междоусобiя развѣваются на стогахъ и поляхъ Новгородскихъ... Рюрикъ созываетъ дружину Варяжскую и идетъ во срѣщенiе вѣроломныхъ возмутителей... Кровь Новгородцевъ льется ручьями; самъ Вадимъ падаетъ отъ руки Рюриковой, и воинство мятежниковъ ищетъ спасенiя своего въ бѣгствѣ“... Мятежъ усмирень, и Рюрикъ „простеръ желѣзный скипетръ на покоренныя области“... „Смерть прекратила дни его послѣ 17-ти лѣтняго княженiя, которое наследовалъ по немъ сынъ его Игорь, подъ руководствомъ и управленiемъ мудраго Олега“.

Авторъ ограничивается попыткой дать лишь нѣкоторую художественно-литературную обработку того матерiала, который заключался въ доступныхъ ему историческихъ источникахъ.

Уже Герберштейнъ упоминаетъ о легендарной личности Гостомысла ¹⁾, съ именемъ котораго въ позднихъ спискахъ лѣтописей свя-

¹⁾ Gostomissel, vir et prudens et magnae in Novogardia autoritatis, in medium consuluit, ut ad Varegos mitterent, etc. (Sigism. Herbersteinii Rerum Moscovitarum Commentarii, — Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, edidit A. de Starczewski, vol. I, Berol. et Petropoli, p. 5).

зывается сказаніе о призваніи князей-Варяговъ ¹⁾). Авторъ „Рюрика“ могъ познакомиться съ преданіемъ о Гостомыслѣ по Исторіи Татищева, у котораго читаемъ такое извлеченіе изъ пресловутой „Іоакимовской“ лѣтописи:

„Буривой, имѣя тяжку войну съ Варяги, множицею побѣждалше ихъ... послѣди побѣжденъ бысть, вся свои вои погуби, едва самъ спасеся... Варяги же абіе пришедше градъ великій и прочіи обладаша, и дань тяжку наложиша на Славяны, Русь и Чудь. Людїе же терпяху тугу велику отъ Варягъ, пославше къ Буривую испросиша у него сына *Гостомысла*, да княжить во велицѣ градѣ; и егда Гостомыслъ прія власть, абіе Варяги бывшіе овы изби, овы изгна, и дань Варягомъ отрече, и шедъ на ня побѣди, и градъ во имя старѣйшаго сына своего Выбора при морѣ построи, учини съ Варяги миръ, и бысть тишина по всей земли. Сей Гостомыслъ бѣ мужъ елико храбръ, толико мудръ, всѣмъ сосѣдомъ своимъ страшный, а людѣмъ его любимъ расправы ради и правосудія: сего ради вси окольные чтаху его, и дары и дани дающе, купуя миръ отъ него, многи же князи отъ далекихъ странъ приходяду моремъ и землею послушати мудрости и видѣти судъ его... Гостомыслъ имѣлъ четыре сына и три дочери, сынове его ово на войнахъ избіени, ово въ дому измроша, и не остана ни единому имъ сына, а дщери выданы быша сусѣднимъ княземъ въ жены; и бысть Гостомыслу и людѣмъ его о семъ печаль тяжка, и иде Гостомыслъ въ Колмогардъ вопросити боги о наслѣдїи... Вѣщуны же отвѣщаша ему, яко боги обѣщаютъ дати ему наслѣдіе отъ ложеснъ его; но Гостомыслъ не ятъ сему вѣры, зане старъ бѣ, и жены его не раждаху... Единою снѣху ему о полудни, видѣ сонъ, яко изъ чрева среднїя дщере его Умилы пронзросте древо велико, плодовиито, и покры весь градъ великій... Воставъ же отъ сна призва

¹⁾ Карамзинъ (Ист. Гос. Росс. I, примѣч. 91) указываетъ въ рукописи конца XVII в. (Москов. Синод. Библ. № 529) такого содержанія легенду: „Когда Гостомыслъ дожилъ до глубокой старости и не могъ уже править такимъ многочисленнымъ, безпобойными народами (новгородцами и подвластными имъ племенами), тогда сей великій мужъ, сѣдый умомъ и власами, призвавъ начальниковъ русской земли, увѣщевалъ ихъ итти, по смерти его, за море въ Прусскую и Варяжскую землю, къ тамошнимъ самодержцамъ отъ рода Августа Кесаря, и предложить имъ власть надъ землею славянскою. Гостомыслъ скоро умеръ, и Новгородцы погребли его съ великою честїю на мѣстѣ именуемомъ Волоотово, но долго не хотѣли самодержавїя и избрати только Посадниковъ; наконецъ безпорядки и междоусобїе заставили ихъ отправиться въ Варяжскую землю и въ Пруссію къ тамошнему Курфирсту Рюрку, потомукъ Августову въ XIV колѣнїи, который согласился управлять ими“.

вѣщуны, да изложатъ ему сонъ сей, они же рѣша: отъ сыновъ ея имать наслѣдити ему землю, и земля угобится княженіемъ его, и вси радовахуся о семъ, еже не имать наслѣдити сынъ большія дщере, зане негожъ бѣ. Гостомысль же видя конецъ живота своего, созва вся старѣйшины земли отъ славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичъ и Дряговичъ, яви имъ сновидѣніе, и посла избраниѣйшіе въ Варяги просити князя, и придоша по смерти Гостомысла Рурикъ со двумя братья и роды ею¹⁾. Въ примѣчаніи Татищевъ присовокупляетъ: „Дочери Гостомыслы за кого были отданы, точно не показано, но ниже видимо, что большая была за Изборскимъ, отъ которой Ольга княгиня, другая мать Рюрикова, а третіей неизвѣстно; Несторъ сказуетъ, что Рюрикъ убилъ Славенскаго князя Водима, что въ народѣ смятеніе здѣлало; можетъ, сей такожде внукъ Гостомыслу большой дочери сынъ былъ, которой большее право къ наслѣдству имѣлъ, и для того убить“²⁾.

Ломоносовъ въ своей „Древней Россійской Исторіи“ (С.-Пб. 1766) событія призванія князей изображаетъ, ссылаясь на „Новгородской лѣтописецъ“, такимъ образомъ:

„Новгородцы по разореніи отъ Угровъ и по великой моровой язвѣ собравшись предводительствомъ и правленіемъ благоразумнаго старѣйшины Гостомысла приведены были въ цвѣтущее состояніе. Послѣ смерти его давали дань Варягамъ... (затѣмъ) имъ отказали и стали сами собою правительствовать. Однако впали въ великія распри и междоусобныя войны... Наконецъ по завѣщанію Гостомыслу согласясь между собою и купно съ Чудскими ближними народами, выбрали и призвали Рурика съ братьями къ себѣ на княженіе... Видя Рюриковъ разумъ и мужество, *никто знатный новгородецъ, именемъ Вадимъ*³⁾, человекъ склонный къ общенародному прежнему владѣнію, и самъ желалъ быть повидимому въ томъ участникомъ, или еще и главнымъ, совѣтовалъ съ единомышленниками своими, какъ бы избыть отъ Росской власти. И уповая на свою у новгородцовъ важность и на сообщниковъ, говорилъ незакрытно, что Рюрикъ пришолъ привести ихъ Россамъ въ рабство и въ роды родовъ утвердить самодержавство.

¹⁾ Исторія Россійская, собранная В. Н. Татищевымъ, кн. I, ч. 1, М. 1768, стр. 33—34.

²⁾ Тамъ же, стр. 45, примѣч. 21.

³⁾ Взято изъ „Лѣтописца Россійскаго“—рукопись бібліотеки Императорской Академіи Наукъ, л. 7—7 об.: „...Рюрикъ уби нѣкоего храбра новгородца, именемъ Вадима“... Соч. Ломоносова съ примѣч. М. И. Сухомлинова, т. V, примѣч., стр. 229.

Услышавъ сія возмутительныя рѣчи, и узнавъ умышленіе, Рурикъ Вадима съ главными сообщниками предалъ смерти. Итакъ иныхъ грозою къ боязни, иныхъ властію къ послушанію, иныхъ правосудіемъ и милостію къ любленію приведши, на владѣннн утвердился непоколебимо“ 1).

Императрица Екатерина II въ своихъ „Запискахъ касательно Россійской исторіи“ 2) повторяетъ свѣдѣнія о Гостомыслѣ, его предкахъ и потомкахъ 3), сообщаемыя Татищевымъ; этими же свѣдѣніями она воспользовалась и въ своей драмѣ „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“ 4), съ тѣмъ однако отступленіемъ, что Вадимъ считается сыномъ не старшей, какъ у Татищева, а меньшей дочери Гостомысла 5), и затѣмъ съ измѣненіемъ развязки, обусловленной тою тенденціей защиты просвѣщеннаго абсолютизма, какую стремилась провести въ своей пьесѣ Императрица Екатерина 6).

Екатерининскій вельможа, масонъ, И. П. Елагинъ, смотрѣвшій на исторію, какъ на художественное произведеніе, цѣлью котораго должно быть назиданіе 7), въ своемъ „Опытѣ повѣствованія о Россіи“ 8) (стр. 143 и слѣд.) риторически развиваетъ только то, что сказано про Гостомысла, его предковъ и потомковъ у Татищева; допускаются однако и домыслы такого рода: рассказавъ, что, побѣдивъ Буривою, „Варяги, Фины и Руссы, вошедъ въ Великій Новгородъ, имъ обладали, и тяжкую на Славяны, Чудь, Эсты и Ливы наложили дань“, что позднѣе новгородцы упросили Буривою отпустить къ нимъ сына своего Гостомысла на княженіе, Елагинъ прибавляетъ:

„Гостомыслъ, цвѣтущихъ лѣтъ юноша, въ побѣдахъ отца своего

1) Соч. Ломоносова, т. V, стр. 293—297.

2) „Записки“ эти первоначально издавались въ „Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова“ (С.-Пб. 1783—1784), затѣмъ, въ 1787 г., вышли отдѣльною книгой; въ 1801 г. явилось второе изданіе.

3) Соч. Имп. Екатерины II съ примѣч. А. Н. Пыпина, т. VIII, С.-Пб. 1901, стр. 10—11.

4) Въ теченіе времени отъ 1786 года до 1802 г. драма имѣла пять изданій (соч. Имп. Екатерины II съ примѣч. Пыпина, т. II, стр. 252).

5) Соч. Имп. Екатер., т. II, стр. 220.

6) О чемъ см. *И. И. Замотинъ*, Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ, стр. 25—28.

7) *П. Милуковъ*, Главныя теченія русской исторической мысли, т. I, М. 1898, стр. 34.

8) Составленъ въ 1789 году (Милуковъ, тамъ же); первая часть напечатана въ Москвѣ, по смерти автора, въ 1803 г. Срв. *Сопиковъ*, Опытъ Россійской Библіографіи, изд. 2-ое, подъ ред. Рогожина, № 7859.

много уже соучаствовавший и заслуживший похвальныя имена ратника храбраго, единоборца сильнаго и полководца искуснаго, былъ при томъ мудръ въ совѣтахъ, предприимчивъ въ намѣреніяхъ, твердъ въ исполненіяхъ. Съ таковыми достоинствами пришелъ онъ къ гражданамъ своимъ. Его прибытіе возвращаетъ бодрость унывшимъ и новую въ ободренныхъ вливаетъ душу. Не давъ онъ опомниться врагамъ, присутствія его не чаявшимъ, воспріемлетъ внезапно правленія власть, и находящихся въ Новѣградѣ Варяго-Финовъ однихъ предаетъ мечу, другихъ плѣнить и изгоняетъ, и дань платитъ побѣдителямъ отрывается“.

О Вадимѣ у Елагина (стр. 148) сказано такъ:

„Народъ съ несказанною радостію принялъ прорицаніе (вѣщій сонъ Гостомысла о древѣ изъ чрева Умилы), ибо страшился происковъ сына большія его дочери, мужа по природѣ сварливаго, мятежнаго, гордаго и властолюбиваго. По такому характеру описанія кажется, что былъ то Вадимъ, о коемъ новгородскій вѣщаетъ лѣтописецъ, якобы онъ между кончины Гостомысловой и пришествія Рюрика производилъ мятежъ и междуусобіе между Новгородцы и въ производствѣ ономъ лишился жизни“.

Авторъ историческаго отрывка „Рюрикъ“, А. М—скій, зналъ уже и только что вышедшій тогда въ печати „Опытъ“ Елагина, на котораго дѣлаетъ ссылку (Вѣстн. Евр. 1805 г., ч. XIX, стр. 107); дѣло представлено у него однако иначе, чѣмъ у Елагина, что свидѣтельствуется о пользованіи и другими историческими источниками. Но болѣе всего, кажется, повліяла драма Императрицы Екатерины „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“, какъ явствуется изъ такихъ точекъ соприкосновенія:

Пьеса Екатерины открывается сценою, въ которой Гостомыслъ, умирая, въ присутствіи созданныхъ имъ старѣйшинъ „земли отъ Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичъ и Дряговичъ“, назначаетъ на новгородское княженіе своихъ внуковъ отъ дочери Умилы „обрѣтающихся въ Варягахъ“; такъ же точно начинается и „Рюрикъ“ М—скаго. Въ драмѣ одинъ изъ выступающихъ вначалѣ же посадниковъ новгородскихъ носить имя Тріанъ; этимъ же именемъ названъ у М—скаго одинъ изъ собравшихся у одра Гостомысла тысяцкихъ. У М—скаго Рюрикъ и братья—дѣти Умилы и Людбрата, князя Финскаго изъ рода Одина; въ пьесѣ Екатерины они также дѣти Умилы и Людбрата короля Финскаго изъ рода Одина. Вслѣдъ за Императрицей Екатериной М—скій представляетъ Вадима сыномъ *младшей* дочери

Гостомысла. Діалогическая форма въ началѣ „Рюрика“ (бесѣда умирающаго Гостомысла и „предстоящихъ“) навѣяна несомнѣнно драмой Екатерины. Увлеченіе М—скаго драматическою формою обнаруживается и далѣе—въ томъ мѣстѣ, гдѣ разсказывается о прибытіи новгородскихъ пословъ къ Рюрику и его братьямъ; послѣдніе только что возвратились изъ отдаленнаго похода, увѣнчанные лаврами, отягченные добычею“ („Рюрикъ“, стр. 105),—въ драмѣ Рюрикъ разсказываетъ: „Сперва завоевали мы города Нантъ и Бурдо, потомъ по рѣкѣ Секвалѣ пришли къ Парижу“, и проч. (Соч. Екат., т. II, стр. 230). Наблюдаются даже прямо текстуальныя совпаденія, говорящія о дословномъ заимствованіи М—скаго изъ пьесы Императрицы Екатерины; такъ, въ „Рюрикѣ“ Вадимъ восклицаетъ:

— „Народъ новгородскій!.. Не я ли внукъ и воспитанникъ Гостомысла? Не я ли родился и взросъ посреди васъ?“ (стр. 109).

Въ „Историческомъ представленіи изъ жизни Рюрика“ Вадимъ говорилъ то же самое:

— „Не я ли также внукъ Гостомысла? Не я ли воспитанникъ его? Не я ли родился и взросъ посреди васъ?“ (стр. 223).

Такимъ образомъ, въ значительной степени историческій отрывокъ М—скаго „Рюрикъ“ является простымъ переложеніемъ въ повѣствовательную форму того литературнаго и историческаго матеріала, который Императрицей Екатериною былъ облеченъ въ форму драматическую,—только развязка драмы измѣнена соотвѣтственно сообщеніямъ историковъ. И если въ пьесѣ Императрицы Екатерины „подражаніе Шакеспіру“ явилось очень блѣднымъ ¹⁾, то попытка М—скаго создать изъ того же матеріала историческую повѣсть вышла еще болѣе блѣдною и сухою, не взирая на вставленныя сцены драматическаго характера и на желаніе автора оживить и украсить рѣчь заимствованіями изъ „славянскоѣ міеологіи“, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго:

— „Могущественная *Дидилія* ²⁾ благословила бракъ дочерей твоихъ“... (стр. 103).

Къ этой же категоріи повѣствованій принадлежитъ *Ксенія княжна Галицкая, историческая повѣсть, соч. російское*, С.-Пб. 1808. Неизвѣстный по имени авторъ, „описывая нашествіе Батгя на Россію,

¹⁾ *И. И. Замотинъ*, Преданіе о Вадимѣ въ русской литературѣ, стр. 27.

²⁾ „*Дидилія*, подъ симъ именемъ почиталась у нѣкоторыхъ славянъ богиня родовъ или родинъ, которую и молили о плодородіи дѣтей“ (Словарь русскихъ суевѣрій, Чулкова, С.-Пб. 1782, стр. 156).

вполнѣ точно придерживается даже мелкихъ фактовъ, сообщаемыхъ Суздальской лѣтописью¹⁾); что касается романической части повѣсти, то изложеніе ея „сухое, бездарное“²⁾); „авторъ не считаетъ нужнымъ сообразоваться съ условіями времени и описываемой страны, вслѣдствіе чего рисуеъ Золотую Орду довольно фантастическими красками“³⁾. Сюжетомъ повѣсти служитъ любовь Темира, брата Батыя, къ Ксеніи, единственной дочери галицкаго князя Мстислава; отвергнутый Ксеніей влюбленный Темиръ изнываетъ отъ тоски и наконецъ „находитъ желанную смерть на полѣ битвы“⁴⁾.

Того же простого, „сухого“, какъ выражается г-жа Бѣлозерская⁵⁾, способа изложенія придерживался извѣстный С. Н. Глинка въ своихъ наивно-патріотическихъ „историческихъ“ повѣстяхъ, въ родѣ „Меншиковъ, историч. повѣсть“, „Бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ“, и т. п., которыя онъ печаталъ сначала въ своемъ Русскомъ Вѣстникѣ (съ 1808 года), а въ 1810 г. издалъ отдѣльнымъ сборникомъ⁶⁾. Глинка считаетъ своей главной задачей вѣрность историческихъ фактовъ; онъ дѣлаеъ пространныя выписки изъ мемуаровъ и различныхъ историческихъ источниковъ и разнообразить ихъ вставными сценами и разговорами дѣйствующихъ лицъ въ патріотическомъ духѣ“⁷⁾.

XXIV.

Въ рядахъ этихъ начальныхъ попытокъ нашей исторической повѣсти, какое мѣсто занимаетъ отрывокъ Жуковскаго „Вадимъ Новгородскій“⁸⁾?

Н. С. Тихонравовъ⁹⁾ усмотрѣлъ прототипъ „Вадима“ въ повѣсти Флоріана „Вильгельмъ Телль“, переведенной Жуковскимъ около этого времени. Изученіе того потока „историческихъ“ поэмъ и повѣстей, о

¹⁾ *Бѣлозерская*, В. Т. Нарѣжный, I, 66.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 67.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Русскія историческія правоучительныя повѣсти, соч. *Сергѣемъ Глинкою*. М. 1810.

⁷⁾ *Бѣлозерская*, тамъ же.

⁸⁾ Я не могу принять того освѣщенія и тѣхъ объясненій, въ весьма значительной степени произвольныхъ, какія даеъ „Вадиму“ Жуковскаго И. И. Замотинъ въ своей статьѣ „Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русс. литер.“, стр. 77 и слѣд.

⁹⁾ Соч. Тихонр., т. III, ч. 1, стр. 436.

которыхъ была у насъ рѣчь въ предыдущихъ главахъ, заставляеть, однако, шире поставить вопросъ о вліяніяхъ, подъ какими возникъ опытъ Жуковскаго.

Любопытно, — пишетъ Тихонравовъ, — что, по плану Жуковскаго, „Вадимъ Новгородскій“ долженъ былъ состоять изъ нѣсколькихъ „книгъ“, т. е. и по формѣ оставаться вѣрнымъ „Вильгельму Телю“ Флоріана, раздѣленному на четыре „книги“ ¹⁾. Но на „книги“ дѣлится и „Гонзалвъ Кордуанскій“ Флоріана, и карамзинская „Марѳа Посадница“, и „Рогнѣда или разореніе Полоцка“, подобно тому, какъ стихотворное повѣствованіе (въ родѣ, напр., „Свѣтланы и Мстислава“ А. Х. Востокова) дѣлилось на „пѣсни“: очевидно, это было обычное въ то время строеніе сочиненія, болѣе или менѣе сложнаго по составу. И напомнить о такой структурѣ затѣвасмой повѣсти могъ ближайшимъ образомъ, всего скорѣе, именно Карамзинъ своею „историческою повѣстью“: „Марѳа Посадница“ была напечатана въ VII части „Вѣстника Европы“ (1803 г.), а „Вадимъ“, тоже „историческая повѣсть“ — въ XII части того же журнала; къ этому времени относятся уже личное сближеніе Жуковскаго съ Карамзинымъ, послѣдній называетъ его своимъ „приятелемъ“ ²⁾, Жуковскій въ программѣ своей автобіографіи говоритъ о „короткомъ знакомствѣ съ Карамзинымъ“ ³⁾, — и я думаю, что и самый сюжетъ о Вадимѣ навѣянъ Жуковскому именно Карамзинымъ, у котораго мы находимъ апоэосозъ новгородскаго легендарнаго героя, представителя и защитника народной свободы: на мѣстѣ лобномъ или *Вадимовомъ*, этой трибунѣ ораторовъ новгородскаго вѣча, „*возвышался мраморный образъ сею Витязя*“ ⁴⁾; — „Вадимъ! Вадимъ! здѣсь лилась священная кровь твоя“, — говоритъ съ этой трибуны Марѳа новгородцамъ: — „...Когда Рюрикъ захотѣлъ самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и Вадимъ Храбрый звалъ его предъ судъ народа... Вадимъ палъ отъ руки его связавъ: Новгородцы! на мѣсто, обогрѣнное моею кровію, приходите славить вольность, когда она съ торжествомъ явится снова въ стѣнахъ вашихъ... Исполнилось желаніе великаго мужа: народъ

¹⁾ Ibid., стр. 437.

²⁾ Въ примѣчаніи къ тексту: „Молодой авторъ этой пьесы („Вадима“) и мой *приятель*, г. Жуковскій извѣстенъ читателямъ Вѣстника Европы по Греевой элегіи, имъ переведенной.—Карамзинъ“ (Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. XII, стр. 211).

³⁾ Дневники Жуковскаго, съ примѣч. И. А. Бычкова, С.-Пб. 1901, стр. 40.

⁴⁾ „Марѳа Посадница“, кн. 1, — цитирую по изданію: „Соч. Карамзина“ изд. 4-ое, т. VII, С.-Пб. 1835, стр. 177.

собирается на *священной могилѣ его*, свободно и независимо рѣшить судьбу свою¹⁾; наканунѣ послѣдней битвы новгородцевъ за свободу „Михаиль Храбрый не хотѣлъ брать участія въ народномъ веселіи, сидѣлъ въ задумчивости подлѣ *Вадимовой статуи* и въ безмолвіи *острилъ мечъ на ея подножій*“²⁾, а послѣ взятія Новгорода Іоанномъ на лобномъ мѣстѣ „разбитый образъ Вадимовъ лежалъ во прахѣ“³⁾. Карамзинъ, влагавшій въ уста Марѣи горячія и сильныя рѣчи, обнаруживавшій вообще во всемъ разсказѣ о паденіи Новгорода значительное сочувствіе строю и особенностямъ вольной новгородской жизни,—словомъ, раздѣлявшій еще либеральныя увлеченія дней Александровыхъ прекраснаго начала,—Карамзинъ долженъ былъ привлечь вниманіе своего молодого пріятеля, Жуковского, къ борцу за свободу—Вадиму—во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ могло это сдѣлать выдвигаемое Тихонравовымъ⁴⁾ увлеченіе вольнолюбивымъ героемъ повѣсти Флоріана „Вильгельмъ Тель“; что это послѣднее увлеченіе не было особенно сильнымъ, видно уже изъ того, какъ, по своему обыкновенію, Жуковский смягчилъ и ослабилъ тенденцію Флоріана: *Amis de la liberté, cœurs magnanimes, âmes tendres, vous qui savez mourir pour votre indépendance, et qui ne voulez vivre que pour vos frères, prêtez l'oreille à mes accents*, писалъ Флоріанъ, а Жуковский передалъ это мѣсто такъ: *Друзья добродѣтели*, великодушные смертные, всегда готовые умереть за свою независимость, *дышащіе для блага человечества*, склоните слухъ къ моимъ пѣснямъ⁵⁾.

Въ виду наблюдающихся параллелей, нельзя отрицать, разумѣется, вліянія „Вильгельма Теля“ на Жуковского; необходимо, однако, при изученіи генезиса „Вадима Новгородскаго“, принять во вниманіе и другіе параллели и пункты соприкосновенія.

„Вадимъ“ открывается торжественнымъ воззваніемъ: „Оживись, пещель протекшаго! Тѣни героевъ и великихъ, возстаньте изъ гробовыхъ развалинъ! Явитесь, явитесь при блескѣ мѣсяца въ грозномъ величіи! Дерзаю пѣть вашу славу; дерзаю сыпать цвѣты на мшистые камни могилъ вашихъ“. Подобныя риторическія обращенія вытѣснили классическое обращеніе эпическаго „пѣвца“ къ музѣ уже во многихъ поэмахъ-повѣстяхъ того времени, и становятся довольно обычными:

¹⁾ Тамъ же, стр. 185—187.

²⁾ Тамъ же, стр. 216.

³⁾ Тамъ же, стр. 247.

⁴⁾ *Op. cit.*, 438.

⁵⁾ См. мои Разысканія о соч. Жуков., гл. XVІІІ, отдѣльн. оттискъ, стр. 321.

подобнымъ образомъ, какъ мы видѣли, начинаются, кромѣ „В. Теля“, „Королева Ильдегерда“ Коцебу (обращеніе къ „великому духу Ильдегерды“) ¹⁾, и разсмотрѣнные мною въ предыдущей главѣ „Ольга на гробницѣ Игоревой“, „Ольга, историч. отрывокъ“, „Рогнѣда или разореніе Полоцка“, „Оскольдъ“ Муравьева, „Игорь“ Нарѣжнаго, и каждая изъ книгъ „Гонзалва Кордуанскаго“ Флоріана; воспроизводя ту же манеру, но придавъ необыкновенное изящество рѣчи, Пушкинъ начинаетъ своего „Руслана“:

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой...

Не восходитъ ли эта манера дѣлать зачинъ или заповѣвъ ²⁾ по своему происхожденію къ Оссіану, вытѣснившему у Вертера-Гете изъ сердца Гомера? Макферсоновская поэма „Картонъ“ открывается такимъ воззваніемъ: „Случай времени протекшихъ, дѣянія преждебывшихъ героев! воскресните въ моихъ пѣсняхъ!..“ ³⁾. По крайней мѣрѣ, что касается зачина „Вадима Новгородскаго“, то онъ весь явно сотканъ изъ элементовъ и образовъ макферсоновскихъ: въ поэмахъ Оссіана встрѣчаемъ мы и возстающія изъ гробовъ при свѣтѣ мѣсяца въ грозномъ величіи тѣни героевъ, и воспѣваніе ихъ славы бардами, и мшистые камни могилъ, — см., напр., Оссіанъ, перев. Кострова, изд. 2-ое, ч. I, стр. 168—169: „Герои Морвенскіе шествуютъ возглашая пѣсни. Оскаръ тихими стопами восходитъ на холмъ; блѣдные воздушные призраки, чада ночи, простираются надъ пустынею въ отдаленности... Полукружіе луны изливало за холмомъ слабый только и багровый свѣтъ, и слышатся пронзительные гласы ночныхъ призраковъ... Оскаръ извлекаетъ свой мечъ.—Тѣни отцовъ моихъ! возопилъ герой, вы, которые нѣкогда противоборствовали царямъ вселенныя, грядите, откройте моему взору; повѣдайте мнѣ, какія суть тайныя и сокровенныя ваши бесѣды въ глубокихъ вашихъ пещерахъ?.. Тренморъ течетъ на гласъ своего сына. Его воздушное тѣло несется на облакѣхъ... Его легкая одежда соткана изъ пагубныхъ и смертоносныхъ тумановъ... Его бесѣды были столько же мрачны и непонятны, сколь мрачно

¹⁾ См. тамъ же, стр. 307.

²⁾ Манера, не чуждая, впрочемъ, и нашей народной поэзіи:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота—океанъ-море, и проч.

(Сборн. Кириши Данилова, начало былинны „Соловей Будимировичъ“). Сравни. В. О. Миллеръ, Очерки русс. народн. словесности, т. I, стр. 36.

³⁾ Оссіанъ, перев. Костр., II, изд. 2-ое, стр. 2.

повѣствованіе о предкахъ нашихъ, доколѣ духъ Бардовъ не озарилъ еще время претекшихъ“... Тамъ же, стр. 220—221: „Востающая луна изливала блѣдный и хладный свѣтъ... Внезапу устремляется съ горы порывистый вихрь и несетъ въ себѣ духа Лоды. Призракъ всталъ на своемъ камени; ужасы и огни окружають его; онъ потрясаетъ грознымъ и великимъ своимъ копіемъ“... Тамъ же, ч. II, стр. 2—3: „О, Лора! журчаніе твоихъ источниковъ обновляетъ въ памяти моей прошедшее... *Два камня*, выросше до половины въ землю, показываютъ верхи свои, *покрытые сѣдымъ мохомъ*; горная серна убѣгаетъ, видя тѣнь, стрегущую сіе священное мѣсто. Два знаменитые героя, о, Мальвина! покоются въ сей долині... Случай времени протекшихъ, дѣянія преждебывшихъ героев! воскресните въ моихъ пѣсняхъ (повторяется какъ рефренъ и въ концѣ этого зачина поэмы „Картонъ“)!“

Только „цвѣты“, которые Жуковский приплетааетъ къ „мшистымъ камнямъ могиль“, идутъ какъ-то въ разрѣзъ съ мрачнымъ колоритомъ оссіановскихъ образовъ, и представляютъ, разумѣется, отзвукъ нѣжныхъ нотокъ увлекавшаго его сентиментализма, а самая фраза: „держю *сытатъ цвѣты*“... является, повидимому, перифразомъ конца Флоріановскаго вступленія къ „Вильгельму Телю“: „Слѣдуй (Поэзія) издали по стопамъ его (Теля), и робкою рукою *разсынай* дикіе *цвѣты* шиповника на пути, по которому проходитъ онъ“¹⁾.

Оссіановскіе пейзажи и мотивы встрѣчаемъ въ „Вадимѣ“ и далѣе. Дѣйствіе повѣсти начинается среди такой обстановки:

„Осенній вечеръ ниспускался на землю. Солнце среди разорванныхъ тучъ катилось въ шумящее озеро Ладоги. На древней вершинѣ чернаго бора сіялъ послѣдній лучъ его. Вѣтеръ вылъ; озеро вздымалось; мрачныя облака летѣли; сѣдые туманы дымились. На скатѣ скалы, заросшей кустарникомъ и глубоко вдавшейся въ пространное озеро, стояла хижина; дымъ вылеталъ изъ трубы и разносился бурнымъ вѣтромъ“...

На мысль начать рассказъ изображеніемъ обстановки и жилища дѣйствующаго лица навелъ Жуковскаго, повидимому, „Вильгельмъ Тель“: Флоріанъ въ началѣ своего повѣствованія также рисуетъ и берегъ озера, и гору, и хижину, гдѣ живетъ его герой²⁾. Но Жу-

¹⁾ Цитрую по имѣющемуся у меня подъ рукою 2-му изданію „В. Тель“. М. 1817, стр. 7.

²⁾ См. тамъ же, стр. 10—11: „Не далеко отъ Альторфа, столицы Ури, на берегу озера, отъ котораго городъ получилъ свое названіе, возвышается высокая гора... Источники, быстрые потоки, то низпадая каскадами и катясь по утесамъ, то изви-

ковскій долженъ былъ замѣнить озаряемый южнымъ солнцемъ швейцарскій пейзажъ картиною угрюмага сѣвера—п на помощь явились кисть и краски съ палитры Макферсона:

„Мрачная осень владычествуетъ на горахъ нашихъ, и густымъ туманомъ облеклися холмы наши. Слышатся свисты порывистыхъ вихрей. Мутныя рѣчныя воды катятся въ узкой долинѣ; уединенное древо стоитъ на высотѣ холма... стремленіемъ вѣтровъ разносятся иссохшіе листы его... Тѣни умершихъ являются иногда въ семь мѣстѣ“... ¹⁾.

„Шумъ твоихъ лѣсовъ, о Гермалладъ, пріятенъ моему слуху. Не видишь ли ты, Мальвина, сея скалы, увѣнчанной кустарникомъ? Три старыя сосны склонились съ ея утесистаго чела... тамъ растетъ уединенный терновый кустъ, котораго сѣдые власы служатъ игралищемъ вѣтру“... ²⁾ и т. под. ³⁾.

Нарисовавъ обстановку, Жуковскій выводитъ и дѣйствующее лицо:

„На порогѣ уединенной хижины сидѣлъ старецъ. Потусклый взоръ его неподвижно устремился на волны; задумчиво склонялъ онъ голову, какъ лунь сѣдую, на правую руку, опирающуюся на колѣно; въ лѣвой держалъ арфу; борода его и длинные волосы, всклокоченные вѣтромъ, развѣвались. Часто во взорахъ его мелькало быстрое пламя, и лицо мрачное являлось грознымъ и ужаснымъ; часто глубокіе вздохи тѣснили грудь его, лицо опять омрачалось, и взоры снова потухали—онъ ударилъ по струнамъ арфы—сильный, величественный звукъ раздался—струны затрепетали—долго слышалось ихъ томное, умирающее звучаніе—утихли—пустынникъ вздохнулъ, посмотрѣлъ на вечернее, сумрачное небо, на арфу; вздохнулъ опять — заигралъ и запѣлъ“...

Флоріанъ, начиная дѣйствіе своей повѣсти, тоже выводитъ Вильг.

валясь по свѣжей и цвѣтущей зелени, низвергаются, стремятся въ долины, смѣшиваются, сливаются струи снегов, орошаютъ луга, покрытые тучными стадами, и наконецъ исчезаютъ въ нѣдрахъ кристальныхъ озеръ, въ которыхъ волны приходятъ купаться. На вершинѣ сей горы стояла бѣдная *хижина*, окруженная небольшимъ полемъ, виноградникомъ, рощею“...

¹⁾ Оссіанъ, перев. Костр. I, 234.

²⁾ Тамъ же, II, 2—3.

³⁾ У Оссіана-Макферсона картины природы однообразны, т. е. повторяются въ довольно узкихъ предѣлахъ: картинами тумана, вѣтра, бурной ночи, вадьмакагося моря почти исчерпывается весь ихъ запасъ, но онѣ иногда необыкновенно величественны, — замѣчаетъ Е. В. Балобанова (Поэмы Оссіана Джемса Макферсона, послѣдованіе, переводъ и примѣчанія Е. В. Балобановой, С.-Пб. 1890, стр. 35).

Теля вечеромъ у порога своего жилища въ мрачной задумчивости о судьбахъ родины и своей собственной ¹⁾, но на этомъ сходство съ нимъ у Жуковского пока и кончается: въ то время, какъ Флоріанъ разсказаль передъ этимъ прошлое своего героя и читатель знаетъ, ктѣ передъ нимъ, въ „Вадимъ“ Жуковского передъ нами выступаетъ загадочный, фантастическій образъ отшельника-барда—образъ самого старца Оссіана, только зрячаго, въ чемъ и заключается единственное отличіе отъ того, какъ рисуется этотъ образъ у Макферсона, какъ отражался онъ въ воображеніи увлеченныхъ читателей и какъ запечатлѣнъ рукою художника на рисункѣ, напр., N. Abilgaard'a ²⁾ и друг.

Оссіановскими мотивами, естественно, проникнута и элегическая пѣснь, влагаемая Жуковскимъ въ уста его старца-отшельника; она написана прозой, какъ и весь „Вадимъ“, разумѣется, по примѣру поэмъ Макферсона; соотвѣтственно положенію пѣвца, она скорбпо-лирическая, подобно тѣмъ лирическимъ мѣстамъ у Макферсона, гдѣ Оссіанъ говоритъ о себѣ, о своей старости.

„Шумите, шумите, осенніе вѣтры, — поетъ отшельникъ у Жуковского:—Обнажайтесь холмы, обнажайтесь дубравы!.. стелитесь, густые туманы! Улети, сокройся веселое лѣто, какъ улетѣло и скрылось мое счастье! Давно бѣлѣветъ зима на главѣ слабого старца; давно исчезла крѣпость его мышцы... Нѣтъ мирной тѣни подъ дубомъ... нѣтъ жизни и радости въ моемъ сердцѣ, увядшемъ какъ листъ осенній! Пронеслось оно — пронеслось и сокрылось мое счастье... Гдѣ вы, любимцы души моей, чада мужества и брани?.. Ахъ! блаженны почившіе сномъ безмятежнымъ: обитель ихъ тиха и безмолвна, какъ часъ полуночи въ долинѣ уединенной. Миръ вамъ, сыны праха! Но горе, горе мнѣ, страннику! Одни вѣтры пустынные, однѣ волны шумящія со мною бесѣдуютъ... Посреди скалъ уединенныхъ и бесплодныхъ увяну въ горестномъ одиноществѣ... Набѣжить горный вѣтеръ, и прахъ мой разсѣется; пропадутъ слѣды мои, какъ лучи вечерніе въ облакахъ летящихъ!“...

¹⁾ „Однимъ вечеромъ Вильгельмъ и его супруга сидѣли у дверей своей хижины: они смотрѣли на Жемми, который въ нѣкоторомъ отдаленіи испытывалъ силы свои противъ овна, предводителя стада; образъ сего младенца, предающагося невиннымъ удовольствіямъ, картины ужасныхъ бѣдствій, которыя неволя ему приготовляла, повергли чувствительнаго Теля въ мрачную задумчивость“... (В. Тель, стр. 38).

²⁾ Оссіанъ, рѣдкая гравюра изъ собранія П. Е. Рейнбота (London 1787), воспроизведена въ „Библіотекѣ великихъ писателей“ подъ ред. С. А. Венгерова. Пушкинъ, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. I, С.-Пб. 1907, стр. 105.

Срв. у Макферсона:

„Ночныя облака возвышаясь останавливаются и висятъ тяготѣя надъ скользкою высотой Кромлы. Звѣзды Норда, возникнувъ надъ волнами Уллина, являютъ блистательныя свои главы сквозь быстротечныя туманы поднебесной тверди. Шумящія вѣтры звучатъ въ отдаленномъ лѣсу... Посреди мрачныхъ тѣной слухъ мой внималъ еще стройному и сладкому гласу Карриля; онъ воспѣвалъ дѣянiя сподвижниковъ юности нашей и прекрасныя дни цвѣтущихъ лѣтъ нашихъ... Да будетъ тѣнь твоя, о Карриль, благополучна посреди своихъ вихрей. Придетай иногда посѣщать меня въ жилищѣ моемъ, когда я безмолвствую одинъ посреди ночи... Для чего не бесѣдуешь ты со мною въ печали моей? Для чего не откроешь мнѣ, когда я увижу друзей моихъ и сподвижниковъ?.. Ты молчишь, ты удаляешься на твоёмъ облакѣ, и вѣтръ тебя носящiй дышетъ въ мои власы, покрытыя уже сѣдиною“... (Оссiанъ, перев. Костр., I, 126—127).

„Долговѣчный и мхомъ покрытый дубъ уклоняется и стонетъ надъ источникомъ. Близъ его шумитъ увядшiй кустарникъ, и колеблющiеся листы его мѣшаются съ сѣдыми власами Оссiана. Настрой твою арфу, Оссiанъ, и начни сладостныя пѣсни: Приблизьтесь, о вѣтры! и распрострите ваши крилѣ; вознесите печальныя звуки мои въ воздушныя чертоги Фингала... Вѣтръ Норда отверзаетъ твои врата, о Фингалъ! Я зрю тебя сидяща на туманахъ... Ты уже не страшень сильнымъ. Тѣло твое ничто, какъ дождевнiй облакъ, котораго прозрачный покровъ дозволяетъ намъ видѣть влажныя очи звѣздъ... Такъ, я гряду соединиться съ тобою, о царь героевъ! Жизнь Оссiанова приближается къ своему концу. Чувствую, что скоро я сокроюсь, скоро не увидятъ слѣдовъ моихъ въ Сельмѣ. Я гряду почить близъ камени Моры, и вѣтры, свистя въ сѣдыхъ моихъ власахъ, уже меня не возбуждаютъ. О вѣтры! пусть легкiя ваши крилѣ несутъ васъ далече отъ сихъ мѣстъ: вы не можете уже смущать успокоенiя Барда, очи тяготяются... Удалитесь стремительныя вѣтры“ (тамъ же, стр. 325—328).

„Но почто Оссiанъ поетъ еще бранноносныя подвиги? Ахъ! я не иначе, какъ скорбя, воспоминаю прекрасныя дни моей цвѣтущей младости, когда чувствую, что мышца моя слаба и безсилна. Блаженны тѣ, которые преселилися въ вѣчность во цвѣтѣ лѣтъ своихъ и полномъ сiянии славы! они не зрѣли возвышенныхъ гробовъ друзей своихъ“... (тамъ же, стр. 172).

Исполнивъ свою пѣснь, старецъ умолкъ,—продолжаетъ свой рассказъ Жуковскiй.—„Долго, уныло, задумавшись, сидѣлъ пустынный

и слушалъ свисты вѣтра; наконецъ всталъ и ушелъ въ хажину. Яркой огонь, пылавшій на очагѣ, освѣщаль ея стѣны... Старецъ повѣсилъ арфу на стѣну, подлѣ доспѣховъ воиновыхъ—щита, панцыря, меча и шлема—покрытыхъ ржавчиною и паутиною“...

Ясно, что отшельникъ былъ, подобно Оссіану, не только пѣвцомъ, но и воиномъ; арфа его виситъ на стѣнѣ рядомъ съ оружіемъ, подобно арфѣ Оссіана ¹⁾).

Вотъ въ какомъ видѣ изображаетъ Жуковский Гостомысла, давая свою обработку новгородской легенды. „Семь лѣтъ, продолжительныхъ и мрачныхъ, сокрылись“ съ тѣхъ поръ, какъ этотъ „великій вождь славянъ“, „пораженный рокомъ“, но оставшійся „величественнымъ на самыхъ развалинахъ величія“, превратился въ „убогаго, оставленнаго, покрытаго рубищемъ“ пустытника и оплакиваетъ „погибшую славу, отчизну горестную и скрывшихся друзей“: — „А ты, моя отчизна!— поетъ онъ: — Почто утратился блескъ твоей славы?.. Не вижу храбрыхъ сыновъ твоихъ: пали могущіе, или сокрылись. *Иноплеменники ругаются надъ твоимъ безсиліемъ; иноплеменники терзаютъ тебя, какъ волки хищные свою добычу*“... Самъ же Гостомыслъ предпочелъ быть „свободнымъ среди утесовъ, среди утесовъ не зная властелина“, „разорвать всѣ узы души своей“, чтобы стать „выше бѣды и несчастій“, хотя бы и „въ дикой пустынѣ“, и горестно хранить „священную память протекшаго“.

Заинтересовалъ Жуковского личностью Гостомысла, очевидно, также Карамзинъ: хотя онъ находитъ въ своей исторіи преданіе о Гостомыслѣ „сомнительнымъ“ (Ист. Гос. Росс., т. I, примѣч. 274), тѣмъ не менѣе высказывается такимъ образомъ: „Славяне, убѣжденные— такъ говоритъ преданіе — совѣтомъ новгородскаго старѣйшины Гостомысла, потребовали властителей отъ Варяговъ... Ежели преданіе истинно, то *Гостомыслъ достигъ безсмертія и славы въ нашей исторіи*“ (тамъ же, т. I, начало главы 4-й). Карамзинъ же, конечно, указалъ Жуковскому и источники, по которымъ послѣдній могъ ближе познакомиться съ преданіемъ, обработку котораго имѣлъ въ виду,— историческіе и литературные труды Татищева, Ломоносова, Елагина, имп. Екатерины. По своимъ отношеніямъ къ М. М. Хераскову ²⁾, Жуковский, конечно, не могъ не обратить вниманія на только что появив-

¹⁾ „Почившая среди щитовъ, висящихъ на стѣнѣ моихъ чертоговъ, свиди ко мнѣ, арфа!“—поетъ Оссіанъ (Оссіанъ, перев. Костр., II, 150).

²⁾ О чемъ см. выше, въ III гл. моихъ „Разысканій о соч. Жуковского“, отд. отт., стр. 55 и слѣд.

шеся тогда новое его произведение — „Царь, или спасенный Новгородъ“ (М. 1800), дѣйствіе котораго приурочено къ той же эпохѣ призванія князей-варяговъ.

Въ своей стихотворной повѣсти „Царь или Спасенный Новгородъ“ Херасковъ далъ совершенно произвольную переработку легенды о Гостомыслѣ и Вадимѣ.

Гостомыслъ, „богоподобный человекъ“, править Новгородомъ разумно и на благо народа; самъ онъ не совсѣмъ счастливъ: его *единственный* сынъ погибъ въ битвѣ съ ливонцами; но старецъ утѣшается красавицей-дочерью (также *единственной*) *Либеديو*; Ратмиръ (=лѣтописный Вадимъ) подымаетъ возстаніе, внушивъ новгородцамъ, что они обманываютъ себя, почитая за бога этого „тщеславнаго старца“ Гостомысла; въ городѣ начинаются страшные безпорядки (въ „Предувѣдомленіи“ авторъ признался: „разительнѣйшія черты страшнаго мятежничества перенесъ я въ мою повѣсть изъ пагубнаго переворота бѣснующейся Франціи, позоръ нашего вѣка написующаго“...). „Удрученный преслѣлымъ вѣкомъ“, Гостомыслъ чувствуетъ, что онъ не въ силахъ подавить мятежъ, и совѣтуетъ вельможамъ избрать царя; самъ онъ въ горести скрывается въ пещеру, въ которой погребенъ прахъ его безвременно погибшаго сына, и отсюда посылаетъ своего друга *Конара* къ *Рюрику*, князю „соплеменныхъ Россіи“ варяговъ, съ просьбою спасти Новгородъ отъ мятежника *Ратмира* и „воскресить державу“. *Рюрикъ* является, Гостомыслъ присоединяется къ варяжскому войску. Происходитъ битва, *Рюрикъ* торжествуетъ. По желанію Гостомысла, *Ратмиръ* заключенъ въ темницу, гдѣ и закалывается. *Рюрикъ* дѣлается царемъ Новгорода, Гостомыслъ—его совѣтникомъ ¹⁾.

¹⁾ *И. И. Замотинъ*, Преданіе о Вадимѣ Новгород. въ русск. литер., стр. 54 п слѣд. Позднѣйшія обработки легенды о Гостомыслѣ: 1) *Павелъ Львовъ*, Изъ храма славы Петра Великаго, Памятники Великихъ Князей и Царей Россійскихъ, глава „Гостомыслъ“ (Новости Русской литературы на 1802 годъ, часть IV, М. 1802, стр. 12—13)—перифразъ сообщенія Татищева, съ буквальной выпиской: „Сей бѣ мужъ елико храбръ, толико мудръ“, и проч.; упоминается и „любимая дщерь его Умсла, мать праотца Царей“, и свидѣніе Гостомысла. 2) „*Рюрикъ*, историческій отрывокъ“ *А. М.—скаго* (Вѣстн. Евр. 1805 г., ч. XIX), о которомъ было говорено въ предыдущей главѣ. 3) *О. О.* „Гостомыслъ“ (сборничекъ „Въ удовольствіе и пользу. Труды Воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона“, книжка I, М. 1810, стр. 171—174)—небольшая статейка, родъ стихотворенія въ прозѣ, съ претензіей на Оссіановскій стиль („Гдѣ вы, протекшіе вѣки славы, лежащіе подъ мракомъ древности?... Снимите съ себя завѣсу, вѣки протекшіе и отеройте славные подвиги

Что вышло бы из той переработки легенды о Гостомыслѣ, какую затѣвалъ Жуковский, трудно судить по тому довольно неопредѣленному началу, на которомъ дѣло и остановилось. Совершенно неясно, кого должно разумѣть въ пѣснѣ Гостомысла подъ иноплеменниками, терзающими Новгородъ, „какъ волки хищную свою добычу“,—Рюрика ли съ его спутниками, на которыхъ, по Никоновской лѣтописи ¹⁾, „оскорбишася Новгородци глаголюще: яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его“,—или, можетъ быть, еще тѣхъ варяговъ, которые ранѣе, по Татищеву, „данъ тяжку возложиша на Славянь, Русь и Чудь“, и отъ которыхъ „людіе терпяху тугу велику“.

Однако это начало „Вадима“, превратившее государственнаго мужа Гостомысла въ пустытника-барда съ арфой въ рукахъ, уже показываетъ, что Жуковский, повидимому, и въ дальнѣйшемъ развитіи своей повѣсти сталъ бы такъ же мало стѣсняться съ старымъ преданіемъ, какъ и авторъ „Іоакимовской“ лѣтописи, вставившій геродотовскій мотивъ (вѣщій сонъ Гостомысла о деревѣ, выросшемъ изъ чрева его дочери срв. съ подобнымъ же сномъ Астіага передъ рожденіемъ Кира, въ 108 гл. I книги Геродота) и мотивъ изъ Соломоновской апокрѳической легенды („многи князи отъ далекихъ странъ приходяду моремъ и землю послушати мудрости и видѣти судъ его“), или какъ Херасковъ въ своей стихотворной повѣсти „Царь или спасенный Новгородъ“. Возможно, что подъ вліяніемъ именно Хераскова, заставившаго Гостомысла въ горести скрыться въ пещеру (см. выше), Жуковский удаляетъ и своего Гостомысла въ удивленную хижину на мысѣ, вдавшемся въ Ладожское озеро.

Впрочемъ, Жуковский въ своемъ отрывкѣ ограничился пока только выведеніемъ передъ читателемъ двухъ лицъ, дѣйствіе же еще не начинается. Въ хижину Гостомысла является неизвѣстный заблудив-

Гостомысла“...), повѣствующая, перерабатывая и отчасти искажая Татищева, о старости Гостомысла, его совѣтъ новгородскимъ старѣйшинамъ призвать на княженіе Рюрика, *супруги* средней дочери его Умилы, о смерти Гостомысла и его торжественномъ погребеніи. 4) Память о Гостомыслѣ долго хранилась въ нашей литературѣ; еще въ 1834 году вышла въ Москвѣ книжка „Повѣсти изъ русскихъ народныхъ преданій, издавныя М. Н. Макаровымъ“ (тѣмъ самымъ, который доставилъ Загоскину нужные историческіе свѣдѣнія и матеріалы для „Юрія Милославскаго“: см. *И. И. Замѣтки*, Романтическій идеализмъ въ русск. обществѣ и литературѣ, стр. 340 и сл.), гдѣ второе мѣсто (стр. 25 и слѣд.) занимаетъ „Дочь Гостомысла, разсказъ изъ новгородскихъ народныхъ преданій“.

¹⁾ Русск. Лѣтоп. по Никон. сп., ч. I, стр. 16.

пійся охотникъ, красавецъ-юноша, которому старецъ и даетъ пріютъ; на слѣдующее утро они открываютъ другъ другу свои имена: юноша оказывается Вадимомъ, сыномъ друга Гостомыслова Радегаста. По установленной романами и т. под. повѣствованіями манеръ ¹⁾, новое выступающее лицо тотчасъ же рассказываетъ свою исторію. Это дѣлаетъ и Вадимъ у Жуковскаго. Однако повѣствованіе у нашего поэта течетъ медленно, почти эпически, задерживаясь на подробностяхъ,— и потому, прежде чѣмъ начать рассказъ Вадима, прежде даже чѣмъ назвать имена выступающихъ лицъ, Жуковскій шагъ за шагомъ излагаетъ, какъ прошла ночь, давшая возможность новому герою хорошенько отдохнуть.

Пустынникъ привѣтливо и съ радостью принимаетъ заблудившагося юнаго путника, готовитъ ему простой ужинъ, „изъ плодовъ лѣсныхъ и сушеной рыбы составленный“, и гость засыпаетъ на разостланной на полу медвѣжьей шкурѣ, предложенной ему вмѣсто постели. „Старикъ сидѣлъ задумавшись надъ спящимъ незнакомцемъ; душа его была въ волненіи; *сладкія*, долго молчавшія струны въ ней оживились... Темное воспоминаніе минувшаго погружало его въ *тихую меланхолію*; казалось, что вся протекшая слава, всѣ протекшія радости и горести заключены были въ одномъ очаровательномъ образѣ незнакомца, который такъ безмятежно покоился. Онъ пожиралъ его глазами; *сердце его трепетало* и *слезы градомъ катились*“...

Воспитанный на „монументальномъ стилѣ“, о которомъ мы говорили выше (см. главу VII), Жуковскій, представившій въ началѣ своего произведенія, увлекшій его у Оссіана, величественный образъ старца съ арфой въ рукахъ, среди окружающей мрачной природы, плѣнился возможностью создать новый образъ, не менѣе увлекательный для его поэтического воображенія, но коренящійся уже, очевидно, въ тѣхъ сентиментальныхъ переживаніяхъ, какія возбуждались „карамзинскимъ“ литературнымъ теченіемъ: онъ представляетъ намъ того же старца въ сладкомъ волненіи чувствъ, въ „тихой меланхоліи“, сидящимъ надъ простертымъ у ногъ его безопасно покоящимся красавцемъ-юношей, у котораго „лицо выразительное, запечатлѣнное добродушіемъ, взглядъ быстрый, пылающій, темнорусые волосы, мягкіе какъ шелкъ и кудрями по плечамъ разсыпанные, величественный станъ, высокая бѣлая грудь, нѣжный и мужественный голосъ“,—

¹⁾ См., напр., „Русскія сказки“ Чулкова, „Гонзалвъ Кордуанскій“ Флоріана (ч. I, стр. 37 и слѣд.: Зулема начинаетъ свою повѣсть) и т. под.

идеаль юной красоты героя, многими чертами совпадающей съ образами, также встрѣчающимися у Оссіана ¹⁾.

Этотъ образъ даетъ нашему поэту возможность перейти къ новому образу, не менѣ пластически-эффектному: сладкая меланхолія, возбужденная встрѣчей, „обновила“ душу старца (здѣсь у Жуковского мы встрѣчаемся съ карамзинскимъ ²⁾ пониманіемъ и истолкованіемъ вліянія, какое оказывала, повидимому, въ ту эпоху сентиментальности „меланхолія“ на послѣдующее душевное состояніе человека); на разсвѣтѣ онъ вышелъ изъ хижины, и когда настало чудное утро, взошло солнце,—„съ мирною, обновленною душою стоялъ пустыжникъ на утесѣ, и безмолвно восхищался великолѣпнымъ зрѣлищемъ.... Чувство новаго, сильнаго бытія пробудилось въ немъ и пылало“. Этотъ образъ одушевленнаго величественнаго старца на утесѣ окруженъ и соотвѣтственною обстановкой: „Все блистало, все было великолѣпно; не осталось ни одного слѣда ночной непогоды; утихшее озеро алѣло; берега, озаренные и спокойные, изображались въ немъ, какъ въ зеркалѣ, и трепетали, какъ скоро мгновенный вѣтерокъ пролеталъ надъ тихою водою и къ ней прикасался; на востокѣ парило солнце; голубые отдаленные лѣса, возвышаясь одинъ надъ другимъ, подобно огромному необозримому амфитеатру, были покрыты свѣтлымъ, прозрачнымъ туманомъ“ ³⁾.

¹⁾ „На лицѣ твоємъ блистають розы юности; черныя и нѣжныя волосы твои развѣваются кудрями на раменахъ твоихъ“... „Любезный Герой! Коль прекрасенъ ты показался очамъ Даргулы... Лицо твое сіяло кротостью первыхъ лучей денницы; черныя волосы твои какъ перья врана. Душа твоя тиха и спокойна, какъ вечерній часъ... Рѣніе въ кустахъ зефира, жужжаніе источника Лоры, не столько пріятны, какъ звуки твоего гласа“... „Лице его блистаетъ изъ среди густыхъ волосъ его, упадающихъ долгими кудрями на рамена его“... (Оссіанъ перев. Костр., II, стр. 12, 42, 69).

²⁾ Срв. у Карамзина:

О Меланхолія! нѣжнѣйшій переливъ
Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья!
Веселья нѣтъ еще, и нѣтъ уже мученья, и проч.

(Стих. „Меланхолія, подражаніе Декилю“, 1800 года).

³⁾ Не чужда была и Макферсову манера набрасывать пластическій образъ героя среди окружающей обстановки: „Уже лазоревыя Улиана волны вращаются при сіяніи дня; злачные холмы одѣяны свѣтомъ; древа при вѣяніи зефировъ помаваютъ многолиственными своими главами; голубовидные источники стремятъ шумяція свои воды. Два холма, отягченные старыми дубами, возвышаются надъ узкою долиною. Тамо течетъ безмолвный ручеекъ. На его брегѣ стоитъ жестокосердый Каприваръ, опершись на коліе свое“... (Оссіанъ, перев. Костр. II, 67). „Безстрашный Купул-

Въ процессѣ созданія своей повѣсти Жуковский отъ этихъ статическихкихъ, такъ сказать, образовъ переходитъ къ динамическимъ, движущимся:

Проснувшійся юноша въ свою очередь выходитъ изъ хижины и приближается къ стоящему на утесѣ старцу; они обнялись, желая другъ другу пріятнаго утра. Прежде чѣмъ разстаться, они открываютъ одинъ другому свои имена. Дѣйствіе такого *узнанія* было весьма сильно и выразилось рядомъ восклицаній, фразъ, движеній и позъ, свойственныхъ конечно не новгородской древности, а новому времени, особенно эпохѣ чувствительности и порожденнымъ ею романамъ:

„Вадимъ содрогнулся. «Ты Гостомысль!» воскликнулъ онъ, упавъ на колѣна. «Ты Гостомысль!» повторилъ онъ рыдая и прижавъ лицо къ ногамъ пустытника: «О жребій человѣческой!» Старецъ, прижавъ ко груди Вадима, осыпалъ поцѣлуями лицо его. «Такъ, юноша!» говорилъ онъ: «Гостомысль передъ тобою!... Обними меня, обними, какъ сынъ отца обнимаетъ. Твой образъ оживилъ мою душу. Тайное предчувствіе потрясло ее, когда ты вошелъ въ мою хижину»... Вадимъ, безмолвный и горестный, мрачными глазами смотрѣлъ на пустытника. Сердце его разрывалось... «Ты Гостомысль», повторялъ онъ: «Ты другъ отца моего»... Слезы катились градомъ, и пламенные уста невольно прижимались къ рукъ старца... Священный ужасъ таился въ груди Вадима, и взоръ его неподвижно покоился на лицѣ старца, которое пылало. Въ сію минуту Гостомысль, подъ рубищемъ пустытника, подъ сѣдинами лѣтъ, казался божественнымъ и грознымъ“... Они садятся на гранитный отломокъ и предаются воспоминаніямъ; Вадимъ рассказываетъ о смерти своего отца Радегаста, новгородскаго изгнанника. „Благословляю тебя, могила моего друга! воскликнулъ Гостомысль, поднявшись съ гранита и простерши руки въ ту сторону, гдѣ находился гробъ Радегастовъ. Быстрый *чувствительный* Вадимъ бросился на колѣна, и слезы его на прахъ покатались. Пролетѣла минута *священной горести*. Пустытникъ прижалъ ко груди пылкаго юношу; они сѣли опять, и Вадимъ продолжалъ“, умолкая и снова отирая слезы при воспоминаніяхъ объ отцѣ. Радегастъ своими словами, „убѣдительными и сильными“, „о славѣ, о подвигахъ славянъ храбрыхъ“, объ ихъ „великодушій, вѣрности въ дружбѣ, святомъ почтеніи къ обѣтамъ и клятвамъ“, „образовалъ сердце“ Ва-

димъ сидѣлъ предъ вратами Туры, при корени шумящаго вѣтвями древа. Его копіе стояло уклонясь къ твердому и мхомъ покрытому камени. Его щитъ покоился близъ его на значномъ дернѣ“... (тамъ же, I, 4) п т. под.

дима; душа его „пламенѣла“, въ восторгѣ онъ падалъ къ ногамъ Радегаста... Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ пламень развился въ героическія свободолюбивыя мечтанія: „Мечты мои были прелестны, восхитительны“, говоритъ онъ: „Я воображалъ себя гражданиномъ великаго Новаграда, воиномъ, побѣдителемъ; видѣлъ Гостомысла въ его величіи, грознымъ полководцемъ; видѣлъ славянъ, благословляющихъ память изгнанника Радегаста,—видѣлъ вѣнцы, летящія къ ногамъ его сына,—славу, благоденствіе могущаго народа—ужасъ враговъ его“... Тутъ настала очередь заплакать растроганному Гостомыслу...

Въ этой сценѣ Вадима и Гостомысла, какъ солнце въ каплѣ воды, нашла свое отраженіе вся тогдашняя эпоха сентиментальности,—съ ея увлеченіями мечтой, ея порывами чувствъ, съ ея священной меланхоліей, готовностью всегда пролить слезу, съ ея чувствительными позами и фразами, нѣжными поцѣлуями и объятіями.

Повѣсть на этомъ обрывается.

Татищевъ предполагаетъ, что Вадимъ былъ внукомъ Гостомысла отъ его *старшей* дочери ¹⁾. Имп. Екатерина II въ своихъ „Запискахъ кас. Россійской Исторіи“ не говоритъ ничего о родствѣ Вадима и Гостомысла, совершенно раздѣляя легенды о Гостомыслѣ и о Вадимѣ ²⁾. Въ драмѣ „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“ Вадимъ является уже сыномъ *меньшой* дочери Гостомысла ³⁾; однако преданіе о Гостомыслѣ, какъ новгородскомъ правителѣ, давшемъ совѣтъ призвать князей-варяговъ, и преданіе о Вадимѣ, витязѣ поднявшемъ возстаніе противъ Рюрика, и здѣсь раздѣлены ⁴⁾. Жуковскій рѣшается, по видимому, контаминировать,—подобно, можетъ быть, Хераскову,—преданія о двухъ легендарныхъ новгородскихъ герояхъ, дѣлаетъ Вадима сыномъ друга Гостомыслова, фантастическаго Радегаста, и хочетъ вывести ихъ въ дѣйствіи своей повѣсти одновременно; но далѣе первой сцены—встрѣчи героевъ—нашъ авторъ не пошелъ, очевидно, за отсутствіемъ болѣе опредѣленныхъ матеріаловъ и не рѣшаясь слѣдовать примѣру Хераскова, „изобрѣтшаго“ событія, воспѣтыя въ стихотворной повѣсти „Царь или спасенный Новгородъ“, и изобразить въ своей повѣсти осуществленіе тѣхъ героическихъ Вадимовыхъ мечтаній, которыя до слезъ растрогали престарѣлаго барда-воителя Гос-

¹⁾ Исторія Россійская, кн. I, ч. 1, стр. 45, примѣч. 21.

²⁾ Соч. Имп. Екатерины II съ примѣч. Пыпина, VIII, стр. 24 и 27.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 220.

⁴⁾ Въ „Вадимѣ“ Княжнина Гостомыслъ не выступаетъ вовсе.

томысла,—разбить же эти мечты чуднаго юноши и довести рассказ до трагической катастрофы не соответствовало его литературнымъ вкусамъ и намѣреніямъ.

Сдѣланныя уже Тихонравовымъ ¹⁾ сопоставленія влагаемаго Жуковскимъ въ уста Вадима рассказа о смерти его отца и о своей юности съ соответствующими мѣстами изъ повѣсти Флоріана „Вильгельмъ Тель“ съ полной очевидностью устанавливають вліяніе послѣдней на „Вадима“ Жуковского. Я внесъ бы только одно дополненіе: мотивъ въ рѣчи Вадима о носившейся надъ нимъ тѣни его отца („Долго въ тоскѣ сердечной я плакалъ надъ мирнымъ гробомъ... Но я не могъ покинуть того мѣста, въ которомъ все говорило мнѣ о незабвенномъ. Тѣнь его носилась надо мною; таинственное молчаніе ночи возвѣщало ся присутствіе. Въ шорохѣ листьевъ, потрясаяхъ вѣтромъ, я слышалъ голосъ знакомый, трогающій сердце“...) навѣявъ Жуковскому, конечно, Оссіаномъ ²⁾; нашъ поэтъ лишь смягчилъ, ослабилъ мрачный колоритъ оссіановскихъ видѣній. Такъ же точно и изображеніе бесѣды Радегаста съ Вадимомъ о подвигахъ славянъ, отъ которыхъ пламенѣла душа послѣдняго, имѣетъ параллель, а можетъ быть и прототипъ, въ слѣдующемъ мѣстѣ изъ поэмы Оссіана „Латмонъ“: „Морни сидѣлъ подъ дровомъ близъ водъ Струмона. Покрытый сѣдинами герой сей, опершись главою на свой жезлъ, повѣствовалъ баты своей младости. Юный Галль, сынъ его, внималъ ему съ жадностію. *Душа его воспламенялась, слыша подвиги своего отца. Часто въ восторгъ своей кипящей бодрости и внѣ себя, соскакивалъ онъ скоропостижно“... ³⁾*

Необходимо отмѣтить еще одно литературное вліяніе, подъ вѣдѣніемъ котораго находился въ своемъ „Вадимѣ“ Жуковский,—вліяніе, коснувшееся ближайшимъ образомъ украшенія языка, слога: я имѣю въ виду отзвуки модной тогда „славяно-русской мифологіи“.

Мифологією этою, видимо, интересовался кружокъ тогдашнихъ

¹⁾ Соч. Тихонр., т. III, ч. 1, стр. 436—437.

²⁾ Срв. „Но Конналь могъ ли оставить гробъ отца своего, доколѣ не возгремѣла пѣснь въ его славу?... Седмь ночей покоилась глава его на гробѣ родителя, который являлся ему въ сонныхъ видѣніяхъ. Онъ видѣлъ тѣнь его, странствующую во мрачномъ вихрѣ и подобну парамъ, восходящимъ отъ озера Лега“ (Оссіанъ, перев. Костров., II, 127). „Слабый гласъ шепчетъ въ ушеса Купудиллина; тѣнь Кальмара, несомая на лучѣ блѣдномъ ему является... на ея лицѣ начертана мрачная радость“ (тамъ же, II, 32) и т. под.

³⁾ Оссіанъ перев. Костр. I, 271.

ближайшихъ друзей Жуковскаго; одинъ изъ нихъ—Андрей С. Кайсаровъ—составилъ, какъ мы видѣли, цѣлую книгу о „славянской п русской миеологiи“; воспользовавшись во время пребыванiя за границей библiотекой Геттингенскаго университета для пополненiя нужныхъ свѣдѣнiй, А. С. Кайсаровъ, повидимому, вывезъ уже изъ Москвы знакомство съ сочиненiями Чулкова и Попова, свѣдѣнiя о такихъ „миеическихъ“ существахъ, какъ Горыня, Дубыня (о чемъ см. выше, въ главѣ XXI). Раздѣляя общiй вкусъ того времени къ славянской и русекой „миеологiи“, и Жуковский пользуется такими оборотами рѣчи:

„Осеннiе вѣтры, чада угрюмага *Позвизда*“ (въ примѣчанiи къ тексту авторъ поясняетъ: „*Борей* славянской“).

„Юноша, прелестный какъ *Дагода*, величественный какъ *Святювидъ*“ (примѣч. къ тексту: „*Дагода*—Зефиръ, *Святювидъ*—богъ свѣта и брани, которому поклонялись славяне острова Рюгена“).

Оба эти примѣчанiя Жуковскаго заимствованы у Чулкова или у Попова, у которыхъ читаемъ (у обоихъ дословно сходно):

„*Позвиздъ*, *Похвистъ* или *Вихрь* (у Попова прибавлено: „Славенскiй Эоль“), древнiе славяне признавали его богомъ бурныхъ вѣтровъ“... ¹⁾

„*Дагода*, славянской Зефиръ, котораго признавали богомъ производителемъ тихаго и прiятнаго вѣтра и ясной погоды“ ²⁾.

„*Святювидъ*, *Святювидъ* и также *Святювичъ* богъ солнца и войны, почитался и имѣлъ храмъ на островѣ Рюгенѣ... Истуканъ Святювидовъ былъ преогромныя величины... Идолъ сей былъ безъ бороды, съ завитыми кудрями, въ короткой одеждѣ, въ лѣвой рукѣ имѣющъ лукъ, а въ правой рогъ изъ металла; на бедрѣ висѣлъ у него превеликiй мечъ въ серебрянныхъ ножнахъ“... ³⁾

Такимъ образомъ, среди двухъ обнаруживающихся въ концѣ XVIII—началѣ XIX вѣк. теченiй въ области начатковъ русской исторической поэмы-повѣсти, различающихся по своему стилю, по образцамъ, которымъ подражали, „Вадимъ“ Жуковскаго, насколько можно судить по написанному отрывку, долженъ былъ занять срединное положенiе. Нашъ поэтъ, находясь всецѣло еще во власти окружаю-

¹⁾ Словарь русскихъ суевѣрiй, С.-Пб. 1782, стр. 223—*М. Поповъ*, Краткое описанiе славянскаго баснословiя (Досуги, ч. I, С.-Пб. 1772), стр. 199.

²⁾ Словарь русс. суевѣрiй, стр. 156—*Поповъ*, op. cit., стр. 191.

³⁾ Словарь р. с., стр. 238—*Поповъ*, Кр. опис., стр. 201.

щихъ литературныхъ вліяній, увлекался и Оссіаномъ-Макферсономъ, и потокомъ произведеній оссіановскаго, скажемъ, стиля, и образами пользовавшейся еще тогда кредитомъ „славяно-русской міеологіи“, и мотивами и преданіями нашей сѣдой древности, которые безъ большихъ церемоній подвергались произвольнымъ видоизмѣненіямъ, дополненіямъ и передѣлкамъ, и героическими дѣяніями, описываемыми въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Вильгельмъ Тель“ Флоріана, и манерой старыхъ романовъ вставлять вводные рассказы дѣйствующихъ лицъ, и наконецъ сентиментальными настроеніями, какія давали себя чувствовать и у Флоріана ¹⁾ и въ произведеніяхъ того теченія литературы, съ главнымъ представителемъ котораго на русской почвѣ, Карамзинымъ, онъ тогда началъ близко сходиться.

Оглянемся на пройденную нами часть пути.

Непосредственный, наивный интересъ къ родной старинѣ, которую еще слишкомъ мало знали, подогрѣтый „историческими“ романами и т. под. произведеніями иноземнаго происхожденія, вызвалъ на русской почвѣ въ концѣ XVIII—нач. XIX вв. рядъ повѣстей-поэмъ въ стихахъ и прозѣ на сюжеты, навѣянные письменными памятниками русской исторіи.

Въ теченіи этомъ обнаруживается два потока: однѣ поэмы-повѣсти отразили на себѣ вліяніе твореній Оссіана-Макферсона, рыцарской романтики, сочиненій по „славянской міеологіи“, „монументальнаго“ литературнаго стиля XVIII в., отчасти русской народной поэзіи; другія—менѣ затѣйливы по стилю, стремятся приблизиться къ исторической дѣйствительности, хотя это и мало удается, соблюдать простоту и правду, насколько послѣдняя была совмѣстима съ писательскимъ творчествомъ. Первый потокъ былъ представленъ произведеніями Нарѣжнаго („Брега Альты“, „Освобожденная Москва“, „Рогвольдъ“, „Славенскіе вечера“), Воейкова („Свѣтославъ“), Востокова („Свѣтлана и Мстиславъ“), Каменева („Громобой“), Арцыбашева („Рогнѣда или Разореніе Полоцка“), Муравьева („Оскольдъ“), Батюшкова („Предслава и Добрыня“) и др.; ко второму потоку относятся повѣсти Карамзина „Наталья боярская дочь“ и „Марѳа Посадница“, А. М-скаго

¹⁾ См., напр., „Гонзалвъ Кордуанскій“, ч. I, стр. 34—35: „Слезы радости ліяются по его (Гонзалва) ланитамъ: онъ любитъ, благословляетъ свои раны“... Тамъ же, стр. 49: „Алманзоръ возвратился обремененный скорбію, соединить слезы свои съ слезами отца“... Тамъ же, стр. 115—116: „Слезы текутъ по ланитамъ его (Гонзалва): сии слезы въ жертву дружества“... и т. под. У „чувствительнаго“ Вильгельма Теля тоже текутъ изъ глазъ слезы.

„Рюрикъ“, повѣсть „Ксенія княжна Галицкая“, историческія повѣсти С. Н. Глинки.

Подъ вліяніемъ псевдо-классическаго увлеченія мифологіей, у нашихъ старыхъ писателей возникло соревнованіе создать славяно-русскій Олимпъ, отыскивая „боговъ“ и „богинь“, соотвѣтствующихъ античнымъ греко-римскимъ, въ самыхъ подозрительныхъ источникахъ (въ родѣ Стрыйковскаго, Гизеля и т. под.), а еще болѣе—въ собственномъ воображеніи, безъ удержа работавшемъ якобы „подъ древнюю статью“. Создателями этой фантастической славяно-русской мифологіи были Чулковъ, Мих. Поповъ, Гр. Глинка, А. Кайсаровъ. Изъ ихъ сочиненій желающіе заимствовали, ради украшенія своего слога, имена и образы Свѣтовидовъ, Позвиздовъ, Лелей, Ладъ и т. д., которыми и пользовались рядомъ съ классическими Аполлонами, Бореями, Эротами, Кипридами и проч. Это и дѣлала въ своихъ повѣстяхъ-поэмахъ и Востоковъ, и Нарѣжнѣй, и др.

„Вадимъ Новгородскій“ Жуковскаго, отражая на себѣ вліянія Макферсона, системъ „славяно-русской мифологіи“, принадлежитъ по своему стилю къ первому потоку нашихъ „историческихъ“ повѣстей-поэмъ конца XVIII—нач. XIX вв.; потокъ этотъ увлекъ нашего поэта въ свое лоно, не взирая на примѣръ „Марѣы Посадницы“ Карамзина, только что передъ нимъ возникшій.

На сагу о Гостомыслѣ и Вадимѣ обратилъ вниманіе Жуковскаго, повидимому, Карамзинъ. Познакомиться съ этой сагой Жуковскій могъ по сочиненіямъ Татищева, Ломоносова, имп. Екатерины II и др.; однако въ переработкѣ этого сюжета Жуковскій хотѣлъ идти своей дорогой и создалъ ситуацію дѣйствующихъ лицъ путемъ собственного произвольнаго вымысла, не слѣдуя никому изъ своихъ предшественниковъ, разработывавшихъ тотъ же сюжетъ.

Въ написанной части „Вадима“ нашъ поэтъ создалъ нѣсколько картинъ и пластическихъ образовъ, статическихъ и динамическихъ, и отъ дальнѣйшаго развитія дѣйствія воздержался; повѣсть осталась неоконченною.

Образъ Гостомысла созданъ въ „Вадимѣ“ подъ сильнымъ вліяніемъ поэмъ Оссіана: фантазія Жуковскаго превратила Гостомысла въ барда-воителя съ мечемъ и арфою въ рукахъ. Что касается личности Вадима, то на обрисовкѣ ея сказалось вліяніе какъ Оссіана, такъ и еще болѣе—недавно переведеннаго Жуковскимъ „Вильгельма Теля“ Флоріана. Вліяніе этого послѣдняго произведенія замѣтно и на самомъ расположеніи, планѣ „Вадима“.

Выведеннымъ лицамъ Жуковскій придавалъ сильную сентиментальную окраску, изображая ихъ порывы чувствъ, „священную горестъ“, поцѣлуи, объятія, слезы, чувствительныя движенія и позы, влагая имъ въ уста чувствительныя рѣчи. Этою своею стороною „Вадимъ“ примыкаетъ къ типичнымъ сентиментальнымъ произведеніямъ „карамзинскаго“ теченія въ нашей литературѣ.

XXV.

Обратимся къ предисловію „Вадима Новгородскаго“.

Тѣснѣйшая дружба соединила Жуковского съ Андреемъ Ивановичемъ Тургеневымъ ¹⁾; ему посвятилъ нашъ поэтъ свой переводъ „Сельскаго Кладбища“, — литературное предпріятіе, которому Жуковскій придавалъ серьезное значеніе своего настоящаго дебюта передъ читающей публикой ²⁾; о немъ сообщаетъ Жуковскій теплыя воспоминанія въ своемъ посланіи „Александрѣ Ив. Тургеневу“ („Другъ, отчего печалень голосъ твой?“) и въ примѣчаніи къ этимъ стихамъ ³⁾:

Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Быль съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ!
Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ!..
Какъ взоръ его во глубь сердець вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ, и проч.

8-го іюля 1803 г. Андрей Ив. Тургеневъ скончался въ Петербургѣ отъ пятнистаго тифа. Смерть его поразила всѣхъ его знавшихъ ⁴⁾.

Жуковскій, проживавшій въ то время въ Бѣлевѣ, тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти пишетъ письмо отцу покойнаго, И. П. Тургеневу: „Не думалъ и не хочу утѣшать Васъ. Я слишкомъ чувствую свою и вашу потерю... Что дѣлать! Мое сердце разрывается, но го-

¹⁾ *Ан. Веселовскій*, Жуковскій, гл. II, стр. 47 и слѣд.; *ак. Истринкъ*, Къ биографіи Жуковского (по матеріаламъ архива братьевъ Тургеневыхъ). Дружеская переписка въ августѣ—сентябрѣ 1800 г. (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1911 г., № 4, стр. 208 и слѣд.).

²⁾ Напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ Карамзина (1802 г., № 24).

³⁾ См. Соч. Жуковского подъ ред. Ефремова, изд. 8, т. I, стр. 298—299.

⁴⁾ *В. М. Истринкъ*, Изъ архива братьевъ Тургеневыхъ. Смерть Андрея Ивановича Тургенева (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1910 г., № 3, стр. 2—3).

рестъ и слезы его не возвратятъ. Ахъ, ударъ такъ неожиданъ! Онъ такъ былъ достоинъ жизни! За что мы наказаны его потерей? Теперь, признаюсь, жизнь для меня утратила большую часть своей прелести; большая часть надеждъ моихъ исчезла. Мысль объ немъ была соединена въ душѣ моей со всѣми понятіями о щастіи!“... 1).

На письмо И. П. Тургенева 2) Жуковскій отвѣчалъ длиннымъ посланіемъ 3), переполненнымъ мистическими размышленіями о смерти, о загробной жизни, о Богѣ.

Ему же онъ прислалъ стихи,—повидимому, свою элегію, въ рукописи носящую заглавіе: „На смерть незабвеннаго человѣка“ 4):

О, другъ мой! Неужель твой гробъ передо мною!
Тоголь, несчастный, я отъ рока ожидаю!

И. П. Тургеневъ по этому поводу писалъ автору: „Ежели захочешь напечатать ему стихи въ мое утѣшеніе, то подпиши имя свое и его. Пусть знаютъ о вашей рѣдкой дружбѣ... Онъ достоинъ былъ тебя, и тебѣ не стыдно публично сказать, кто онъ былъ и что для меня, для тебя, для многихъ“... 5).

Жуковскій отвѣчалъ: „Стиховъ моихъ не должно печатать: я гордъ именемъ его друга, но такими ли стихами я долженъ почтить кончину его? Они писаны для меня и для васъ. Публика смотритъ на стихи, а не на чувства. Она не пойметъ меня“... 6). Элегія такъ и осталась до послѣдняго времени въ бумагахъ и напечатана лишь въ наши дни 7).

Брату своего покойнаго друга, Александру Ив. Тургеневу, Жуковскій писалъ:

„Никого изъ васъ, это разумѣется, я не любилъ съ такою привязанностію, какъ брата (Андрея Ив.), то есть не будучи съ нимъ

1) В. М. Истринъ, Изъ архива бр. Тургеневыхъ (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1910 г., № 3, стр. 4).

2) Издано *акад. Истринымъ* въ Архивѣ бр. Тургеневыхъ, вып. II, С.-Пб. 1911, стр. 286—288.

3) Отъ 11-го августа 1803 г. Издано *И. А. Бычковымъ*, Письма Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу, изд. Р. Арх. М. 1895, стр. 8 и слѣд.

4) *Веселовскій*, Жуковскій, стр. 94.

5) Архивъ бр. Тургеневыхъ, II, 288.

6) Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 12.

7) Тамъ же, стр. 5; соч. Жуковскаго, ред. Архангельскаго, т. I, стр. 18. Срв. *И. А. Бычковъ*, Бумаги Жуковскаго (Отчетъ Импер. Публ. Библ. за 1884 г.), стр. 25; Отчетъ Импер. Публ. Библ. за 1887 г., стр. 229.

вмѣстѣ, я его воображалъ и сладкимъ чувствомъ былъ къ нему ближе; ему подавалъ руку съ особеннымъ, пріятнымъ чувствомъ; я не знаю, какъ то отъѣнно весело было чувствовать его руку въ моей рукѣ; между нами было болѣе сродства, по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Но что дѣлать! Даже при жизни его мы не были то, что бы могли быть; въ то время, когда онъ былъ со мною, въ насъ было больше (то есть во мнѣ) ребяческаго энтузіазма; потомъ мы разстались, потомъ все кончилось; однимъ словомъ, моя съ нимъ дружба была только зародышъ, но я потерялъ въ ней то, чего не замѣню или чего не возвращу никогда: онъ былъ бы моимъ руководителемъ, которому бы я готовъ былъ даже покориться; онъ бы оживлялъ меня своимъ энтузіазмомъ“... 1).

Въ другомъ письмѣ:

„Всякой разъ, когда вспомню о братѣ (Андрѣй Ив.), то живѣе чувствую цѣну его и потерю. Что бы онъ былъ для меня теперь! Кажется, мнѣ теперь жаль его больше, нежели тогда, когда мы его лишились. Я теперь больше чувствую самого себя, больше знаю цѣну настоящую жизни и больше понимаю, для чего я живу. Дружба его, какъ она ни была коротка и какъ я ни былъ ничтоженъ въ то время, когда его зналъ, оставила что-то неизгладимое въ душѣ моей: весь энтузіазмъ къ добруму, все благородное, что имѣю, все, все лучшее во мнѣ должно принадлежать ему. Мнѣ кажется, всякій разъ, когда объ немъ вспомню, сталъ бы на колѣна, для чего не знаю; но какое то особливое чувство меня къ этому побуждаетъ. Ахъ, братъ, намъ надобно жить на свѣтѣ не такъ, какъ живутъ обыкновенно, жить возвышеннымъ образомъ“... 2).

Обращаясь къ Екатеринѣ Мих. Соковниной, которою увлекался Андрей Тургеневъ, и которая въ свою очередь его любила 3), Жуковский, имѣя въ виду, очевидно, смерть Андрея Тургенева, говорилъ:

Протекшихъ радостей уже не возвратить;
Но въ самой скорби есть для сердца наслажденье.
Ужели все мечта? Напрасно ль слезы лить?..
Ахъ! нѣтъ, мой милый другъ, не будемъ безнадежны;

1) Письма Жуковского къ А. И. Тургеневу, стр. 14—15 (письмо отъ 11-го сентября 1805 г.).

2) Тамъ же, стр. 17 (письмо отъ 8-го января 1806 г.).

3) *Акад. Веселовскій*, Жуковский, стр. 79. *Акад. Истринъ*, Архивъ бр. Тургеневыхъ, II, стр. 106 и слѣд.

Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный;
Тамъ все погибшее предъ нами оживеть...
Надеждой не вотще насъ Небо одарило ¹⁾.

Въ стихахъ этихъ какъ будто слышатся отзвуки поэтическихъ мечтаній самого дорогого покойника: срв. стихотворенія Андрея Тургенева „Утѣшеніе“ (Надежда кроткими лучами освѣщаетъ) и „Забудемъ здѣсь искать блаженства“ ²⁾.

Въ посланіи „Александрѣ Ивановичѣ Тургеневѣ“ (1813 г.) Жуковский вспоминаетъ о кончинѣ своего друга:

Увы! онъ зрѣлъ лишь юный жизни цвѣтъ;
Съ усиліемъ его смыкались вѣжды;
Онъ сѣтовалъ, навѣкъ теряя свѣтъ,
Гдѣ милаго столь много оставалось,
Что бытіе такъ рано прекращалось,
Но онъ и въ гробъ мечтой сопровожденъ...

Позднѣе Жуковский посылаетъ Александрѣ Ив. Тургеневу эпитафію Ив. Петр. и Андрею Ив. Тургеневымъ:

Судьба на мѣстѣ семь разрознила нашъ кругъ:
Здѣсь милый нашъ отецъ; здѣсь нашъ любимый другъ;
Ихъ разлучила смерть, и смерть соединила... и проч. ³⁾.

Въ стилѣ Карамзинской элегіи въ прозѣ „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“ Жуковский пишетъ цѣлый гимнъ идеальной дружбѣ, какъ выразился акад. А. П. Веселовскій ⁴⁾,—и этотъ гимнъ печатается въ качествѣ предисловія къ началу своей сентиментально-героической поэмы-повѣсти „Вадимъ Новгородскій“. Карамзинъ снабдилъ это предисловіе такимъ примѣчаніемъ къ тексту: „Сія трогательная дань горестной дружбы принесена авторомъ памяти Андрея Ивановича Тургенева, недавно умершаго молодого челоуѣка рѣдкихъ достоинствъ“ ⁵⁾.

¹⁾ „Къ К. М. С—ной“ (1803 года). Соч. Жуковского подъ ред. Архангельскаго, т. I, стр. 18.

²⁾ См. выше въ моихъ „Разысканіяхъ о соч. Жуковского“, гл. XIII, отд. оттискъ, стр. 218—219.

³⁾ Письма Жуковского къ Алекс. Ив. Тургеневу, изд. Русск. Архива, стр. 129, 190. Могилы Ивана Петр. Тургенева и его сына Андрея находятся рядомъ въ Александро-Невской лаврѣ (Архивъ братьевъ Тургеневыхъ, изд. II отд. Акад. Наукъ, вып. I, С.-Пб. 1911, стр. 439).

⁴⁾ „В. А. Жуковский, поэзія чувства и сердечнаго воображенія“, стр. 98.

⁵⁾ Вѣстникъ Европы, 1803 г., № 23.

Предисловіе это, случайное, мало идущее къ послѣдующему повѣствованію, выразило тотъ культъ дружбы, добродѣтели и нравственнаго совершенствованія, который исповѣдывался Тургеневскимъ кружкомъ и „Дружескимъ Литературнымъ Обществомъ“, въ первомъ параграфѣ устава котораго значилось, что „единственная и главнѣйшая должность—это возжечь въ сердцахъ любовь къ добродѣтели и истинѣ“¹⁾; тема о дружбѣ была излюбленною темой Жуковского того времени²⁾.

Свои скорбныя чувства объ утратѣ друга Жуковскій, въ предисловіи къ „Вадиму“, изливаетъ на фонѣ общаго настроенія, въ какомъ онъ возвратился изъ Москвы въ Мишенское.

Оставивъ Университетскій Благородный Пансіонъ, Жуковскій опредѣлился „въ Главную Соляную Контору съ переименованіемъ въ городовые секретари 1800 года февраля 15“³⁾, въ Москвѣ.

Какая атмосфера его окружила и какъ онъ себя чувствовалъ, явствуетъ изъ письма къ Мерзлякову отъ 22-го августа 1800 г.:

„Я пишу въ гнилой конторѣ, на кучѣ большихъ бухгалтерскихъ книгъ; вокругъ меня раздаются голоса толстопузыхъ запачканныхъ и разряженныхъ крючкоподьячихъ; перья скрипятъ, дребезжатъ въ рукахъ этихъ соляныхъ анчусовъ и оставляютъ чернильныя слѣды на бумагѣ; вокругъ меня хаосъ приказныхъ; я только одна планета, которая, плавая надъ безобразною структурою мундирной сволочи, мыслить *au dessus du Vulgaire* и—писать къ тебѣ письмо“. А въ письмѣ этомъ затрогиваются такіе вопросы: „Одинъ Богъ знаетъ, что такое человѣкъ, эта вѣчная загадка, которую Природа задала ему и которую онъ съ минуты рожденія по самую минуту смерти разгадываетъ и разгадать не можетъ. Жизнь наша не иное что, какъ неразрывная цѣпь желаній, смерть есть конецъ ихъ и, можетъ быть—исполненіе“ и т. п.⁴⁾.

Ясное дѣло, что хотя должность Жуковского въ Соляной Конторѣ

¹⁾ В. М. Истринъ, Смерть Андрея Тургенева, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1910 г., № 3, стр. 32—33; *то же*, Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. выг. II, „Младшій Тургеневскій кружокъ“, стр. 34, 88.

²⁾ Архивъ бр. Тургеневыхъ, II, 101.

³⁾ Официальный формулярный списокъ Жуковского, составленный въ 1850 г. (*Русск. Арх.* 1902 г., № 2, стр. 85).

⁴⁾ В. М. Истринъ, Къ біографіи Жуковского (по матеріаламъ архива братьевъ Тургеневыхъ). Дружеская переписка въ августѣ—сентябрѣ 1800 г. (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1911 г., № 4, стр. 219—220).

была и легкая ¹⁾, тѣмъ не менѣе удовлетворить она нашего поэта, разумѣется, не могла; онъ и много позднѣе не могъ о ней вспомнить безъ раздраженія ²⁾. Присоединились какія-то служебныя непріятности ³⁾,—и Жуковскій въ началѣ 1802 г. вышелъ въ отставку. „Въ горячкѣ самой“ онъ пишетъ письмо на родину, получаетъ дружескій отвѣтъ отъ Маріи Григорьевны Буниной и приглашеніе переѣхать въ Мишенское ⁴⁾, и въ апрѣлѣ отправляется въ деревню.

Деревенская жизнь въ то время привлекала. „Сказать ли вамъ, о чемъ я думалъ, ходя?“ писалъ Андрей Тургеневъ изъ деревни Жуковскому и Мерзлякову: „Дѣлалъ планы для будущей жизни. Я бы хотѣлъ жить въ деревнѣ съ нѣкоторыми друзьями... и воображалъ себя въ положеніи, что будто я ѣзжу съ ними верхомъ“ и проч. ⁵⁾. Для Жуковского Мишенское должно было обладать особою притягательною силою: „Ты, братъ, ѣдешь въ деревню,—писалъ ему Андрей Тургеневъ,—нѣтъ, еще больше, ты ѣдешь туда, гдѣ ты провелъ свое дѣтство! Счастливая, завидная участь!“... ⁶⁾. Конечно, свое Мишенское имѣлъ передъ собою въ воображеніи Жуковскій, когда писалъ:

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,—
Что вашу престель замѣнить?...

Село Мишенское находится въ Тульской губерніи, въ трехъ верстахъ отъ уѣзднаго города Бѣлева. Окрестности его живописны. Князь И. М. Долгорукій въ одѣ, посвященной Аннѣ Петровнѣ Юшковой (впослѣдствіи Зонтагъ), такъ воспѣваетъ Мишенскую долину:

Нѣтъ средства не сказать: прекрасная долина!
Престелѣй во сто кратъ, чѣмъ мертвая руина,

¹⁾ Изъ письма Андрея Тургенева—*акад. Веселовскій*, Жуковскій, стр. 54—55.

²⁾ См. письмо въ Ал. Ив. Тургеневу въ началѣ 1818 года: „О прежней службѣ моей скажу только то, что я вошелъ въ Главную *дурацкую* Соляную Контору въ 1800 году“, и проч. (Письма Жуковского къ Ал. Ив. Тургеневу, стр. 186).

³⁾ *Веселовскій*, Жуковскій, стр. 68—69, примѣч.

⁴⁾ *А. Д. Алферовъ*, В. А. Жуковскій, биографич. очеркъ, М. 1902, стр. 30.

⁵⁾ *Веселовскій*, Жуковскій, стр. 67.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 53.

Какія сохранилъ отъ Генуэзцевъ Крымъ,
Какихъ мы посмотрѣть во весь духъ скачемъ въ Римъ...
Божественны мѣста!—еще побудемъ здѣсь;
Пусть врѣжутся въ умъ *мса, рѣка*, вся вѣсь.—
Дай, память, вѣчну кисть!—рисуйся въ ней картина!
Дай, сердце, имя ей: блаженная долина! ²⁾

Благодаря живописнымъ окрестностямъ Мишенскаго и близости его къ городу, А. Ив. Бунинъ избралъ это свое помѣстье „постояннымъ мѣстопребываніемъ для своего семейства и, по тогдашнимъ обычаямъ, обстроилъ и украсилъ его роскошно. Огромный домъ съ флигелями, оранжереями, теплицами, прудами, садками, паркомъ и садомъ, придавалъ особенную прелесть этой усадьбѣ; а обстановка — дубовая роща, ручеекъ въ долинѣ, виды на отдаленные луга и нивы, на близкое село съ церковью, настраивали чувства обитателей къ мирному наслажденію красотой природы. Растительность въ этой сторонѣ отличается чѣмъ то могучимъ, сочнымъ, свѣжимъ“... ²⁾).

И Жуковский любилъ свою родную деревню: „Все, что на милой родинѣ, здравствуй!“ — пишетъ онъ изъ Дерпта къ Авдотѣ Петр. Елагиной ³⁾).

О, родина, всѣ дни твои прекрасны!
Гдѣ бъ ни былъ я, но все съ тобой душой,—

вставляетъ онъ стихи въ то же письмо ⁴⁾).

Влеченіе къ окружавшей нашего поэта въ это время деревенской жизни и нашло свое меланхолическое, сентиментально-реторическое выраженіе въ началѣ предисловія къ „Вадиму“:

„Безмолвныя дубравы, тихія долины, обители меланхоліи! къ вамъ стремлюсь душою, пѣвецъ природы, незнаемый славою! Сокройте меня, сокройте!.. Подъ кровомъ неизвѣстнымъ, на лонѣ природы, пускай расцвѣтетъ и увянетъ жизнь моя!“ („Вадимъ“, соч. Жуков., ред. Арханг., т. IX, стр. 13).

Эта жизнь рисуется поэту далеко не свѣтлыми красками: „Радостно“

¹⁾ *Зейдлицъ*, Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 6, со ссылкой на Вѣстн. Европы, 1810 г., № 9, стр. 209. См. Бытіе сердца моего, или стихотворенія кн. *Ив. Мих. Доморукова*, часть III, М. 1818, стр. 130—131 („На долину Мишинскую, въ Бѣлевѣ, А... П... Ю...“).

²⁾ *К. К. Зейдлицъ*, Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 4—5.

³⁾ Тамъ же, 5.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 6.

сти міра не прельщаютъ моего сердца! радости міра тлѣнны; быстры, какъ тлѣни облака, носимаго вихремъ!“ (тамъ же).

Насколько искренни были эти слова Жуковского, доказываетъ его сохранившаяся записка къ Ал. Ив. Тургеневу (безъ даты, но написанная почеркомъ Жуковского раннихъ лѣтъ): „Нашъ кругъ часъ отъ часу уменьшается. Многихъ ужъ нѣтъ; а тѣ, которые остались, живутъ розно и не радуются жизнию. *По крайней мѣрѣ я давно разучился ею радоваться.* Что изъ этого выйдетъ, не знаю; но смерть всего лучше“ ¹⁾.

Доно природы родного Мишенскаго приняло нашего поэта и дало ему хотя временное успокоеніе. Въ позднѣйшихъ стихахъ его встрѣчаемъ уже иной тонъ,—см. „Вечеръ“, элегія 1806 года; вслѣдъ за воспоминаніемъ объ утраченныхъ спутникахъ жизни, друзьяхъ, Жуковский говоритъ:

Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
И, взоръ склонивъ на плѣнны воды,
Творца, друзей, *любовь и счастье восславить* ²⁾.

Что деревня стала успокоительно дѣйствовать на Жуковского, свидѣтельствуютъ его слова въ томъ же предисловіи къ „Вадиму“; заговоривъ о своей „скромной обители пустытника“—своей деревенской хижинѣ—онъ прибавляетъ: „Благословляю тебя, жилище *спокойствія* и свободы! Теките *мирно, дни моей жизни!* да грозная буря не помрачитъ васъ; *будьте ясны*, какъ чистое небо въ красотѣ весенней; *цвети веселіе* по слѣдамъ вашимъ; ваши слѣды да не будутъ ужасны, какъ слѣды льва разъяреннаго на пескахъ пустынной Сахары!“ ³⁾.

Въ Мишенскомъ Жуковский жилъ вмѣстѣ съ своимъ крестнымъ отцомъ, Андреемъ Григорьевичемъ Жуковскимъ, отдѣльно отъ семьи Буниныхъ „на чердачкѣ флигеля“ ⁴⁾. Къ этой-то, повидимому, ман-

¹⁾ Письмо Жуковского къ Ал. Ив. Тургеневу, стр. 308. Срв. мысли о смерти въ произведеніяхъ Жуковского—см. моп „Разысканія“, гл. IX, отд. отг. стр. 146 и слѣд.

²⁾ Соч. Жуков., ред. Арханг., т. I, стр. 28.

³⁾ Тамъ же, т. IX, стр. 14.

⁴⁾ Er wohnte bei seinem Adoptivvater im Dachstübchen des Nebenhauses, — C. Seidlitz, W. A. Joukoffsky, ein Russisches Dichterleben, Mitau, 1870, S. 20; въ

сардѣ и относятся слова въ предисловіи „Вадима“: „Гордый и славный не посѣтятъ моей хижины; взоръ ихъ отвратится съ презрѣніемъ отъ скромной обители пустынника; но бѣдный и гонимый рокомъ приближатся къ ней съ тихимъ восторгомъ благодарности; но сирота забвенный благословитъ ее; но добрый, чувствительный мечтатель, другъ мира и добродѣтели (т. е., очевидно, самъ Жуковскій), найдетъ въ ней счастье, неизвѣстное гордымъ и славнымъ“¹⁾.

Нашъ поэтъ обращается къ музѣ чувствительности (по выраженію А. Н. Веселовскаго)—задумчивой меланхоліи, обитательницѣ развалинъ, старыхъ келій и тѣней, не оглашенныхъ весельемъ: „Божество сердець непорочныхъ, уединеніе! да осѣнятъ меня твои кипарисы! задумчивый мракъ ихъ да погрузитъ мою душу въ меланхолію“²⁾: вѣдь меланхолія, по выраженію Карамзина, — „нѣжнѣйшій переливъ отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья“.

Пользуясь излюбленными аллегоріями „монументальнаго“ поэтического стиля XVIII вѣка, Жуковскій обрисовываетъ идиллическій характеръ и направленіе предстоящей ему деревенской жизни:

„Здѣсь на брегѣ рѣки, медленно ліющей и шумящей, воздвигну тебѣ (уединенію) оltарь изъ дерна, и въ часы торжественнаго безмолвія природы буду мечтать о жизни, смотря на тихія волны, угасающія съ вечернимъ солнцемъ. Здѣсь моя скромная муза робко будетъ звучать на лирѣ, обвитой цвѣтами, посвященной свободѣ и добродѣтели“...³⁾.

Припоминая слова Андрея Тургенева (изъ его „Элегій“):

И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать
Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ,—

Жуковскій говоритъ:

„Здѣсь радостный образъ мирнаго счастья плѣнитъ меня своимъ призракомъ, и пепель протекшихъ радостей оживится моими *слезами сладкими, посвященными воспоминанію*“⁴⁾, — и заканчиваетъ тираду оссіановскимъ мотивомъ о явленіи тѣней умершихъ:

„И тѣни сокрытыхъ во гробѣ, услышавъ мой голосъ, ихъ призывающій, покинуть безмолвныя жилища праха, соединятся со мною

русскомъ переводѣ Зейдлицовской біографіи Жуковскаго этой подробности нѣтъ. Соч. Тихонравова, т. II, ч. 1, стр. 390.

¹⁾ Соч. Жуков., ред. Арханг., т. IX, стр. 13—14.

²⁾ Тамъ же, стр. 14.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же.

оставленнымъ, и будутъ сопутниками, друзьями души моей въ уединенномъ странствіи“¹⁾).

Послѣ этого вступленія нашъ поэтъ обращается мыслями къ своему покойному другу:

„О ты, *незабвенный!*“²⁾, ты увядшій въ цвѣтѣ лѣтъ, какъ увядаетъ лилія, прелестная, благовонная!“

Ив. Петр. Тургеневъ въ пространномъ письмѣ своемъ къ Жуковскому (іюль—авг. 1803) по поводу кончины Андрея Тургенева выразился: „А мой *цвѣтъ увялъ* въ лучшую пору. Скосила его жестокая смерть“³⁾. Подобно тому, какъ отвѣтное посланіе Жуковского къ И. П. Тургеневу отъ 11-го августа 1803 г.⁴⁾ написано въ духѣ письма И. П. Тургенева⁵⁾, такъ и въ посвященномъ памяти Андрея Тургенева предисловіи къ „Вадиму“ наблюдаются отзвуки того же письма И. П. Тургенева, а равнымъ образомъ и точки соприкосновенія съ письмомъ Жуковского отъ 11-го августа 1803 г. Отелики того же настроенія и тѣхъ же идей встрѣтятся и въ послѣдующихъ произведеніяхъ Жуковскаго.

„Ахъ! гдѣ обитаетъ безсмертная, *преображенная* душа твоя?— продолжаетъ нашъ поэтъ. — Куда унесенъ ты смертію *неизъяснимою?*“...⁶⁾.

Срв. въ письмѣ И. П. Тургенева:

„Что есть смерть? Переходъ отъ времени въ вѣчность... Какъ мнѣ не предполагать безсмертія, когда и смерти нѣтъ?... Такъ, мой другъ, все живетъ, ничто не умираетъ, а только измѣняется и другой видъ и образъ пріемлетъ... Какъ умереть Андрею? какъ погаснуть

¹⁾ Срв. Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, перев. Кострова, I², стр. 87 — 88: „Мысли мои исполнены были Эвираллиною (недавно умершею), какъ вдругъ во всемъ блистаніи красоты своей, и орошая слезами лазурь прелестныхъ очей своихъ, она являсь мнѣ на легкомъ своемъ облакѣ, вѣщаетъ слабымъ гласомъ“... Тамъ же, стр. 89—90: „Герою представилась унылая тѣнь Агандеки. Она вышла отъ волнъ океана, и простерлась тихими стопами на поле Лены: ея лице блѣдно, и ланиты ея орошены слезами; многократно изъ подъ облачной своей одежды безмолвна, и обращая вспять очн, простирада она хладную свою руку на Фингала“, и др.

²⁾ Срв. заглавіе элегіи „На смерть *незабвеннаго* человѣка“ (*Веселовскій*, Жуковскій, стр. 94).

³⁾ Архивъ бр. Тургеневыхъ, вып. II, приложенія, стр. 288.

⁴⁾ Письма Жуковского къ Ал. Ив. Тургеневу, изд. Русс. Арх., стр. 8 и сл.

⁵⁾ В. М. Истринъ, Смерть Андрея Ив. Тургенева (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1910, № 3, стр. 5—6).

⁶⁾ Соч. Жуков., ред. Арханг., IX, 14.

его искръ? Она только раздулась болѣе и превратится со временемъ въ пламень... Чѣмъ долѣе, тѣмъ пламя его будетъ чище... Это говорить разумъ... Разумъ не знаетъ только—какъ? въ етомъ ему покориться должно, утихнуть вопросами и въ молчаніи ожидать внушеній сердечныхъ "... 1).

„Восхищенный, счастливый тобою, обнималъ я одну тѣнь минутную. Руки мои не опустились еще, а тебя нѣтъ; и уже гробъ твой, безмолвный, непроницаемый, передо мною! 2). Священная тайна Провидѣнія! чье око дерзнетъ въ сію бездну? Смертный исчезаетъ во мракъ! Ему ли вступить во святилище Безконечнаго? Ему ли вопрошать Невѣдомимаго?“ 3).

Въ письмѣ И. П. Тургеневу отъ 11-го августа 1803 г. Жуковский говорилъ: „Какъ понять, что такое смѣрть? Мертвые не говорятъ; а тѣ, которые оплакиваютъ ихъ, видятъ одинъ только прахъ того, что было имъ драгоцѣнно, видятъ однѣ развалины, ничтожество цѣлаго. Вѣрю, что я, то-есть составъ мой, не исчезнетъ. Стихіи раздѣлятся, пріобщатся къ стихіямъ, но гдѣ тотъ образъ, то явленіе, которые происходили отъ союза стихій? Части разрушеннаго инструмента цѣлы; но гдѣ гармонія, гдѣ прелестные звуки, которые восхищали меня? Но въ природѣ нѣтъ ничтожества. Смерть есть измѣненіе“... 4).

Слѣдующій далѣе (въ предисловіи къ „Вадиму“) потокъ искреннихъ горестныхъ изліяній Жуковскаго („Вся душа моя устремлена къ сему невозвратному, навсегда улетѣвшему счастью! Ахъ! гдѣ сіе время наслажденій мирныхъ и безмятежныхъ? Куда дѣвалось сердце, которое любило меня любовію чистѣйшею?.. Гдѣ мой товарищъ на пути неизвѣстномъ? Гдѣ другъ мой, съ которымъ я шель рука въ руку?.. и проч.) заключается припоминаніемъ обстоятельствъ момента смерти Андрея Тургенева: „Рука утѣшительной дружбы закрыла глаза твои; рука нѣжная благословила тебя охладѣвшаго и безчувственнаго“.

О подробностяхъ кончины друга Жуковский узналъ изъ того же письма къ нему Ив. Петр. Тургенева: „Ив. Влад. (Лопухинъ),—писалъ послѣдній,—не отходилъ отъ постели, а Петръ Сергѣичъ (Кайсаровъ),

1) Архивъ бр. Тургеневыхъ, II, 287—288.

2) Срв. „Къ Фихалету“:

Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ—
И что же!.. предо мной увядшаго могила...

(Соч. Жуков., I, 59).

3) Соч. Жук. IX, 14.

4) Письма Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу, стр. 9.

по прозбѣ покойнаго и безпримѣрной любви, вся о себѣ не радящей, даже лежалъ съ нимъ и не заразился“... 1).

Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 11-го августа 1803 г. Жуковский писалъ: „Онъ умеръ не одинъ, онъ умеръ на рукахъ П. С. (Кайсарова), которому завидую отъ всего сердца... Кого не утѣшить въ самыхъ страданіяхъ видъ И. Вл. (Лопухина)! Онъ конечно облегчилъ тягость разлуки его съ жизнію! Онъ усладилъ его надеждою на безсмертіе, на скорое свиданіе съ тѣми, которыхъ онъ любилъ въ этомъ мірѣ!“ 2).

Въ этомъ же письмѣ нашъ поэтъ выражаетъ свою скорбь о томъ, что ему самому не привелось присутствовать при кончинѣ друга: „Какъ я несчастливъ, что не могъ быть при немъ въ минуту смерти... По крайней мѣрѣ утѣшаюсь внутреннимъ чувствомъ своимъ, которое говоритъ мнѣ, что я не оставилъ бы его въ эту минуту, не побоялся ужасной прилипчивой болѣзни и пожертвовалъ бы жизнію для послѣдняго долга дружбы, для утѣшенія умирающаго, единственнаго друга своего“ 3).

То же самое высказываетъ Жуковский и въ предисловіи къ „Вадиму“:

„А я, несчастный, я разлученный съ тобою въ рѣшительный часъ сей—не слыхалъ твоихъ стоновъ, не облегчилъ боренія твоего съ смертію; не зрѣлъ, какъ посыпалась земля на безвременный гробъ твой и навѣки тебя сокрыла!“

Идея о безсмертіи души даетъ нашему поэту возможность заключить тираду грустно-радостнымъ аккордомъ:

„Покойся, милый, священный пепель! Неужели рука Провидѣнія, милосердая, благодатная, могла угасить навѣки свѣтило души прелестной? Ахъ, нѣтъ! Пускай отецъ и друзья терзаются надъ гробомъ нечувствительнымъ... Тѣнь веселая и мирная! ты наслаждайся безпримѣснымъ блаженствомъ; носись невидимо надъ нами; простирай къ намъ руки съ высотъ эфира“...—опять тотъ же оссіановскій образъ.

Поэтъ опять обращается къ самому себѣ, къ своему мирному деревенскому пристанищу:

„Въ сей тихой обители сокроется жизнь моя; въ сей тихой обители воздвигну памятникъ тебѣ незабвенному“...

Идеаломъ Тургеневскаго кружка было нравственное самосовершенство

1) Архивъ бр. Тургеневыхъ, II, прилож., 288. Срв. *В. М. Истринь, Смерть Андрея Ив. Тургенева*, стр. 3 и слѣд.

2) Письма Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу, стр. 9.

3) Тамъ же.

ствованіе ¹⁾); первый параграфъ устава „Дружескаго Литературнаго Общества“ говорилъ, что „единственная и главнѣйшая должность— возжечь въ сердцахъ любовь къ *добродѣтели* и истинѣ“ ²⁾. Александръ Ив. Тургеневъ въ своемъ дневникѣ, подъ 31-е декабря 1802 г.— 12-го генваря 1803 г., вспомнивъ о Мерзляковѣ и Жуковскомъ, записываетъ: „4 года какъ мы узнали другъ друга и... Ахъ? ничто и никогда не истребитъ изъ моей памяти сіи первыя минуты, сіе начало моего блаженства; никто не потушитъ во мнѣ сей первой искры... и *добродѣтели*“ ³⁾. Жуковский, попавъ въ Тургеневскій кружокъ, также поставилъ своею цѣлью нравственное самосовершенствованіе, воспѣвалъ добродѣтель ⁴⁾. Тотъ же мотивъ о добродѣтели выдвигаетъ онъ и въ посвященномъ памяти Андрея Тургенева предисловіи къ „Вадиму“:

„Тѣнь твоя (Андрея) надо мною... въ ея священномъ присутствіи клянусь быть другомъ *добродѣтели*. Грознымъ и разъяреннымъ да узрю тебя передъ собою, если порокъ услышитъ хвалу мою“...

Въ заключеніе опять выступаетъ на сцену пластическій образъ поэзіи, неудержимо влекій къ себѣ Жуковского:

„Тихая муза моя непорочна,—говоритъ онъ,—какъ сама природа: не броситъ цвѣтовъ на стезю недостойнаго; въ вѣнцѣ изъ розъ и вѣтвей дубовыхъ она скитается по тихимъ дубравамъ и съ томнымъ журчаніемъ потоковъ соединяетъ свои пѣсни простыя, нестройныя“...

Эту же музу нашъ поэтъ будетъ призывать позднѣе на берегъ „ручья, віющагося по свѣтлому песку“, очевидно, Мишенской долины ⁵⁾:

Приди, о муза благодатна,
Въ вѣнцѣ изъ юныхъ розъ съ цѣвницею златой;
Склонись задумчиво на пѣнистыя воды,
И, звуки ожививъ, туманный вечеръ пой... ⁶⁾.

А пока—онъ окружаетъ ее меланхолическою осіановскою обстановкой:

„Тихой мѣсяць таятся въ дымѣ облаковъ прозрачныхъ. Рѣка шумитъ. Все покойно! Задумавшись опирается муза на камень, обросшій

¹⁾ В. М. Истринъ, Смерть Андрея Ив. Тургенева, стр. 32.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Архивъ бр. Тургеневыхъ, II, Дневникъ Ал. Ив. Тургенева, стр. 182.

⁴⁾ См. мои „Разысканія“ о соч. Жук. гл. IV, отд. отд. стр. 59 и слѣд.

⁵⁾ Срв. *Зейдлицъ*, Жизнь и поэзія Жуковского, стр. 5.

⁶⁾ „Вечеръ“, элегія 1806 г. (Соч. Жук., ред. Арх., I, 27).

мохомъ, и легкою рукою играетъ на лирѣ. Я пою: эхо раздается; рощи, одѣтыя мракомъ, пробуждаются, и робкая лань трепещетъ на брегѣ рѣки, невидимо журчащей въ кустарникѣ“¹⁾.

Изъ представленнаго анализа, думается, ясно, что предисловіе „Вадима“ лишь случайно присоединено къ послѣдующей повѣсти,— почему это предисловіе и приходится разсматривать отдѣльно отъ повѣсти.

XXVI.

Въ главахъ XII—XV предлагаемыхъ „Разысканій“ я далъ, насколько позволили средства и печатные матеріалы, которые только и находились тогда въ моемъ распоряженіи, обзоръ раннихъ литературныхъ опытовъ группы молодыхъ друзей: А. О. Мерзлякова, Андрея и Александра Ив-чей Тургеневыхъ, П., М. и А. С-чей Кайсаровыхъ, А. О. Воейкова, С. Е. Родзянки, А. Офросимова и С. М. Соковнина; это былъ тотъ московскій литературный кружокъ, въ которомъ ближайшимъ образомъ вращался молодой Жуковский. Десять изъ этихъ юношей образовали Дружеское Литературное Общество, уставъ („Законы“) котораго написалъ Мерзляковъ.

Мѣсто и значеніе этого Общества среди другихъ подобнаго же характера обществъ и кружковъ конца XVIII—нач. XIX вв., до „Арзамаса“ включительно, указаны въ статьѣ академика В. М. Истрина²⁾. Дружеское Литературное Общество, какъ опредѣленная организація, руководящаяся опредѣленнымъ уставомъ, оказалось весьма недолговѣчно: не просуществовало и полугода; въ средѣ его возникли несогласія, не взирая на личную пріязнь его членовъ между собой, подоспѣлъ отъѣздъ нѣкоторыхъ изъ нихъ (Родзянки, Андрея Тургенева) изъ Москвы, и немногочисленное общество распалось и замерло, такъ какъ жизнь выставила передъ нашими друзьями инныя задачи и указала имъ разные пути.

Не должно, однако, преувеличивать значенія разногласій между членами Дружескаго Литературнаго Общества, а съ другой стороны

¹⁾ Срв. Оссіанъ, пер. Кострова, I², 113—114: „Я зрю четыре камня одынные мохомъ, они являютъ здѣсь мрачное жилище смерти“; тамъ же, стр. 175 — 176: „Холмы Коня да уможнеть шумъ источниковъ вашихъ, внимайте струнамъ Оссіановой лиры... О Сельма! слухъ мой внемлетъ журчанію твоихъ источниковъ“... и т. под.

²⁾ В. М. Истринъ, Дружеское Литературное Общество 1801 г. (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1910 г., № 8).

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	1
Введеніе	3
„Вадимъ Новгородскій“ Жуковскаго и псевдо-историческія повѣсти конца XVIII—нач. XIX вв. . .	9

XX. Обработка историческихъ сюжетовъ въ формѣ повѣстей на Западѣ и у насъ (9 — 12). — „Брега Альты“, Нарѣзнаго (12—17); „Освобожденная Москва“, его же (17 — 22); „Свѣтославъ“, Воейкова (22—28); „Свѣтлана и Мстилавъ“, Востокова (28—33).

XXI. Фантастическая славяно-русская миеология и ея создатели: М. Д. Чулковъ и М. В. Поповъ (34—37), Гр. Глинка (37—39), А. С. Кайсаровъ (39—41).—Имена славянской миеологии въ сочиненіяхъ Хераскова, Радищевыхъ, Востокова и др. (34, 42—43).

XXII. Псевдо-историческія повѣсти: „Черна, княжна Черниговская“, Евг. Люценко (43 — 46); „Громобой“, Каменева (47—50); „Рогольдъ“, Нарѣзнаго (51); „Славенскіе вечера“, его же (51); „Ольга на гробницѣ Игоревой“ (51—56); „Ольга“ (56—60); „Игорь, великій князь сѣвера“ (60); „Роггѣда, или разореніе Полоцка“ (60 — 67); „Оскольдъ“, Муравьева (67—72); „Предслава и Добрыня“, Батюшкова (72—76).

XXIII. Историческія повѣсти другого стила: „Наталя бодрская дочь“, Карамзина (76 — 77); „Марѣя Посадница“, его же (77—78); „Рюрикъ“, А. М—скаго (78—85); „Ксенія княжна Галицкая“ (85—86); повѣсти С. Н. Глинки (86).

XXIV. „Вадимъ Новгородскій“, Жуковскаго; отзвуки вліяній на него Флоріана („Вильгельмъ Тель“), поэмъ Оссиана, славянорусской миеологии (86 — 103). — Итоги (103 — 105).

XXV. Предисловіе „Вадима Новгородскаго“ (105—118, 494—496).

Дружеское Литературное Общество. 118

XXVI. Архивные материалы для истории Общества (119).— Рѣчи членовъ Общества по рукописи Императорской Академіи Наукъ, № 618: рѣчи Мерзлякова (119—136).

XXVII. Рѣчи Андрея Тургенева (136—150); „О поэзии и о злоупотребленіи оной“ (138—144); „О русской литературѣ“ (144—150).

XXVIII. Рѣчи Андрея Кайсарова (161—154); рѣчи Воейкова (154—158); рѣчи Михаила Кайсарова (158—163); рѣчи Александра Тургенева (163—165); рѣчи С. Родзянки (165—167).

XXIX. Рѣчи Жуковского: а) о дружбѣ (167—180); вопросъ о дружбѣ въ русской литературѣ конца XVIII—нач. XIX вв. (167—169); б) рѣчь „о страстяхъ“ (180—187); тема о страстяхъ въ литературѣ (180—183); влияние Карамзина и Попа на рѣчь Жуковского (183—186); в) рѣчь „о счастіи“ (187—197); тема о счастіи въ русской литературѣ конца XVIII в. (187—189); влияние Карамзина на Жуковского (190—193). Итоги (197—200).

Стихотвореніе Жуковского „Къ Нинѣ“ 200

XXX. Поводъ написанія стихотворенія „Къ Нинѣ“.— Варвара и Анна Соковнины.—Первоначальная редакція стихотворенія (200—206).

Жуковскій въ Мишенскомъ и Бѣлевѣ въ 1802—1807 гг. 207

XXXI. Возвращеніе Жуковского въ Мишенское (207).—Второй переводъ элегии „Сельское кладбище“ (207—210).—Стихотвореніе „Къ моей лирѣ“ (210—213).—Стихи на „Марьяну рошу“ (213—214).—Настроенія Жуковского этого времени (214—216).—Вліяніе Томсона (216—223); Томсонъ на русской почвѣ, переводы, подражанія (217—220); „Слова ораторіи Четыре времени года“, Жуковского (220); „Гимнъ Томпсоновъ“ (220—223).

XXXII. Статья Жуковского о „Путешествіи въ Малоросію“ кн. Шаликова (223—226).—„Письмо французскаго путешественника“, перев. Жуковского (226—227).—Участіе въ „Вѣстникѣ Европы“ (226, 228).—Замысль перевести книгу Жерро (228).

XXXIII. Настроеніе Жуковского въ началѣ 1804 года (229).—„Разговоръ А и Б.“ (229—232).—Ода „Къ поэзіи“ (232—240).

XXXIV. Поѣздка Жуковского въ Петербургъ (241).—Планъ путешествія за границу (242).—Самообразование: „Роспись лучшихъ книгъ“ (242—248); выписки, переводы и конспекты, литературные замыслы (248—299).—Изученіе

„Лицея“ Лагарпа (249). — „На что дѣлать примѣчанія въ Эшенбургской теоріи“ (249—250). — Способъ чтенія Жуковского (250—251). — Тетради для выписокъ (250). — Перечень задуманныхъ переводовъ и подражаній (252—254). — „Что сочинить и перевести“ (254—257). — Реальные замыслы Жуковского лѣтомъ 1805 г. (257). — Прибытіе Е. А. Протасовой съ дочерью (258). — „Маша“ (258—260). — Жуковский—учитель племянницъ (260—261). — Собственныя занятія Жуковского, чтеніе, переводы: Хр. Гарве (261—264); Энгель (265—266); „О успѣхахъ въ добродѣтели“ (267); Гуфландъ (267—268); Крузіусъ (268); „Лицей“ Лагарпа (268—272); Эшенбургъ, его поэтика (273—291) и „Handbuch der klassischen Literatur“ (292—297); Зулцеръ (298); Роленъ (298—299); „Энциклопедія“ (299).

XXXV. Замысль „Собранія русскихъ поэтовъ“ (300). — Четверостишіе „Дружба“ (300—302). — Интересъ къ Гольдсмиту и „Опустѣвшая деревня“ по рукописямъ Жуковского (302—316).

XXXVI. Жуковский въ концѣ 1805—нач. 1806 г. (316—318). — Хронологическій перечень стихотвореній до 1808 г. (318—320). — Литературныя обработки исторіи Абеяра и Элоизы и „Посланіе Элоизы къ Абеяру“ Жуковского (320—331).

XXXVII. Жуковский и Парни (331—348). — Поэзія Парни на русской почвѣ (332—342, 597); переводы изъ Парни Жуковского: VI элегія (343—346), „Разговоръ“ (346), „Эпименида“ (346—348). — Вліяніе Парни на стихотвореніе „Къ моему лирѣ“ (342—345) и Пѣсню „Когда я былъ любимъ“ (346).

XXXVIII. Жуковский и Клопштокъ; „Отрывокъ изъ Мессиады“ (348—350). — Ранніе русскіе переводы изъ Шиллера (353) и обращеніе къ нему Жуковского (351—353). — „Ода Сафы къ Фаону“ и литературная исторія этой оды Саффо (354—361).

XXXIX. Элегія Жуковского „Вечеръ“ по рукописямъ Императорской Публичной Библиотеки (361—371).

XI. Стих. „Къ Эдвину“ (372). — Русскіе переводы изъ Делиля и „Отрывокъ изъ Делилева диоирамба на безсмертіе души“, Жуковского (372—378).

XLI. „Пѣснь Барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей“ (378—424): тема внушена И. И. Дмитриевымъ (379); военныя обстоятельства того времени (379—381); борьба съ Наполеономъ и ея отраженія въ русской литературѣ (381—389); подготовительныя работы Жуковского для „Пѣсни Барда“ (390—391); черновые наброски (391 и слѣд.); вліяніе Ломоносова и Державина (392—393); вліяніе Оссіана (393 и слѣд.); „хвала“, смѣняющая „печаль“ (396—397, 402, 411); классическія реминисценціи (399—400); отзвуки дѣйствительности

(400—401, 404—405, 412); наша батальная живопись въ стихахъ (Ломоносовъ, Петровъ, Державинъ, Дмитріевъ, Херасковъ) и вліаніе старой манеры письма на Жуковскаго (405 — 410); „философическія“ строки (411); скорбная дѣва (414); отзывки „славяно-русской“ мифологіи (415); реминисценція изъ Грека (416); картина Пруссіи, разгромленной Наполеономъ (417—419); патриотическій призывъ къ борьбѣ съ Наполеономъ (419 — 423); виньетка и музыка къ „Барду“ (597—598). Итоги анализа (423—424).

XLII. Жуковский-баснописецъ (424—471); взглядъ его на басню (424—425); Флоріанъ-баснописецъ (426 — 427); исторія текста басенъ Флоріана въ переводѣ Жуковскаго (427—444); исторія текста басенъ Лафонтена въ переводѣ Жуковскаго (444—470). Итоги (470—471).

XLIII. Переводы мелкихъ стихотвореній и ихъ оригиналы: Сонетъ „За нѣжный поцѣлуй“ (471 — 472); Эпитафія (472); эпиграммы (472—478); мадригаль (478); надпись „Стихи Ельмины“ (478); „Руше къ своей женѣ и дѣтямъ“ (478 — 479); „Плѣнать, а не любить“ (479); „Младенецъ“ (479); романсъ „Тоска по милому“ (480—481).

XLIV. Черновые наброски и отрывки: Переводныя идилліи на русской почвѣ, Гесснеръ и начатый Жуковскимъ переводъ идилліи Гесснера „Миртилъ“ (482 — 487); отрывокъ идилліи Жуковскаго о Титѣ добромъ человѣкѣ (488 — 490); Переводъ Жуковскаго изъ баллады Бюргера „Lenardo und Blandine“ (490 — 491); сказка „Соколъ“, Боккаччіо, Лафонтенъ, Гагедорнъ и Жуковский (491—495); „Вальзора“ (495—496); пѣсня „Поддай блистающій шеломъ“ (496 — 497); отрывокъ изъ трагедіи П. Корнеля „Sertorius“ (497—498).

XLV. Планъ описательной поэмы „Весна“ и ея намѣченные источники (С.-Ламберъ, Клейстъ, Томсонъ и др.); чувство природы; переводныя описательныя поэмы на русской почвѣ (498—513).

XLVI. Составлявшаяся Жуковскимъ переводная хрестоматія „Примѣры слога, выбранные изъ лучшихъ французскихъ прозаическихъ писателей“ и ея источники (513—561).

XLVII. Сочиненія Ж. Ж. Руссо и его вліаніе на русскую почвѣ (561 — 567); переводы Жуковскаго изъ Руссо (567): Разсужденіе о наукахъ и искусствахъ (568 — 570), Левитъ Ефраимскій (570—577), Письма къ Сарѣ (577—583), Письма къ Дидро (584—585), Письма къ Верну (585—586).

XLVIII. Итоги изученія писательской дѣятельности Жуковскаго 1802—1807 гг. (586—593).

Дополненія и поправки	594
Указатель	599